

Часть II

New York Times Bestseller

Орудия Смерти

Книга шестая

ГОРОД НЕБЕСНОГО ОГНЯ

КАССАНДРА КЛЭР

Перед вами очередной потрясающий бестселлер New York Times от всемирно известного автора классического городского фэнтези – Кассандры Клэр!

В ее новом долгожданном романе «Город небесного огня» Клэри и ее друзья окажутся лицом к лицу с поистине страшным противником: родным братом Клэри.

Себастьян Моргенштерн обращает нефилимов против собственных собратьев. Используя Инфермальную чашу, он превращает Сумеречных охотников в порождения мрака, разрывая семьи и возлюбленных, чтобы пополнить ряды своей мрачной армии.

Любовь будет принесена в жертву и многие отдадут свои жизни в страшном сражении за судьбу этого мира в захватывающем заключительном романе серии «Орудия Смерти»!

- [Кассандра Клэр](#)
  -
  - [Часть вторая. Перевернутый мир](#)
    - [1. Сон разума](#)
    - [2. Пепел](#)
    - [3. Тень прошлого](#)
    - [4. Вкус огня и крови](#)
    - [5. Другой Гард](#)
    - [6. Небьющееся сердце Рафаэля](#)
    - [7. «Ты хочешь этого?..»](#)
    - [8. Ignis aurum probat](#)
    - [9. Два зала](#)
    - [10. «Моя королева...»](#)
    - [11. Между миром и войной](#)
    - [Эпилог. Звезды над озером](#)
    - [Благодарности](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)

Кассандра Клэр

Город небесного огня. Часть II

The Mortal Instruments Trilogy 6: City of Heavenly Fire – Copyright © Cassandra Claire, LLC

Часть вторая. Перевернутый мир

Сера и соль, пожарище — вся земля; не засевается и не произращает она, и не выходит на ней никакой травы.

Второзаконие, 29:23

1. Сон разума

Клэри стояла на тенистой лужайке, расстилавшейся по отлогому холму. Небо над головой было голубое-голубое, время от времени по нему проплывали белые облачка. Вымощенная камнем аллея вела к дверям большого дома из золотистого камня.

Она запрокинула голову. Прелестный дом: камни под весенним солнцем обрели цвет сливочного масла, по решеткам на стенах вились розы – красные, золотые и оранжевые. На фасаде выступали балконы из кованого железа; две большие арочные двери украшал нежный рисунок крыльев. *Крылья для Фэйрчайлдов*, – прозвучал где-то в ее подсознании тихий, спокойный голос. *Это поместье Фэйрчайлдов. Оно простояло четыреста лет и простоит еще сто.*

– Клэри! – На один из балконов вышла мама в элегантном платье цвета шампанского. Юная красавица с распущенными рыжими волосами. Обнаженные руки покрыты рунами. – Как тебе? Правда, красиво?

Клэри уловила взгляд мамы и посмотрела туда, где лужайка выравнивалась. Там, в конце тропинки с деревянными скамьями по обеим сторонам, красовалась арка из роз. Вдоль тропинки тут и там росли белые цветы: такие есть только в Идрисе. Воздух был напоен их медвяным ароматом.

Она снова взглянула на маму, но на балконе та уже была не одна. Рядом с ней, обнимая ее за талию, стоял Люк. На нем была рубашка с закатанными рукавами и парадные брюки – словно он наполовину приготовился к выходу в свет. Его руки тоже покрыты рунами: везения, проницательности, силы, любви.

– Готова? – окликнул он Клэри.

– Готова к чему? – спросила она, но оба, казалось, не слышали ее.

С улыбкой они исчезли в доме.

Клэри сделала несколько шагов по тропинке.

– Клэри!

Она оглянулась. К ней по зеленой траве шел стройный юноша в черном костюме с золотыми рунами на воротнике и манжетах. Светлые волосы блестят, на лице улыбка, на щеке грязное пятно. Одной рукой он прикрывал глаза от солнца.

Себастьян.

Он был такой, как всегда, и все же совсем другой. Было ясно, что это ее брат, и все же весь его облик и черты лица изменились – не такой угловатый, не бледный, а загорелый, а его глаза...

Глаза цвета весенней травы сияли.

У него всегда были зеленые глаза, слышала она голос в голове. Люди часто удивляются тому, как вы похожи – он, мама и ты. Его зовут Джонатан. Он – твой брат и всегда защищал тебя.

– Клэри, – повторил он, – ты не поверишь...

– Джонатан! – зазвенел тоненький голосок.

Клэри обернулась и с удивлением увидела со всех ног бегущую к ним девочку. Ее рыжие волосы, такие же, как у Клэри, развевались за спиной словно знамя. Босоногая, в зеленом кружевном платье, манжеты и подол которого настолько истрепались, что напоминали измельченный латук. Наверное, ей было не более четырех-пяти лет. Мордашка замызганная и очаровательная. Подбежав к Джонатану, она подняла ручонки, а он наклонился и подбросил ее вверх.

Девчушка завизжала от удовольствия.

– Ой, ой, перестань, чертенок, – вскрикнул он, когда девочка вцепилась ему в волосы. – Вэл, говорят же тебе, перестань! Не то переверну тебя вверх тормашками. Я не шучу.

– Вэл? – повторила Клэри. *Ну, конечно, ее зовут Валентина, прошептал в подсознании все тот же голос. Валентин Моргенштерн был славным героем этой войны; он погиб в сражении с Ходжем Старкуэзером, но сначала спас Чашу смерти. Когда Люк женился на твоей маме, они почтили его память, назвав его именем дочь.*

– Клэри, скажи ему, чтобы он меня отпустил... о-о-о-ой! – завизжала Вэл, когда Джонатан перевернул ее вверх тормашками и стал раскачивать.

Наконец Джонатан усадил малышку на траву; она расхохоталась и обратила на Клэри взгляд таких же голубых, как у Люка, глаз.

– У тебя красивое платье, – сказала она.

– Спасибо, – ответила Клэри, еще не совсем придя в себя от изумления, и посмотрела на Джонатана; он улыбался, глядя сверху вниз на младшую сестренку. – У тебя грязь на лице?

Джонатан притронулся рукой к щеке.

– Шоколад, – сказал он. – Ни за что не догадаешься, за каким занятием я застал Вэл. Она запустила кулачки в свадебный торт. Надо будет подправить его. – Он искоса взглянул на Клэри. – О'кей, наверное, мне не стоило говорить об этом. Кажется, ты сейчас упадешь в обморок.

– Все в порядке. – Клэри нервно дернула себя за прядку волос.

Джонатан протянул к ней руки, как будто хотел оградить от чего-то.

– Послушай, я его приведу в порядок. Никто и не догадается, что кто-то съел половину розочек. – Он задумался. – Я мог бы съесть вторую половину, для ровного счета.

– Да! – послышался голосок Вэл. Она все так же сидела на траве у его ног и срывала одуванчики. Их белые парашютики разносил ветер.

– Кроме того, – добавил Джонатан, – тебе, наверное, захочется надеть туфли перед свадьбой.

Клэри посмотрела себе на ноги. И правда, она была босая. Босая и в золотом платье. Подол окутывал ее лодыжки, словно освещенное солнцем облако. – Я... Какая еще свадьба?

Зеленые глаза брата округлились.

– **Твоя** свадьба. С Джейсом Эрондейлом. Такой вот высокий блондин. Все девчонки влюбляются в него... – Он замолчал. – У тебя ноги не замерзли? Это правда? – Он заговорщически наклонился к ней: – А хочешь, я увезу тебя за границу, во Францию. И никому не скажу, где ты. Даже если мне будут загонять бамбуковые ростки под ногти.

– Я не... – Клэри пристально посмотрела на него. – Бамбуковые ростки?

Он пожал плечами:

– Ради моей единственной сестры, не считая создания, сидящего у меня на ноге, – Вэл захныкала, – я бы это сделал. Даже если из-за этого мне бы не удалось увидеть Изабель Лайтвуд в платье без бретелек.

– Изабель? Тебе нравится Изабель? – Клэри показалось, что она бежит марафонскую дистанцию и не может перевести дыхание.

Он бросил на нее косой взгляд:

– Что за проблема? Она что – совершила преступление и находится в розыске? – Он задумался. – Вообще, клево было бы.

– О'кей, меня не интересует, что ты считаешь клевым, – автоматически произнесла Клэри. – Чушь!

Джонатан улыбнулся беззаботной, счастливой улыбкой. Но все же в ней читалось, что его не слишком-то заботят хорошенькие девчонки или то, что одна его сестренка съела свадебный торт

другой. Клэри вдруг увидела черные глаза и следы от удара бича. *Он – твой брат. Он твой брат и всегда заботится о тебе.*

– Верно, – сказал он. – Как будто мне не пришлось годами выслушивать: «О-о-о-й, Джейс такой умный. Как ты думаешь, я ему нравлюсь?»

– Я... – Клэри замолчала, снова почувствовав легкое головокружение. – Я просто не помню, чтобы он делал предложение.

Джонатан встал на колени перед Вэл и потянул ее за волосы. Она мурлыкала себе под нос, собирая в кучку маргаритки. Клэри прищурилась – она была уверена, что это одуванчики.

– Ох, я не знаю, сделал ли он предложение, – небрежно промолвил Джонатан. – Мы просто знали, что этим все закончится. Это было неизбежно.

– Но я ведь должна была сделать выбор. – Голос Клэри сорвался на шепот. – Мне ведь надо было ответить согласием.

– Ну, ведь ты согласилась бы? – Он внимательно смотрел на цветущие в траве маргаритки. – Между прочим, как ты думаешь: Изабель вышла бы за меня, если бы я ей предложил?

У Клэри перехватило дыхание.

– А как же Саймон?

Он взглянул на нее лучистыми глазами:

– А кто такой Саймон?

Клэри почувствовала, как земля уходит у нее из-под ног. Она протянула руку, чтобы опереться на брата, но рука прошла сквозь него. Он был неосязаем, как воздух. Зеленая лужайка, юноша и девочка на траве улетели от нее, она упала и сильно ударилась о землю локтями, тело обожгла боль.

Задышавшись, Клэри повернулась на бок. Она лежала на клочке выжженной земли. Из земли выступали обломки булыжников, над ней нависали выгоревшие остовы каменных домов. Холодное стальное небо пронизывали черные облака, похожие на жилы вампиров. Это был мертвый мир, мир, начисто лишенный цвета и жизни вообще. Девушка свернулась на земле; перед внутренним взором были глаза брата и сестры, которых она больше не увидит.

Саймон стоял у окна. Перед ним простирался Манхэттен.

Вид впечатляющий. Центральный парк и Метрополитен, а еще дальше – небоскребы делового центра города. Опускалась ночь, один за другим зажигались городские огни – целая клумба ярких электрических цветов.

Электрические цветы. Он нахмурился. Неплохое выражение, надо бы записать. Последнее время ему некогда было работать над лирикой. Все время съедали другие дела: реклама, поездки, автографы, встречи с читателями. Порой с трудом вспоминалось, что его основная работа – сочинение музыки.

Покой. Обрести его – проблема. Темнеющее небо превратило окно в зеркало. Саймон улыбнулся своему отражению. Взъерошенные волосы, джинсы, винтажная футболка с принтом. У себя за спиной он видел комнату: целые акры пола из твердой древесины, блестящая сталь и кожаная мебель, на стене единственная изящная картина в золоченой раме. Шагал, любимый художник Клэри; пастельные розовые, голубые и зеленые тона, неподходящие к современному стилю апартаментов.

Ваза с гортензией на островке кухни, подарок матери, поздравившей его с исполнением джиги на прошлой неделе. К цветам прилагалась записка: *Люблю тебя. Горжусь тобой.*

Он пристально посмотрел на цветы. Гортензия... Странно. Если у него и были любимые цветы, то это розы, и мама знала это. Он отвернулся от окна и еще пристальнее посмотрел на вазу. Это *и были* розы. Он помотал головой. Белые розы. И ничего больше. Точно.

Он услышал звон ключей, и дверь распахнулась. Появилась миниатюрная девушка с длинными рыжими волосами и сияющей улыбкой.

– О, мой бог, – сказала Клэри, то ли смеясь, то ли запыхавшись. Она захлопнула за собой дверь и прислонилась к косяку. – Не лобби, а зоопарк. Пресса, фотографы. Потрясно выйти сегодня вечером.

Она прошла по комнате, небрежно бросив на стол ключи. На ней было длинное платье из желтого шелка с разноцветными бабочками; в рыжих волосах красовалась заколка в виде бабочки. Девушка казалась теплой, любящей и открытой. И когда она приблизилась к нему и протянула руки, он подошел поцеловать ее.

Та к он поступал каждый день, когда она возвращалась домой.

Чудный запах Клэри, ее духов и мыла... а пальцы в краске. Не отрываясь от его губ, она запустила пальцы ему в волосы и, смеясь, потянула так, что он едва не упал.

– Пора тебе носить туфли на каблуках, Клэри Фрэй. – Он прикоснулся губами к ее щеке.

– Терпеть не могу каблуки. Тебе придется купить мне портативную лестницу. – Она шутливо заглянула ему в лицо. – Разве что тебе захочется бросить меня ради очень высокой поклонницы.

– Никогда. – Он заправил прядь волос ей за ухо. – Разве очень высокая поклонница знает все мои любимые блюда? Помнит, что у меня была кровать в форме гоночного автомобиля? Умеет беспощадно обыграть меня в скрэббл? Захочет терпеть Мэтта, Кирка и Эрика?

– Поклонница способна и на большее.

– Не шали. – Он улыбнулся ей. – Тебе от меня не отделаться.

– Переживу. – Она сдернула с него очки и положила на стол. На него смотрели темные, широко открытые глаза.

На этот раз поцелуй был более жарким. Он обнял ее и прижал к себе, и Клэри прошептала:

– Я люблю тебя. Я всегда любила тебя.

– Я тоже тебя люблю, – промолвил он. – Боже, как я люблю тебя, Изабель.

Он почувствовал, как она застыла в его объятиях, а потом мир вокруг него, казалось, покрылся черными линиями, как разбитое зеркало. Его слух наполнил тонкий вой, и он отступил, спотыкаясь, вкручиваясь в темноту.

– Не смотри, не смотри...

Изабель засмеялась:

– Я не смотрю.

Она почувствовала руки у себя на глазах: мягкие руки Саймона. Он обнял ее в тот самый момент, когда она вошла в дверь квартиры, даже сумки с покупками выпали из рук.

– У меня для тебя сюрприз. – Судя по голосу, он улыбался. – Не подглядывай. Нет, правда. Я не шучу.

– Терпеть не могу сюрпризы, – сказала Изабель, – ты же знаешь.

Она видела только край коврика под руками Саймона. Коврик выбрала она сама: плотный, ярко-розовый и пушистый. В их маленькой и уютной квартирке, как ни странно, хватало места для гитар и японских мечей *катана*, винтажных постеров и ядовито-розовых покрывал. Когда они вселились, Саймон притащил своего кота Йоссариана. Изабель была против, но в глубине души он ей нравился. Покинув Институт, она скучала по Чёрчу.

Розовый коврик исчез, и теперь каблуки Изабель стукнулись о плитки пола на кухне.

– О'кей. – Саймон разжал руки. – Сюрприз!

– Сюрприз!

На кухне было полно народу: ее родители, Джейс, Алек и Макс, Клэри, Джордан и Майя, Кирк, Мэтт и Эрик. Магнус держал бенгальский огонь, и во все стороны сыпались искры, одна

из них попала на футболку Джейса, и тот громко вскрикнул. Клэри держала написанный неровными буквами плакатик: С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, ИЗABELЬ! Она размахивала им, подняв высоко над головой.

Изабель набросилась на Саймона:

– Ты все это подстроил!

– Конечно. – Он притянул ее к себе. – Сумеречные охотники, возможно, и не помнят о днях рождения, а я помню. – Он поцеловал ее в ушко и прошептал: – У тебя должно быть все, Иззи. – Он отпустил ее, и к ней устремилась вся ее семья.

Шквал объятий, подарков и пирог... Его испек Эрик, у которого была какая-то склонность к работе с тестом, а Магнус украсил пирог яркой глазурью, оказавшейся на вкус гораздо лучше, чем на вид. Роберт обнял Маризу, а она прижалась к нему, гордо и довольно глядя, как Магнус, одной рукой взлохмачивая волосы Алека, уговаривал Макса надеть шляпу. У Макса, девятилетнего парнишки, никакого желания надевать шляпу не было. Он бесцеремонно отмахнулся от Магнуса со словами:

– Иззи, это я написал. Ты видела?

Иззи посмотрела на плакатик, лежавший на столе, теперь уже испачканный глазурью; Клэри подмигнула ей:

– Это здорово, Макс. Спасибо.

– Я хотел написать, какой по счету этот день рождения, но Джейс сказал, что после двадцати ты уже старая, и теперь это не имеет значения.

Рука Джейса с вилок застыла на полпути ко рту:

– Я так сказал?

– Вот так мы все начинаем чувствовать себя древними стариками. – Саймон откинул волосы со лба и улыбнулся ей.

Изабель ощутила в груди некий спазм – она так любила Саймона за то, что он для нее делает, за то, что он всегда думает о ней. Она не помнила, чтобы когда-либо она не любила его или не верила ему; он просто не давал ей повода для этого.

Изабель встала с табуретки и опустилась на колени перед младшим братишкой. Они оба отражались в серебристой стали холодильника. Ее темные волосы теперь были подстрижены по плечи – она смутно помнила, что много лет назад у нее были волосы по пояс. У Макса были каштановые кудри и очки.

– Знаешь, сколько мне лет? – спросила она.

– Двадцать два. – В голосе Макса звучало недоумение: почему она задает такой глупый вопрос?

Двадцать два, подумала она. Она всегда была на семь лет старше Макса, Макса-братишки, Макса-сюрприза, которого она не ждала.

Макса, которому теперь было бы пятнадцать лет.

Изабель похолодела. Все вокруг нее продолжали разговаривать и смеяться, но смех звучал, как эхо, как будто долетая издали. Она увидела Саймона. Он стоял у стола, сложив руки на груди, и смотрел на нее, но в его взгляде ничего не читалось.

– А тебе сколько? – спросила Изабель у братишки.

– Девять, – ответил Макс. – Мне всегда девять.

Кухня вокруг Изабель колыхалась. Девушка могла видеть сквозь нее, как если бы смотрела сквозь набивную ткань: все стало прозрачным и переливалось, как вода.

– Беби, – прошептала она. – Мой Макс, мой братик, пожалуйста, прошу тебя, не исчезай.

– Мне всегда будет девять, – сказал он и прикоснулся к ее лицу. Его пальцы прошли сквозь нее, как сквозь дым. – Изабель? – промолвил он слабым голосом и исчез.

Изабель почувствовала, что у нее подкашиваются ноги. Она села на землю. Вокруг нее не было ни смеха, ни отделанной кафелем кухни, а лишь серый, сыпучий пепел и чернеющая скала. Она смахнула набежавшие слезы.

Зал Согласия был убран синими знаменами с пламенеющими гербами семейства Лайтвудов. Четыре длинных стола образовывали прямоугольник, в центре которого возвышалась кафедра, украшенная мечами и цветами.

Алек сидел за самым длинным столом, в самом высоком кресле. Слева от него – Магнус, а справа – вся его семья: Изабель и Макс, Роберт и Мариза, Джейс, а рядом с Джейсом – Клэри. Были там и двоюродные братья. Некоторых он не видел с самого детства. Все они излучали гордость, но больше всех сиял отец.

– Мой сын, – обращался он к любому, кто готов был его слушать, – теперь он ухватил за пуговицу Джию Пенхоллоу, проходившую мимо с бокалом вина, – мой сын выиграл сражение; вон там он сидит. В нем кровь Лайтвудов, у нас в семье всегда были воины.

Джия засмеялась:

– Прибереги это для спича, Роберт. – Она подмигнула Алеку и подняла бокал.

– О боже, спич, – ужаснулся Алек и закрыл лицо руками.

Магнус нежно погладил Алека по спине, словно кота. Джейс посмотрел на них и поднял брови.

– Как будто вы тут одни, право. – Заметив косой взгляд Алека, он улыбнулся: – Ах, ладно, молчу, молчу.

– Оставь в покое моего бойфренда, – попросил Магнус. – Я знаю заклинания, от которых у тебя уши вывернутся наизнанку.

Джейс потрогал свои уши, но в этот момент Роберт поднялся, с шумом отодвинул стул и постучал вилкой по стакану. По залу разнесся звон, и Сумеречные охотники замолчали, устремив взгляды на Лайтвуда-старшего.

– Мы собрались здесь сегодня, – Роберт раскинул руки, – чтобы чествовать моего сына, Александра Гидеона Лайтвуда, который в одиночку разгромил силы Тьмы и одолел в поединке сына Валентина Моргенштерна. Алек вместе со своим *парабатаем* Джейсом Эрондейлом спас жизнь нашему сыну Макс. Я с гордостью говорю, что мой сын Александр Лайтвуд – один из величайших воинов на моей памяти. – Он улыбнулся Алеку и Магнусу и продолжил: – Чтобы стать великим воином, нужна не только сильная рука, нужны большой ум и большое сердце. Мой сын владеет и тем и другим. Он обладает силой духа и силой любви. Вот почему мне хотелось бы поделиться с вами доброй новостью. Поскольку вчера у моего сына была помолвка с Магнусом Бейном...

Эти слова утонули в радостном хоре. Магнус, отвечая на приветствия, скромно взмахнул вилкой. Алек с горящими щеками сполз со стула, а Джейс посмотрел на него задумчиво.

– Поздравляю, – сказал он. – Мне кажется, я упустил шанс.

– Ч-ч-что? – запинаясь, произнес Алек.

Джейс пожал плечами:

– Я всегда знал, что ты втюрился в меня, а я – в тебя. Я думал, ты знаешь.

– Что? – снова спросил Алек.

– А что, – сказала Клэри, – может, и есть какой-то шанс для вас двоих... – Она указала на Джейса и Алека. – Это было бы клево.

– Нет, – возразил Магнус. – Я очень ревнивый маг.

– Мы – *парабатаи*. – Голос Алека звучал уверенно. – В любом случае, это было бы... *не по закону*.

– Ой, ладно, – сказал Джейс. – Тебя здесь так любят, что простят любые шалости. – Он указал на зал, заполненный Сумеречными охотниками. За одним из столов какая-то девушка тут же подняла плакатик, на котором было написано: АЛЕК ЛАЙТВУД, МЫ ТЕБЯ ЛЮБИМ.

– Думаю, вам следует справить свадьбу зимой. – Изабель томно посмотрела на белый цветочный орнамент в центре потолка. – Без особого размаха. Пятьсот – шестьсот гостей.

– Изабель... – заворчал Алек.

Она пожала плечами:

– У тебя много фанатов.

– Ой, прекратите. – Магнус щелкнул пальцами перед лицом Алека. Черные волосы мага встали дыбом, в золотисто-зеленых кошачьих глазах горело раздражение. – ЭТОГО НЕ ПРОИСХОДИТ.

– Чего? – непонимающе уставился на него Алек.

– Это галлюцинация, – объяснил Магнус, – вызванная твоим вторжением в царство демонов. Вероятно, какой-то демон притаился у входа и пожирает мечты тех, кто попадает в его поле зрения. Желания обладают большой силой, – добавил он, рассматривая свое отражение в ложке. – Особенно желания, таящиеся в глубине сердца.

Алек оглядел зал:

– Это и есть желание, таящееся в глубине моего сердца?

– Точно, – подтвердил Магнус. – Отец, гордящийся тобой. Ты – герой, храбрый воин. Я, влюбленный в тебя. Все, одобряющие тебя.

Алек взглянул на Джейса:

– О'кей, а как же Джейс?

Магнус пожал плечами:

– Не знаю. Это необъяснимо.

– Значит, мне надо проснуться. – Алек положил руки на стол, на пальце сверкнуло кольцо Лайтвудов.

Все казалось реальным, взаправдашним... но он не мог вспомнить, о чем говорил отец. Не мог вспомнить и того, что он якобы одолел Себастьяна и победил в войне. И он не мог вспомнить, что спас Макса.

– Макс, – прошептал он.

Взгляд Магнуса потемнел.

– Прости, – сказал он. – Желания наших сердец – это оружие, направленное против нас же самих. Сражайся, Алек. – Он коснулся его лица. – Это не то, чего ты хочешь, это сон. Демоны не понимают человеческих сердец или плохо понимают. Они видят, словно в кривом зеркале, и показывают тебе то, чего ты желаешь, искаженно. Воспользуйся этим, чтобы изъять себя из сна. Жизнь – это утрата, Александр, но она лучше, чем сон.

– Боже... – Алек закрыл глаза.

Мир вокруг него рушился. Голоса замолкли, он уже не чувствовал кресла под собой, равно как не ощущал запаха еды и прикосновения руки Магнуса к своему лицу.

Алек ударился коленями о землю, вдохнул и открыл глаза. Вокруг был серый, унылый пейзаж. Он ощутил запах свалки и инстинктивно отшатнулся, когда что-то поднялось над ним... клубящийся плотный дым, гроздь сверкающих желтых глаз в темноте. Они буравили его, и он потянулся за луком.

Нечто заревело и бросилось вперед, как разбушевавшаяся волна. Алек выпустил украшенную руной стрелу, и она вонзилась в дымного демона. Пронзительный визг расколол воздух, демон забился в конвульсиях, в небо устремились тысячи струек черного дыма.

Демон исчез. Алек поднялся, взял другую стрелу и стал осматривать местность. Она

напоминала поверхность Луны – неровные кратеры и пыль, а над всем этим – выжженное, серо-желтое, безоблачное небо. Низко висело оранжевое солнце, и никакого признака его друзей.

Стараясь не паниковать, Алек поднялся по склону ближайшего холма и спустился с другой стороны. Затем преодолел еще один холм и еще один. Внезапно он почувствовал волну облегчения: во впадине между склонами лежала Изабель, которой никак не удавалось встать на ноги. Алек подбежал и обхватил ее рукой.

– Иззи, – прошептал он.

Она издала звук, напоминающий свист, и отстранила его руку.

– Со мной все в порядке, – сказала она. На ее лице виднелись следы слез; интересно, подумал он, что она видела. *Желания наших сердец – это оружие, направленное против нас же самих.*

– Макс? – спросил он.

Изабель кивнула, и в ее глазах блеснула злость. Как же не злиться? К тому же она терпеть не могла плакать.

– Я тоже видел его, – сказал он и обернулся на звук шагов, заслоняя собой сестру.

Это была Клэри, а рядом с ней – Саймон. Казалось, оба в состоянии контузии. Изабель выглянула из-за спины Алека:

– Вы?..

– Да, – сказал Саймон. – Мы... видели кое-что. Что-то странное. – Он старался не смотреть в глаза Изабель, и Алеку стало интересно: что увидел этот парень? Вообще-то он никогда особенно не задумывался, какие мысли и желания одолевали Саймона.

– Это был демон, – пояснил Алек. – Демон, пожирающий мечты и желания. Я убил его. – Он перевел взгляд на Изабель: – А где Джейс?

Клэри побледнела, и этого не могла скрыть даже грязь у нее на лице.

– Мы думали, он с вами.

Алек покачал головой.

– С ним все в порядке, – произнес он. – Я знал бы, если что не так.

Но Клэри уже повернулась и побежала. Алек бросился за ней, а потом и все остальные. Клэри взобралась на холм, откуда было лучше видно. Алек услышал ее кашель, да и его легкие были забиты пеплом.

Мертво, подумал он. Все в этом мире мертво и сожжено дотла. Что же здесь случилось?

На вершине другого холма, третьего или четвертого по счету, была сложена пирамида из камней – круг, напоминающий колодец. На краю пирамиды, упершись взглядом в землю, сидел Джейс.

– Джейс! – Клэри упала на колени и взяла его за плечи. Он безразлично посмотрел на нее. – Джейс, – повторила она, – Джейс, очнись. Это не взаправду. Это демон, это из-за него мы увидели то, что хотели бы видеть. Алек убил его. О’кей? Это не взаправду, Джейс.

– Знаю. – Он поднял голову, и Алек ощутил его взгляд, как удар. Казалось, из Джейса вытекла вся кровь, хотя он и не был ранен.

– Что ты видел? – спросил Алек. – Макса?

Джейс покачал головой:

– Ничего я не видел.

– Да ладно, неважно, – сказала Клэри. – Все в порядке.

Она наклонилась и прикоснулась к лицу Джейса. Алек живо ощутил прикосновение пальцев Магнуса на своей щеке. Магнуса, говорившего о любви к нему. Магнуса, которого, возможно, уже не было в живых.

– Я видела Себастьяна, – сообщила Клэри. – Я была в Идрисе. Усадьба Фэйрчайлдов все еще

стояла. Там были мама с Люком. Я... там намечалась свадьба. – Она замолчала. – А еще у меня была сестренка. Ее называли в честь Валентина. Он был герой. Себастьян... он там был красивый, нормальный. Он любил меня. Как настоящий брат.

– Все смешалось, – отметил Саймон.

Он придвинулся к Изабель, и теперь они стояли плечом к плечу. Джейс протянул руку и осторожно погладил одну из кудряшек Клэри. Алек вспомнил, как до него впервые дошло, что Джейс по уши влюблен в Клэри. Он заметил тогда, что его *парабатай* ловит взглядом все движения девушки. Помнится, он подумал: *он видит только ее одну*.

– У нас у всех есть мечты, – промолвила Клэри. – Ну, и ничего особенного. Помните, что я говорила раньше? Мы остаемся вместе.

Джейс поцеловал ее в лоб и встал. Клэри взяла его за руку.

– Я ничего не видел, – тихо сказал он. – Все в порядке?

Девушка колебалась, явно не доверяя ему; явно было и то, что ей не хотелось затрагивать эту тему.

– Всё в порядке, – ответила она.

– Не хотелось бы задавать этот вопрос, – сказала Изабель, – но кто-нибудь знает дорогу *назад*?

Алек вспомнил, как он бегал по пустынным холмам в поисках своих друзей, и пожал плечами.

– Думаю, – вымолвил он, – пути назад нет. Ни отсюда, ни по тоннелю. Думаю, он закрылся за нами.

– Значит, это путешествие в одну сторону. – Голос Клэри слегка дрожал.

– Не обязательно, – возразил Саймон. – Надо добраться до Себастьяна... мы всегда знали это. И как только мы туда попадем, Джейс может попытаться проделать эту штуку с Небесным огнем, что бы там ни было, попытка не пытка...

– Я еще не пробовал. – Джейс поднял глаза к небу.

– И как только мы освободим пленников, – подхватил Алек, – Магнус поможет нам вернуться. Или же мы сообразим, как Себастьян попадает сюда или туда, – не может быть пути в одну сторону.

– Звучит оптимистично, – заметила Изабель. – А вдруг нам не удастся освободить пленников или убить Себастьяна?

– Тогда он убьет нас, – откликнулся Джейс. – И неважно, что мы не знаем, как вернуться.

Клэри расправила узенькие плечики:

– Так, может быть, лучше пойдем и найдем его?

Джейс вынул из кармана стилус и снял с запястья браслет Себастьяна. Он сжал его в кулаке и стал выводить Путеводную руну. Прошла минута, другая; лицо Джейса было крайне сосредоточено. Наконец он поднял голову.

– Себастьян не так далеко, – сказал он. – День-другой пешего перехода. – Он снова надел браслет на запястье. Алек прочитал знакомую надпись: *Flectere si nequeo superos, Acheronta movebo*. – «Если небесных богов не склоню, Ахерон всколыхну я»^[1].

Джейс начал спускаться с холма.

– Надо двигаться, – крикнул он через плечо. – Впереди долгий путь.

2. Пепел

– **Пожалуйста, не оторви мне руку, –** сказал Магнус. – Мне нравится эта рука. Мне *нужна* эта рука.

Рафаэль, стоявший рядом с ним на коленях, хмыкнул. Руками он держался за цепь, которая проходила между наручниками на правой руке Магнуса и петлей из *адамаса*, уходившей глубоко в пол.

– Я лишь пытаюсь помочь.

Он с силой дернул за цепь, и Магнус вскрикнул от боли, метнув в вампира злобный взгляд. У Рафаэля были тонкие руки, как у подростка, но это было обманчивое впечатление. Он обладал недюжинной силой и пытался использовать ее, чтобы с корнем вырвать цепь, удерживающую Магнуса.

Камера, в которой они находились, была круглой формы. Пол – из перекрывающих друг друга гранитных плит. По стенам располагались каменные скамьи. Двери не было видно, но имелись узкие окна наподобие бойниц. Судя по проемам, стены тюрьмы были не меньше фута толщиной.

Несколько часов назад Магнус очнулся в камере в окружении одетых в красное Помраченных, которые колдовали над цепью. Себастьян стоял в стороне и, ухмыляясь, наблюдал за работой своих подручных.

Потом Магнус снова вырубился, а когда пришел в себя, увидел Люка, стоявшего у окна. На нем были брюки от костюма и та же рубашка, что на ужине в Аликанте. На груди рубашку покрывали ржавые пятна. Магнусу пришлось напрячься, чтобы сообразить: это всего лишь пятна от вина. Люк осунулся, волосы его растрепались, одно стекло в очках треснуло.

– Эй, ты там видишь что-нибудь? – спросил колдун.

– Нет, – отрезал Люк. – Туман. Серо-желтый туман. Вроде бы горы в отдалении. Трудно сказать.

– Полагаешь, мы всё еще в Идрисе? – спросил Рафаэль.

– Нет, – вместо Люка ответил Магнус. – Мы не в Идрисе. Нутром это чую.

– А где же? – спросил Люк.

Магнус почувствовал жар в крови, у него явно поднималась температура. Во рту пересохло, болело горло.

– Мы в Эдоме, – сказал он. – В измерении демонов.

Рафаэль в сердцах громыхнул цепью и выругался по-испански.

– Я не в силах освободить тебя. – В его голосе звучало отчаяние. – Почему слуги Себастьяна заковали только тебя, а не всех нас?

– Потому что Магнусу нужны руки, чтобы заниматься магией, – спокойно объяснил Люк.

Рафаэль взглянул на колдуна с удивлением.

Магнус пожал плечами.

– Разве ты не знал этого, вампир? – спросил он. – Я-то думал, ты сообразительный, к тому же давно живешь.

– Живу-то давно, – Рафаэль снова присел на корточки, – но мне вообще-то никогда не приходилось иметь дело с магами.

Магнус бросил на него говорящий взгляд: *мы оба знаем, что это не совсем так.*

Рафаэль отвернулся.

– Плохо дело, – промолвил Магнус. – Если Себастьян все разузнал, он знает и то, что в Эдаме я не могу заниматься магией, да и надобности здесь в этом нет. – Он потряс цепями, как

Кентервильское привидение.

– Так вот где Себастьян прятался все это время, – заметил Люк. – Вот почему мы не могли выследить его. Это его база, ясно.

– А что касается нас, – сказал Рафаэль, – это просто какое-то место, где он решил оставить нас умирать.

– Он не стал бы церемониться, – возразил Люк. – Если бы он хотел, чтобы мы умерли, мы бы давно умерли, все трое. Бессмертных можно убить. Нет, у него какой-то другой, более тонкий план. Как всегда. Я только не могу понять... – Он замолчал, глядя на свои руки, и Магнус вдруг вспомнил его совсем юным, с душой нараспашку.

– Он не обидит ее, – сказал колдун. – Я имею в виду Джослин.

– А почему нет? – возразил Рафаэль. – Он же ненормальный.

– Не обидит? – Голос Люка звучал так, словно он опасался, что сейчас взорвется. – Не обидит потому, что она его мать? Та к Себастьяна это не остановит.

– Не потому, что она его мать, – сказал Магнус. – А потому, что она мать Клэри. Джослин – способ достижения цели. А от своих целей он никогда не отказывается.

Они шли уже много часов, и Клэри выбилась из сил.

Идти было тем труднее, что местность была неровной. Холмы, пусть и не слишком высокие, были усеяны острыми камнями. Порой попадались топкие низины, где ноги увязали почти по щиколотку. Изредка путь им преграждала неглубокая река, текущая по выжженной земле неизвестно откуда и неизвестно куда.

Их лица и одежда были покрыты грязью и сажей. Алек предложил остановиться, чтобы немного передохнуть, а заодно нанести руны, дарующие силы и уверенность при ходьбе.

– Экономьте воду, – предупредил он, вытаскивая из рюкзака за спиной пластиковую бутылку. Они, все пятеро, сидели в тени небольшой горы. Ее зубчатая вершина образовывала пики и гребни, что придавало ей вид короны. – Кто знает, сколько нам еще придется идти.

Джейс нахмурился, разглядывая руну на тыльной стороне руки.

– Черт, ничего не пойму, – сказал он. – Вроде только что наносил. Посмотрите, что у вас.

Изабель взглянула на запястье, где Алек не так давно нарисовал стилусом Руну скорости.

– Кажется, она выцветает. – Ее голос звучал неуверенно.

Джейс кивнул:

– Вот и я о том же. Здесь руны выцветают быстрее. Надо прибегать к ним только в самом крайнем случае.

– Если руны выцветают, – теперь в голосе Изабель слышалось отчаяние, – значит, Себастьян может учинить над нами и над пленниками *все что угодно*.

– Не посмеет, – ответил Джейс. – В любом случае, мы будем сопротивляться.

– Будем идти всю ночь, – предложила Изабель. – Можем использовать Руну бодрствования, пока она действует.

Джейс огляделся. Цвет неба сгустился, из желтого оно стало оранжевым, с востока набегали черные облака. Ночь была близка.

Клэри задумалась: равна ли ночь в этом месте дню или может длиться бесконечно?

– Руна бодрствования – опасная штука, – покачал головой Джейс. – Она забирает все силы, и, когда перестанет действовать, мы столкнемся с Себастьяном... просто безумными. Это плохая идея – не спать.

– Тогда нам надо найти место для сна, – сказал Алек.

Клэри не слышала, что ответил Джейс, так как уже карабкалась по крутому склону. Воздух был грязным, насыщенным дымом, и она закашлялась. В голове гудело, а перед глазами стояла

мирная картинка: мама и Люк на балконе, держатся за руки и с любовью смотрят на нее.

Она добралась до вершины и остановилась. С другой стороны до горизонта простиралось плато из серого камня; там и сям лежали груды шлака и сланца. Слева вздымалась еще одна гряда. Оранжевое солнце клонилось к закату, и тень от скал казалась злобной.

– Ты куда смотришь? – услышала она голос рядом с собой и, обернувшись, увидела Саймона. Он был не таким грязным, как остальные, – грязь не особо липнет к вампирам, – но волосы его были в пыли.

Она показала на дыры, темнеющие в скалах.

– Мне кажется, это пещеры, – сказала она. – Выглядят, как из «Мира вооружений», правда? Загвоздка только в том, что нельзя выйти из игры и выключить комп.

– Да уж... – Клэри посмотрела вниз на Лайтвудов, они о чем-то спорили.

– С тобой все в порядке? – спросил Саймон. – У меня не было возможности поговорить с тобой с тех пор, как твоя мама и Люк...

– Нет, – ответила Клэри. – Со мной не все в порядке. Но надо идти, и я буду идти. Без разговоров.

– Прости. – Саймон сунул руки в карманы. Он стоял, опустив голову, каштановые волосы закрыли лоб. Когда-то на этом месте была Метка – Каинова печать, теперь ее нет.

– Саймон... Мне жаль, что ты превратился в вампира, Каинова печать...

– Она защищала меня, – кивнул Саймон. – Это было чудо. Ты тоже могла творить чудеса.

– Вот этого я и боюсь, – прошептала Клэри.

– Чего?

– Ты сказал «могла» – в прошедшем времени. Я боюсь, что я больше не способна сотворить чудо.

Увидев, что к ним поднимаются остальные, она замолчала. Джейс с любопытством переводил взгляд с Саймона на Клэри, будто пытаясь угадать, о чем они говорили.

– Интересно, что в этих пещерах? – сказал Саймон, кивнув в сторону темных отверстий. – Может, там можно передохнуть?

– Мы попали в мир демонов, – нахмурился Джейс. – Неужели ты хочешь пробраться в узкую темную нору и...

– Ладно, – перебил его Саймон. – Я просто предложил. Нечего меня долбить.

– Это не я долбаю, вампир... – холодно посмотрел на него Джейс.

От неба отделилось темное облако и внезапно ринулось вниз, да так быстро, что они и опомниться не успели. Клэри увидела страшную картину: крылья, зубы и десятки красных глаз. Мгновение – и Джейс, схваченный когтистыми лапами, взмыл в воздух.

Изабель пронзительно завизжала, Клэри потянулась за оружием, но демон уже воспарил в небо, издав победный вопль. Джейс не шевелился. Он что, умер?

У Клэри побелело в глазах, она обернулась к Алеку, а он уже вскинул лук.

– Стреляй! – закричала девушка.

Алек вертелся словно в танце, устремив взгляд в небо:

– Не могу прицелиться. Слишком темно... Вдруг попаду в Джейса?..

Изабель взмахнула своим бичом; блестящая проволока, раскручиваясь, поднялась на невероятную высоту. Клэри снова услышала визг демона – на этот раз чудовище пронзительно кричало от боли. Демон, перехваченный бичом, кувыркался в воздухе, не выпуская из лап Джейса. Джейс что, *прилип* к нему? – подумала девушка. Вдруг ей показалось, что она видит, как сверкнул клинок серафима, и это вселило в нее надежду – Джейс пытается бороться.

Алек выругался и выпустил стрелу. Пронзая тьму, она полетела ввысь и попала в цель. Через несколько секунд тело демона с глухим ударом грохнулось на землю, подняв облако пепла.

Они побежали вниз. Демон был размером с лошадь; темно-зеленое туловище, напоминавшее черепастье, мягкие кожистые крылья и когтистые лапы, как у тысяченожки; длинная шея оканчивалась подобием головы с расположенными по кругу глазами и мелкими, неровными зубами. Из бока торчала стрела Алека.

Джейс лежал на спине и продолжал бить демона клинком серафима. Он вонзал его наугад, и от каждого удара из кожистого тела извергались фонтанчики черного гноя, который густо забрызгал одежду и лицо юноши. Увидев, что глаза чудовища потускнели, Джейс, тяжело дыша, поднялся. Под воздействием гноя клинок начал деформироваться. Джейс отбросил его в сторону и невидящим взглядом посмотрел на своих друзей, которые впали в ступор.

– Он, – промолвил Джейс, – меня заколебал.

Алек застонал и опустил лук. Его черные волосы прилипли к вспотевшему лбу.

– Не надо вам так тревожиться обо мне, – сказал Джейс. – Ничего страшного не произошло.

– *Ничего страшного?* – выдохнула Клэри. – Если твое «ничего страшного» включает возможность стать закуской для крылатой черепахи, то нам придется подбирать слова, общаясь с тобой, Джейс Лайтвуд...

– Он *не сгинул*, – перебил ее Саймон, столь же ошеломленный, как и остальные. – Демон. Он не сгинул, когда ты убил его. Обычно они исчезают.

– Да, – подтвердила Изабель. – И это значит, что здесь другие законы. – Она запрокинула голову, пристально вглядываясь в небо. Клэри заметила сияние недавно появившейся у нее на шее Руны дальнозоркости. – Эти демоны, вероятно, могут и днем появиться, а уж ночью... Я думаю, нам надо где-то пересидеть.

Саймон громко кашлянул.

– Кто-то говорил, что укрыться в пещерах – плохая идея...

– Это говорил Джейс, – напомнил Алек. – А мне это кажется замечательной идеей.

Джейс провел рукой по лицу, размазав черный гной по щеке:

– Ладно, давайте попробуем. Найдем небольшую пещеру и осмотрим ее хорошенько, прежде чем в ней обосноваться. Я пойду первым.

Алек кивнул.

Клэри шла нога в ногу с Джейсом. Он молчал, о чем-то напряженно думая. Девушка рассматривала грубые складки на его куртке, оставленные когтями демона. Вдруг Джейс засмеялся.

– Что? – спросила Клэри. – Что-то смешное?

– Полет на черепахе смерти! – произнес он. – Аттракцион еще тот.

Клэри не смогла сдержать улыбку.

Они подошли к расщелине, зиявшей перед ними, словно темная пасть.

– Ну, вперед, – сказал Джейс. – Надеюсь, это не Пещера ужасов из луна-парка.

Не успели они пройти и несколько шагов, как перед ними возникла перекрывавшая путь металлическая решетка, запертая на замок. Алек оглянулся и чертыхнулся. Оглянулась и Клэри: по оранжевому небу описывали круги темные фигуры.

Джейс вплотную подошел к решетке:

– Смотрите, руны...

И правда, извивы решетки образовывали руны. Одни из них были знакомы Клэри, других она не знала. И все равно они говорили о защите от демонов.

– Откуда они здесь? – удивилась девушка.

Саймон с опаской посмотрел через плечо:

– Надо что-то делать, эти твари... они так внезапно появляются.

Джейс ухватился за решетку и дернул. Замок слетел, подняв клубы ржавчины. Еще несколько энергичных рывков, и решетка распахнулась. Клэри заметила, что руки парня светились неясным светом, а металл, к которому он прикасался, почернел.

Все нырнули в темноту. Изабель хлопала себя по карманам, пытаясь отыскать ведьмин огонь. Алек чуть приотстал, закрывая решетку. Клэри вернулась и добавила Запирающую руну – так, на всякий случай.

Наконец ведьмин огонь разгорелся, и ребята обнаружили, что стены из мраморного гнейса испещрены рунами покровительства, святости и защиты. Под ногами была каменная крошка, и идти было легко. По мере продвижения в глубь горы воздух становился чище, запах гари и тлена уже почти не чувствовался.

Через несколько метров они попали в просторную, круглую, явно рукотворную пещеру. Она чем-то напоминала главный неф кафедрального собора, сходство подчеркивал массивный свод над головой. В центре находился давно остывший очаг. В потолок были вмонтированы белые каменные геммы, наполнявшие помещение приглушенным светом. Изабель притушила свой огонь, и теперь он едва мерцал у нее в руке.

– Наверное, здесь было убежище, – негромко сказал Алек. – Что-то вроде последней баррикады, где можно было укрыться от демонов.

– Жившие здесь применяли руническую защиту, – сказала Клэри. – Я не все руны знаю, но догадываюсь, что они означают. Это священные руны, что-то вроде рун Разиэля.

Джейс скинул с плеч рюкзак:

– Сегодня переночуем здесь.

– Ты уверен, что тут мы в безопасности? – засомневался Алек.

– Я ни в чем не уверен. Для начала обследуем тоннели, – сказал Джейс. – Клэри, ты пойдешь со мной. А ты, Саймон, проверь восточный коридор. – Он нахмурился. – Надеюсь, север, юг, запад и восток существуют и в мире демонов. – Он посмотрел на Руну компаса, темневшую на предплечье; это была одна из первых постоянных рун, которые наносили Сумеречным охотникам.

Изабель вынула из своего рюкзака два клинка серафима и прицепила их к поясу.

– Теперь порядок, – сказала она. – И да, я пойду с Саймоном.

Алек с подозрением посмотрел на сестру:

– Тогда и я с вами.

– Как хочешь, – ответила девушка с деланным безразличием. – Как я понимаю, идти придется в темноте. Поганая выползка.

Саймон встревожился.

– Мы... – начал он, но Изабель наступила ему на ногу, и он умолк.

– *Выползка?* – переспросила Клэри. – Что это за слово?

Алек смутился:

– Пожалуй, я останусь здесь.

Джейс улыбнулся и сунул ему стилус:

– Разведи огонь и вообще похозяйничай. Испеки нам пирог или еще что-нибудь вкусненькое. Охотясь за демонами, легко проголодаться.

Алек с недовольным видом начал рисовать Руну огня. Губы его шевелились.

– Шепчет, что Джейсу не понравится, когда он проснется утром наголо обритым, – хихикнула Изабель и вместе с Саймоном скрылась в ведущем на восток тоннеле.

Джейс улыбнулся Клэри. Это был лишь намек на его прежнюю озорную улыбку, но и такая была хороша. У входа в тоннель Клэри услышала позади обиженный возглас Алека:

– Брови тоже сбрею!

Джейс сдержанно рассмеялся.

Майя не была уверена, что справится с руководством стаей. Она сидела на большом письменном столе в старом полицейском участке, который давно уже служил им штаб-квартирой. Позади нее Бэт, вальяжно развалившийся во вращающемся кресле, терпеливо разъяснял ее новые обязанности и попутно обрисовывал детали, которые могли быть полезными: как общаться с оставшимися членами «Люпуса» в Англии, как вести обмен посланиями с Идрисом (похоже, он сам не знал этого) и даже как делать заказы в ресторане «Нефритовый волк». Вдруг двери распахнулись, и в комнату вошла синекожая женщина; из-под ее плаща выглядывал голубой медицинский халат. Ее сопровождал высокий мужчина в широком черном пальто.

– Катарина Лосс, – представил женщину Бэт. – А это наш новый вожак – Майя Робертс...

Катарина была *очень* синяя, почти цвета сапфира; гладкие белые волосы собраны в пучок.

– Знакомьтесь, Малькольм Фейд. – Она указала на стоящего рядом с нею мужчину. – Верховный маг Лос-Анджелеса.

Мужчина склонил голову. У него были резкие черты лица, волосы цвета бумаги и пурпурные глаза. *Воистину* пурпурные, глаз такого цвета у людей не бывает. Майя подумала, что он привлекательный, но на любителя.

– Магнуса Бейна нет! – звонко провозгласила Катарина, и Майе показалось, что в ее голосе звенят слезы. – И Люка тоже, – добавила она уже спокойнее.

– Нет? – повторила Майя. – Что вы хотите этим сказать?

– Ну, все не так печально, как можно подумать. Его похитили, – уточнил Малькольм, и Майя от неожиданности выронила карандаш, который вертела в руках. – Люка тоже похитили. Я бы даже сказал так – их взяли в плен.

– Вероятно, к этому причастен Себастьян Моргенштерн? – спросила Майя у Катарины.

– Да, это так. Себастьян взял в плен Мелиорна, Магнуса, Рафаэля и Люка. И Джослин. Говорит, что будет держать их до тех пор, пока ему не выдадут Клэри и Джейса.

– А если не выдадут? – раздался чей-то голос.

Майя вскинула голову. Участок был полон. Весть о том, что произошло нечто из рук вон, быстро разлетелась по стае.

– Тогда нам придется идти войной, – вздохнув, ответила Майя.

– Неужели жизнь четверых обитателей Нижнего мира стоит меньше, чем безопасность двух нефилимов? – задумчиво произнес Бэт.

Не просто двух нефилимов, подумала Майя. У Джейса был тяжелый характер, и он был колючий, а Клэри не отличалась общительностью, но... Майя не сомневалась, что и Джейс, и Клэри, не задумываясь, встали бы на защиту своих друзей.

– Выдать Джейса и Клэри означает убить их, – заметила она. – Да и гарантий, что Себастьян сдержит свое слово и нам вернут Люка, как и остальных, нет.

Глаза Катарины сверкнули.

– Если с ними что-то случится, беда неминуема. Боюсь, Соглашение между Детьми ночи и нефилимами будет нарушено.

Майя почувствовала, что все взгляды обращены на нее. Стая ждала, что скажет вожак.

Она выпрямилась:

– Соглашение мы должны сохранить. Что вообще происходит в Нижнем мире? Что известно большинству?

– Большинство в неведении, – пожал плечами Малькольм. – У меня есть осведомитель. О Магнусе я узнал первым и поделился новостью с Катариной. Подумал, что ей следует знать. Я

хочу сказать, что такое случается не каждый день. Похищение! Выкуп! Трагедия!

– Замолчи, Малькольм, – оборвала его Катарина, – ты не на сцене. Именно поэтому никто не воспринимает тебя всерьез. – Она повернулась к Майе. – Послушай лучше меня. Разумеется, почти все обитатели Нижнего мира знают, что Сумеречные охотники покинули Институты и отправились в Идрис, но не знают, *по какой причине*. Они ждут новостей, а их нет.

– Но так не может продолжаться долго, – заметила Майя. – Причина настолько очевидна, что скоро о ней узнают все.

– О, конечно, узнают! – воскликнул Малькольм. – Но Сумеречные охотники всегда были скрытными, а обратиться за помощью – для них это вообще нонсенс. Разумеется, все Дети ночи знают о Себастьяне Моргенштерне и кое-что слышали о его армии.

– Маги Спирального лабиринта работают над противоядием, но даже они не могут оценить всю сложность ситуации. То, что происходит в Идрисе, принято держать за семью печатями, – сказала Катарина. – Боюсь, Сумеречные охотники потерпят неудачу из-за того, что все привыкли держать в секрете. – Она еще больше посинела; кажется, цвет кожи зависел от ее настроения.

– Но почему вы пришли сюда, к нам? – спросила Майя.

– Потому что Себастьян дал о себе знать, совершив нападение на «Претор Люпус», – ответила Катарина. – Нам также известно, что ты дружишь с Сумеречными охотниками... детьми Инквизитора и родной сестрой Себастьяна. И ты знаешь о том, что происходит, может быть, больше, чем мы.

– Если бы... – вздохнула Майя. – Караулы вокруг Идриса осложняют доставку сообщений.

– С этим мы поможем, – ободрила Катарина. – Правда, Малькольм?

– Хм?

Малькольм бродил по участку, временами останавливаясь, чтобы рассмотреть треснувшую плитку на стене или пыльное оконное стекло, как будто они могли изобличить преступника.

Стая озадаченно наблюдала за ним.

– Не обращай на него внимания, – шепнула Катарина Майе. – Он еще полон сил, но с ним что-то приключилось в начале прошлого века, и с тех пор он немного не в себе. Вреда от него практически никакого.

– Поможем? Конечно. – Малькольм повернулся к ним лицом. – Вам надо наладить обмен сообщениями? Для этого всегда найдутся почтовые котята.

– Вы хотите сказать, голуби, – поправил его Бэт. – Почтовые голуби.

Малькольм покачал головой:

– Почтовые котята. Такие умненькие. Кто же от них откажется? К тому же и проблем с мышами не будет.

– У нас нет проблем с мышами, – ответила Майя. – Проблема с манией величия. – Она посмотрела на Катарину, словно искала поддержки. – Себастьян решил вбить клин между Детями ночи и Сумеречными охотниками. Похищение представителей Нижнего мира, нападение на «Люпус»... уверена, что он не остановится на этом. Довольно скоро все обитатели Нижнего мира будут в подробностях знать о происходящем. Вопрос в том, на чьей стороне они будут!

– Мы – на вашей стороне! – воскликнул Малькольм и тут же стушевался под взглядом Катарины. – Ну, мы будем рядом с вами, по крайней мере, в пределах слышимости.

– Так, значит, вообще никаких гарантий? – строго посмотрела на него Майя.

Малькольм пожал плечами:

– Маги независимы. Они вроде кошек, только хвосты не так бросаются в глаза. Ну, у кого они вообще есть. У меня, заверяю, нет...

– Малькольм, – укоризненно произнесла Катарина.

– Все просто, – сказала Майя. – Или победят Сумеречные охотники, или победит Себастьян. А если он победит, то Нижнему миру несдобровать. У него единственное желание: обратить все вокруг в пустыню из пепла и костей. Никто не уцелеет.

Малькольм, казалось, ужаснулся, но не так, как следовало бы. Интересно, сколько ему лет? – подумала Майя. Верховный маг Лос-Анджелеса разительно отличался от Магнуса, и это отличие было не в лучшую сторону.

– Не думаю, что мы сможем проникнуть в Идрис и сражаться рядом с нефилимами, как это бывало прежде, – сказала она. – Но мы можем связаться с жителями Нижнего мира раньше Себастьяна. Не сомневаюсь, что он попытается вербовать их, значит, наша задача разъяснить, что означает единение с этим подонком.

– Крушение мира, – кивнул Бэт.

– Верховные маги разных городов, вероятно, изучат этот вопрос. Но вряд ли с нами кто-то будет разговаривать, – сокрушенно сказала Катарина.

– А вампиры? – вступила Лейла. – Вампиры всегда поступают по-своему. Как быть с ними?

– Вампиры? – Майя секунду помолчала. – Нет, вампиры могут быть преданными. Нам надо встретиться с ними. Я так думаю, нам уже давно пора вступить в союз.

По участку пробежал испуганный шепот. Оборотни и вампиры вели переговоры, только если на то были сверхособые причины.

Майя обернулась к Бэту.

– Перо и бумагу, – потребовала она и, получив их, наскоро нацарапала записку, которую передала одному из молодых оборотней.

– Отнеси это Лили в отель «Дюмор», – велела она. – Передай, что мне надо встретиться с Морин Браун. Она может выбрать нейтральную территорию – мы уточним это перед встречей. Скажи им, что встретиться надо как можно скорее. От этого могут зависеть судьбы тех, кто попал в плен.

– С тобой с ума можно сойти, – сказала Клэри. Они шли по узкому извивающемуся тоннелю; Джейс подсвечивал путь ведьминым огнем. Клэри вспомнила, как он в первый раз вложил ей в руку гладко отесанный камень. *У каждого Сумеречного охотника должен быть свой рунический камень, который может пригодиться в самых непредвиденных обстоятельствах.*

Каменный пол тоннеля был гладко отполирован, и почему-то было трудно поверить в то, что это дело рук природы. Через каждые несколько шагов свет выхватывал новую руну на стене.

– Что ты имеешь в виду? – устало взглянул на нее Джейс.

– Ты рискуешь своей жизнью... Как будто специально. Нет, я все понимаю, на самом деле ты просто стоял там, а демон тебя схватил. И я даже понимаю почему: ты обидел Саймона.

– Если бы демоны каждый раз нападали на меня, когда я обижаю Саймона, я бы умер уже в тот самый день, когда мы с тобой познакомились. Ну что ты злишься, Клэр, я против него ничего не имею, успокойся.

Она покачала головой. Ужасно хотелось спать, глаза застилал туман, а сердце ныло от тоски по маме.

– Не понимаю, как я ввязалась во все это, – вздохнула она.

– Что тебе не так?

– Да все так. Но, понимаешь, я жила обычной жизнью и была обычной...

– Ты никогда не была обычной, – перебил ее Джейс.

– Но мне хотелось ею быть. Я и сейчас хочу нормальной жизни. – Она посветила огнем на свои пыльные ботинки, на грязную одежду, ощупала рукой оружие на поясе и поморщилась. – Я

хочу ходить в художественную школу, хочу рисовать людей и цветы.

– Еще скажи, хочешь выйти замуж за Саймона и родить шестерых детей. – В голосе Джейса теперь звучали нотки раздражения.

Тоннель резко повернул вправо. Клэри ускорила шаги, чтобы догнать Джейса...

И замерла. Они вышли в огромную пещеру, половину которой занимало подземное озеро. Дальние части пещеры тонули в темноте. Она была прекрасна и совершенно не вязалась с унылыми пейзажами царства демонов. Потолком пещеры служил рифленый камень, над которым долгие годы трудились тонкие струйки воды; в каменных складках мягко светился мох. Вода в озере была неправдоподобно синего цвета, и кое-где над поверхностью поднимались кварцевые колонны самых причудливых форм. Берег был усыпан таким мелким песком, что он скорее напоминал пепел.

Джейс присел у воды, погрузив в нее руки, затем стал мыть лицо и шею, соскребая пятна черного ихора.

– Осторожно, – вскрикнула Клэри, – вдруг вода отравлена?

Он покачал головой:

– Нет. Можешь сама убедиться.

Дно выстилал гладкий камень, испещренный рунами чистоты, защиты и исцеления; от дна исходил слабый свет.

– Извини, – сказал Джейс, когда Клэри налюбовалась красивой картинкой; его мокрые волосы налипли на острые скулы. – Извини, мне не надо было говорить о Саймоне.

Девушка опустила руки в воду. От движения ее пальцев пошла легкая рябь.

– Ты тоже меня извини. На самом деле мне не хотелось бы иной жизни, – тихо сказала она. – Ведь эта жизнь подарила мне тебя. – Она набрала воды в ладони и поднесла ко рту. Вода оказалась приятной на вкус. Джейс улыбнулся, и Клэри продолжила: – Я так думаю, что эта жизнь – настоящая. Другая жизнь была ложью...

– А твоя любовь к рисованию? Это тоже ложь?

– Нет. Нет, конечно... Но ведь рисование это не вся жизнь.

– Знаешь, мой отец... Валентин, я имею в виду... очень любил музыку и хорошо разбирался в ней. Это он научил меня играть. Бах, Шопен, Равель... У него был хороший вкус. Помню, я однажды спросил, почему все композиторы – люди, почему Сумеречные охотники не пишут музыку. Он ответил, что в душах людей, хоть мы их иногда и называем *примитивными*, есть искра творчества, а в душах нефилимов живет искра воинов, и обе эти искры не могут сосуществовать, подобно тому как пламя не может сосуществовать с водой.

– Так ты думаешь, что Сумеречный охотник во мне... изгнал из меня художника? – спросила Клэри. – Но моя мама писала... пишет красками. – Ей стало больно оттого, что она подумала о матери в прошедшем времени, пусть и на миг.

– Валентин говорил, что Небо наделило людей творческими способностями и художественным вкусом, и именно поэтому они заслуживают защиты от демонов. – Джейс помолчал. – А что касается тебя, Клэр, то ты умеешь и сражаться, и рисовать. Ты – исключение из правил, и поэтому я люблю тебя.

Клэри импульсивно наклонилась и поцеловала его. Губы Джейса показались ей прохладными, и она целовала бы его и дальше, но между ними пробежал резкий разряд, наподобие статического электричества. Почувствовав боль, девушка отпрянула.

Немного спустя она протянула руку к его мокрым волосам.

– Там, у решетки, я увидела, как светятся твои руки. Небесный огонь...

– Я не контролирую это, – сказал Джейс. – Но мне показалось, что здесь, в пещере, а может, и вообще в этом мире огонь стал... ближе к поверхности – Он посмотрел на свои ладони, от

которых исходил слабый свет. – Думаю, нам обоим надо быть осторожными. Могу предположить, что здесь более высокая концентрация ангельской крови.

– Осторожными так осторожными, – кивнула Клэри. – Но контролировать огонь ты все-таки можешь. Вспомни советы Джордана...

– Джордана больше нет, – с горечью сказал Джейс, встал и стряхнул песок с одежды. – Пойдем. Давай вернемся к Алеку, а то он ошизеет, представляя, что Изабель и Саймон занимаются в этом лабиринте сексом.

– Наверняка они думают, что мы пошли заниматься сексом, – сказал Саймон. – Твой брат так просто шизеет.

Изабель хмыкнула:

– Секс в окружении толпы демонов. Возбуждает, да?

– Доложу тебе, что в моей жизни было такое время, когда сама мысль о том, что я однажды смогу заняться сексом, казалась неправдоподобной, но теперь... Короче, демоны меня не испугают.

Саймон подумал, что это мрачное местечко чем-то напоминает ему Лурейские пещеры в Вирджинии, которые еще называют Дьявольскими. Он ездил туда сто лет тому назад, когда еще был школьником, вместе с мамой и Ребеккой. Но там, конечно, было посветлее и... повеселее. Впрочем, глаза вампира позволяли ему видеть в темноте, и это было большим преимуществом.

Изабель что-то прошептала. Что именно, он не разобрал, но это явно не было комплиментом.

– Иззи, – сказал он, – почему ты на меня сердишься?

Она выдохнула что-то вроде «никтотебясюданезвал», но за точность он не ручался и на всякий случай спросил:

– Что?

– Никто. Тебя. Сюда. Не. Звал, – на сей раз отчетливо произнесла она, и ее голос эхом отразился от стен. – Если бы мы оставили тебя в Нью-Йорке, с тобой бы *ничего не случилось*...

– Ну и пусть случится, – возразил он. – Просто я хочу быть с тобой.

– Ты хочешь быть с Клэри, – сказала Изабель и остановилась.

Они стояли у противоположных стен тоннеля и смотрели друг на друга. Молча.

Изабель не выдержала первой.

– Ты хочешь быть с Клэри, – повторила она, сжав кулаки.

– Клэри – это другое, – мягко улыбнувшись, начал Саймон. – Она была моей первой любовью, моим первым безумием. Но к тебе я испытываю совсем иное чувство... – Увидев, что Изабель покачала головой, он предупреждающе поднял руку. – Если ты попросишь меня сделать выбор между тобой и моим лучшим другом, а своим лучшим другом я всегда считал и считаю Клэри, то да, выбор будет не в твою пользу, уж извини. Но ты не сделаешь этого, потому что сам по себе этот выбор бессмысленный. Это все равно что я бы попросил тебя выбрать между мной и Алеком. Ты, наверное, хочешь спросить, волнует ли меня, что Джейс и Клэри вместе? Нет, Иззи, несколько. Они потрясающе подходят друг другу. Они просто созданы друг для друга. А я не создан для Клэри. Я создан для тебя.

– Ты действительно так думаешь? – На щеках Изабель заиграл румянец.

Саймон кивнул.

– Иди сюда, – позвала девушка, и он разрешил ей притянуть себя. Теплая рука проскользнула под его футболку и стала перебирать позвонки. Его волосы колыхались под ее дыханием.

– Иззи, я люблю...

Она ударила его по руке, но не со злости:

– Не *сейчас*.

Он уткнулся носом ей в шею, вдыхая сладкий аромат кожи и крови:

– А когда?

Она вдруг отпрянула:

– Слышал?

Саймон уже хотел покачать головой, но вдруг услышал какой-то звук, одновременно напоминающий шорох и плач. Звук доносился из той части тоннеля, где они еще не были. Изабель бросилась бежать, луч от ведьминогo огня суетливо заметался по стенам. Подумав о том, что Сумеречные охотники – это прежде всего Сумеречные охотники, Саймон бросился следом.

Тоннель сделал еще один поворот и уперся в остатки разбитой решетки. За нею открывалось каменное плато, покрытое валунами. Ниже начиналась песчаная пустыня, местами поросшая черными искривленными деревьями. Облака рассеялись, и Изабель, подняв голову, тихо ахнула.

– Посмотри на луну, – прошептала она.

Саймон посмотрел... и вздрогнул. В небе была не луна, а... луны. Как будто одна большая луна раскололась на три части. Своей формой луны напоминали акульи зубы; все они излучали рассеянный свет, чем-то напоминающий свет люминесцентной лампы. Юноша прищурился. Своим зрением вампира он увидел в небе кружение неких *сущест*в. Одни из них напоминали то чудовище, которое схватило Джейса, другие – насекомых. И все были одинаково омерзительны.

– Что ты видишь? – дернула его за руку Изабель; она знала, что даже Руна дальнoзоркости не придаст ей такой остроты зрения, как у Саймона.

– Демонов. Их там много. Почти все летучие.

– Значит, они теряют силу днем, а ночью становятся активными, – мрачно произнесла Изабель.

– Похоже, так. – Саймон снова пригляделся. – И еще. За пустыней что-то есть... что-то блестящее.

– Может быть, озеро?

– Может быть, – сказал Саймон. – Хотя нет. Похоже на...

– На что?

– На большой город, – неохотно продолжил он. – На город демонов.

– Ой... – Изабель побледнела, но потом взяла себя в руки, выпрямилась и сказала: – Давай вернемся и всем расскажем.

С потолка на серебряных цепях свисали вырезанные из гранита звезды. Джослин лежала на каменных нарах, служивших постелью, и смотрела на них.

Она уже сорвала голос от крика, а колотя в дверь (дубовую со стальными петлями), разбила в кровь руки. Стилус у нее кто-то отобрал, и, обнаружив это, она саданула кулаком по стене с такой силой, что теперь не могла разжать пальцы от боли.

Конечно, она едва ли ожидала, что ее выпустят. Если Себастьян хоть чем-то и походил на своего отца (а Джослин считала, что он во многом походит на него), то в первую очередь тем, что был, возможно, даже большим ничтожеством.

И он, конечно, был более изобретательным. Она убедилась в этом, когда все-таки обнаружила в куче мусора в углу сломанный стилус, ни на что уже не пригодный. Нет, ну разве можно так издеваться над матерью! (Это была спонтанная мысль – на самом деле она знала, что Себастьян способен и не на такое.) На ней была все та же одежда, что и на том злополучном званом ужине, который давал Мелиорн, но туфли исчезли. Волосы были неровно обрезаны до

плеч, как будто кто-то (опять «кто-то»!) поработал тупой бритвой.

Мелкие, но достаточно красноречивые штришки, говорившие об ужасном характере ее сына. Как и Валентин, Себастьян умел мстить.

В замке повернулся ключ, и дверь отворилась. Джослин увидела Себастьяна. Он улыбнулся:

– Проснулась наконец, мама?

– Я не спала, – ответила она и приняла боевую стойку.

Он хмыкнул:

– Не волнуйся, я не собираюсь на тебя нападать.

Свет, струившийся сквозь узкие окна, падал ему на лицо. *Точная копия Валентина*, подумала Джослин. Его лицо, его черные глаза, даже грация его – грация зверя или грация убийцы. Только фигуру, высокую и стройную, он взял от нее.

– Твой оборотень цел и невредим, – сообщил Себастьян. – Пока.

Джослин решительно подавила внезапный скачок своего сердца. *Никогда не показывай своих эмоций, эмоции означают слабость* – так когда-то поучал Валентин.

– И Клэри, – продолжил он, – Клэри тоже цела, если, конечно, тебе это интересно. – Заложив руки за спину, он описал вокруг нее круг. – Хочешь, расскажу тебе историю о том, как одна бессердечная мать бросила своего ребенка...

– Ты не мой ребенок, – выпалила она и тут же замолчала. *Не поддавайся ему, не проявляй слабости. Не говори то, что он хочет услышать.*

– И все же ты хранила шкатулку, – сказал он. – Ты знаешь, о какой шкатулке я говорю. И да, я специально оставил ее в доме Агатис – так, маленький подарок на память обо мне. Надеюсь, ты была рада, когда увидела? – Он улыбнулся, и сходство с Валентином пропало. Валентин был чудовищем, но все же в нем присутствовали и человеческие черты, коих Себастьян был лишен начисто. – Я знаю, ты каждый год лила слезы над этим раритетом. – Почему?

Натолкнувшись на глухое молчание Джослин, Себастьян потянулся за пояс и потрогал рукоять кинжала.

– Полагаю, ты мне ответишь, – произнес он. – Тебя не очень удивит, если я начну отрезать тебе пальцы по одному? Ведь ты считаешь меня чудовищем.

Джослин знала, что он не шутит.

– Я плакала над шкатулкой, потому что у меня украли ребенка.

– Ребенка, который всегда был тебе безразличен.

– Неправда, – возразила она. – До твоего рождения я любила тебя. Я чувствовала биение твоего сердца и умирала от нежности. А потом ты родился и стал...

– Чудовищем?

– Твоя душа была мертва. – Голос Джослин дрогнул. – Я поняла это, едва взглянув на тебя. Твои глаза... были пустые. – Почувствовав, что ее начинает трясти, она сменила тему. – Хорошо, давай о другом. Мелиорн опоил нас?

– Какая ты догадливая, – засмеялся Себастьян.

– Насколько я поняла, Дивный народец – твой союзник. Они поверили, что ты победишь в войне с Сумеречными охотниками, а им хочется быть на стороне победителя. Кроме того, феи уже давно обижены на нефилимов, причем обижены сильнее, чем остальные обитатели Нижнего мира. Не удивлюсь, если они помогали тебе при нападении на Институты. Но знаешь что, мой дорогой, – это прозвучало язвительно, и Себастьян снова потянулся к кинжалу, – в конце концов, когда ты войдешь в силу, ты уничтожишь их, потому что в глубине души ты презираешь *нежить*. – Джослин бросила на сына испытующий взгляд: – Я права?

Он промолчал, но дыхание его участилось.

– Права, – кивнула Джослин. – Ты многое взял от своего отца...

Себастьян буравил ее бездонными черными глазами:

– Ты думала, что я умер... А если бы ты знала, что я жив, ты бы искала меня?

– Я попыталась бы, – ответила Джослин. – И если бы я тебя нашла, я попыталась бы научить тебя добру, попыталась бы изменить тебя. Я виню себя за то, что ты такой. Я бы вырастила тебя...

– Ты бы вырастила меня? Вырастила, но при этом ненавидела?

Она кивнула.

– Неужели ты думаешь, что в этом случае я стал бы другим? Похожим *на нее*?

– Ты хочешь сказать – на Клэри? – Произнести имя дочери было нелегко. Джослин боялась за нее. Похоже, Себастьян любит сестру, если он вообще способен испытывать какие-то чувства, кроме ненависти. Но в этом-то и был весь ужас. Она на собственной шкуре испытала, что такое любовь Валентина, но Себастьян превзошел своего отца. Бедная девочка, как ее защитить? – Я не знаю, что было бы, – тихо сказала она. – Зачем гадать?

– Зато я знаю. Ты бы любила меня. – Теперь в голосе Себастьяна звучала обида. – Я – твой сын. Ты *должна* любить меня, и неважно, похож я на нее или нет...

– А ты любишь меня? – оборвала его Джослин. – Просто потому, что я – твоя мать?

– Ты мне не мать, – он скривил губы, – и хватит об этом. Я пришел тебе кое-что показать, чтобы у тебя не было иллюзий.

Он достал из кармана стилус, подошел к стене и стал быстро рисовать руны. Постепенно камень стал светлеть и вскоре превратился в прозрачный экран.

Джослин увидела кабинет Консула в Гарде. Джия сидела за огромным столом, заваленным грудями папок. Она казалась измученной, в черных волосах были заметны седые прядки. Джия перебирала какие-то фотографии.

– Миссис Пенхоллоу, – громко произнес Себастьян Джия тряхнула головой и вскочила. Фотографии упали на пол в груды бумаг.

– Кто это? Кто там?

– Разве ты не узнаешь меня?

Джия в отчаянии посмотрела перед собой.

– Себастьян... – наконец выдохнула она. – Но еще и двух дней не прошло.

– Джия, – крикнула Джослин, – Джия, не слушай его! Он, как всегда, обманывает всех...

Но Джия ее не видела и не слышала:

– Я пока не могу дать тебе ответа, Себастьян.

– О, думаю, можешь, – сказал он. – Разве нет?

– Ну, если ты настаиваешь... – Джия распрямила плечи. – Совет обсудил твоё требование. Мы не выдадим тебе ни Джейса Лайтвуда, ни Клариссу Фэйрчайлд...

– Клариссу *Моргенштерн*, – поправил Себастьян. – Она моя сестра.

– Я называю ее так, как нравится ей самой, – объяснила Джия. – Мы не будем торговаться с тобой. И знаешь почему? Потому что мы не можем потворствовать твоей тактике устрашения.

– Ах, как я огорчен, – фыркнул Себастьян. – Ты понимаешь, что это значит? Для начала я могу послать вам на шесте голову Люка Гэрроуэя.

Джослин показалось, что ее ударили под дых.

– Ты – можешь, – согласилась Джия. – Но если ты причинишь зло кому-либо из пленников, война вспыхнет с новой силой. Полагаю, что тебе надо так же опасаться войны с нами, как и нам войны с тобой.

– Мне нечего опасаться, – усмехнулся Себастьян. – А я, признаться, не ожидал, что ты будешь хитрить. Почему бы тебе не сказать, что Джейса и Клэри уже нет в Аликанте?

Себастьян провел стилусом по экрану, и изображение стало меркнуть.

– Ну, – сказал он, обращаясь к Джослин. – Как тебе мой трюк?

У Джослин пересохло в горле. Если Джейса и Клэри нет в Аликанте, то где они?

– Себастьян, что это значит? – спросила она.

Он секунду пристально смотрел на нее, а потом рассмеялся; смех был холодный и больше напоминал клекот. Даже когда за ним захлопнулась дверь, Джослин все еще слышала эти странные звуки.

3. Тень прошлого

На Аликанте опустилась ночь. Под россыпью звезд все казалось волшебным – башни, дома и каналы, наполовину покрытые льдом. Эмма сидела на подоконнике в комнате близнецов и задумчиво смотрела на город.

Впервые она побывала в Аликанте с родителями, и мама постепенно знакомила ее с городом; она показала ей школу, где училась, а папа отвел к памятнику семейству Карстейрзов, о которых всегда говорил с гордостью. Девочка была в восторге от города и, конечно, даже представить не могла, что когда-нибудь при взгляде на башни ее сердце будет сжиматься от горя.

На лица близнецов падал свет луны. Тиберий весь день злился. Когда ему запретили выходить из дому, он стал пинать ногами все подряд и даже разбил кулаком изящную стеклянную шкатулку для украшений, стоявшую на полке. Вот спрашивается, чем она ему помешала? В итоге он сам себя наказал, серьезно поранив руку. До исцеляющих рун мальчишка еще не дорос, и поэтому Ливви крепко держала брата, пока Джулиан доставал пинцетом осколки стекла.

Наконец Тай лег в постель, но не спал до тех пор, пока Ливви не прилегла рядом. Теперь он мирно посапывал, положив голову на подушку и повернувшись лицом к сестре. От злости и отчаяния не осталось и следа, и Эмма невольно залюбовалась мальчиком: темные кудряшки, как на картинах Боттичелли, и тонкие черты лица.

Отчаяние, подумала Эмма. Только отчаянием можно объяснить все, что с ними происходит. Даже маленький Тэйви, как ей казалось, плакал от отчаяния. А что касается ее чувств... Никакое другое слово не могло более точно выразить, что происходит в ее душе, когда она думала о родителях. Каждый удар сердца, как поминальная служба: их нет, их нет, их нет...

– Эй! – тихо позвал кто-то. Эмма обернулась и увидела стоящего в дверях Джулиана. Его волосы, чуть светлее, чем у Тиберия, растрепались, лицо в лунном свете казалось бледным и усталым. За прошедшую неделю он еще больше похудел; из рукавов свитера выступали тонкие запястья. В руках он держал что-то пушистое. Игрушка?

– Они...

Эмма кивнула:

– Да, спят.

Джулиан на цыпочках подошел к кровати близнецов. Эмма заметила, что он не успел переодеться: на свитере остались следы крови Тая. И он действительно принес игрушку – большую пчелу, точь-в-точь такую же, какая была у Тиберия в разгромленном Институте, дома. Эмма припомнила, что, совсем малышом, Тай не ложился без нее спать. Джулиан наклонился, положил пчелу рядом с братом и ласково поправил одну из его кудряшек.

Потом он сел на подоконник рядом с Эммой. Девочка взяла его за руку. Рука была холодная и покрытая цыпками. Она повернула руку и стала выводить на запястье буквы, одну за другой. Та к они поступали с раннего детства, чтобы не получать замечания за болтовню на уроках.

Т-Ы-Е-Л? – написала она.

Джулиан помотал головой. Он, не отрываясь, смотрел на спящих детей. Непокорные кудри торчали в разные стороны, и он напоминал ошкетинившегося ежа.

Эмма почувствовала, как он пишет у нее на плече:

– *Н-Е-Х-О-Ч-У.*

– Очень плохо, – сказала Эмма и соскочила с подоконника. – Идем.

Они вышли из комнаты и осторожно прикрыли за собой дверь; вниз вела крутая лестница. В семье Пенхоллоу было так заведено, что дети могли есть когда угодно, за режимом дня никто не следил, и семья очень редко собиралась за столом в полном составе. Эмма никак не могла к

этому привыкнуть, хотя признавала, что иногда такое отношение к еде бывает удобным. В самом деле, когда кусок в горло не лезет, лучше потом перекусить. Джулс, хотя и разделял ее взгляды, все-таки следил за тем, чтобы его младшие братья и сестры ели вовремя. И он сам с ложки кормил малыша Октавиана, а потом стирал его одежду, на которой оставались следы соков, каш и томатной пасты.

На кухне Эмма поставила чайник и полезла в холодильник посмотреть, что там есть. Джулиан сел у стены, запрокинул голову и закрыл глаза. Худенькая грудь тяжело вздымалась.

– Джулс? – окликнула она.

– А! Ой, прости, я, кажется, вырубился.

Большие глаза, обрамленные густыми ресницами, казались черными. Эмма почему-то подумала, что, будь он девчонкой, то, наверное, расплакался бы. Сама она этого не помнила, но мама рассказывала, что однажды взрослые уложили их вместе, а сами куда-то ушли. Уж что они там с Джулианом не поделили в младенческом возрасте, но Эмма свалилась с кровати и до крови прикусила губу. Сама не слезинки не проронила, а Джулс кричал и плакал, пока не прибежали родители.

Они всегда были вместе. Одновременно начали ходить, одновременно пошли в школу, одновременно им вывели первые руны. Джулсу – Руну прозрения на правой руке, а ей такую же на левой. Они оба были горазды на проделки, за которые им влетало по первое число. Джулс не любил врать, но, чтобы выручить Эмму, мог и солгать, выгораживая ее.

Мама Джулиана умерла почти три года назад. Было ужасно видеть, как все Блэкторны переживают эту потерю, и Эмма, как могла, поддерживала своего друга. А теперь она сама потеряла родителей, и отца, и мать. Утрата была чудовищная, и, если бы не Джулс, еще не известно, как она справилась бы со своим горем. Эмма и Джулиан... Они были больше чем друзья, они были одним целым, как *парабатаи*.

– Джулс, – повторила девочка и взяла его за руку. Секунду рука его оставалась безжизненной, а потом он крепко сжал ее пальцы.

– Не знаю, что делать, – произнес он. – Мне кажется, я не справляюсь. Тэйви еще мал, а Тай... он ненавидит меня.

– Он твой брат. И ему всего десять лет. Он не может ненавидеть тебя.

– Хотелось бы верить... – Голос Джулиана дрожал.

– Все образуется, – вздохнула Эмма. – Твой дядя выжил после нападения на Лондон. Когда все закончится, вы поселитесь у него, и он позаботится о тебе и остальных. Ты уже не будешь за них отвечать.

Джулиан пожал плечами:

– Я почти не помню дядю Артура. Он присылал нам старые книги на латинском языке, иногда приезжал из Лондона на Рождество. Единственный из нас, кто читает по-латыни, – это Тай, он выучил этот язык, чтобы досаждать всем.

– Не вижу ничего плохого в том, чтобы выучить латынь, – улыбнулась Эмма, а потом горячо воскликнула: – Джулс, твой дядя сможет позаботиться о тебе. Вот увидишь, все наладится, и ты будешь встречать Рождество не в Идрисе, а у него. Ведь это же лучше!

– Было бы неплохо, чтобы и ты составила нам компанию, – грустно усмехнулся Джулиан.

Эмма почувствовала, как сердце у нее сжимается. При мысли о том, что она может расстаться с Джулсом, Ливви, Дрю, Тэйви... и даже с несносным Тиберием, она ощутила боль и растерянность, как будто ее уносило в океан.

– Ведь это зависит от твоего дяди, да? – спросила она. – Захочет ли он взять меня к себе?

– Захочет не захочет – это не имеет значения, – со злостью сказал мальчик. – Ты должна остаться с нами. – Словно подтверждая свои слова, он сжал кулаки.

– Джулс... – начала Эмма и, услышав чьи-то голоса замерла. Джия... Джия и Патрик Пенхоллоу. Ей стало не по себе.

– ...маленького мерзавца было, разумеется, правильно, – прозвучал конец фразы; в голосе Джии чувствовалось раздражение. – Исчезли не только Джейс и Клэри, но вместе с ними Изабель и Алек. Я всегда говорила, что эти Лайтвуды просто безумные.

В ответ Патрик пророкотал низким басом:

– Ну, Алек уже взрослый. Та к что есть шанс, что они не наделают глупостей.

Джия ответила так тихо, что Эмма не расслышала. Она подалась вперед и напрягла слух.

– ...могли бы оставить хотя бы записку... я способна понять их злость...

– Наверное, они подумали, что мы выдадим их Себастьяну.

– ...сколько сил было отдано... Скорее всего, Клэри создала Портал, чтобы вывести их отсюда, но их нигде нет. Мы их не видим, они как сквозь землю провалились.

– Себастьяна мы тоже не видим, – заметил Патрик. – Может, имеет смысл допустить, что они все в одном месте? Что само это место закрыто от наших глаз?

Эмма еще больше подалась вперед, но слышала только удаляющиеся шаги. Вероятно, они говорили о Спиральном лабиринте? Или нет... они...

Девочка выпрямилась и увидела, что Джулиан смотрит на нее.

– Ведь ты знаешь, где они, – произнес он. – Правда?

Эмма приложила палец к губам и покачала головой. *Не спрашивай.*

– Ладно, не хочешь, не говори, – фыркнул Джулиан. Он испытующе посмотрел на нее и сказал уже серьезным тоном: – Я, кажется, знаю способ, как сделать так, чтобы нас не разлучили.

Эмма улыбнулась:

– Ну, гений, выкладывай.

– Мы могли бы... – он помолчал и начал снова: – Мы могли бы стать *парабатаями*.

Он сказал это робко, слегка отвернувшись от нее, чтобы скрыть выражение своего лица.

– Тогда нас не разлучат, – добавил он. – Никогда.

Эмма испугалась, что у нее сейчас сердце выскочит из груди.

– Джулс, стать *парабатаями* – это очень серьезно, – растерянно произнесла она. – Это... это навсегда.

Мальчик пристально посмотрел на нее:

– А разве мы не навсегда вместе?

Вот ведь странный вопрос... Эмма не могла представить свою жизнь без Джулиана. Это была бы просто какая-то черная дыра одиночества. Никто не понимал ее так, как он, не шутил так, как он, не защищал ее так, как он, – защищал не физически, физически она и сама могла за себя постоять, а оберегал ее чувства, ее сердце. Он радовался вместе с ней, утешал в грусти, понимал ее даже не с полуслова, а с полувздоха и... и он всегда выбирал огурцы из ее салата, потому что она их терпеть не могла.

– Я... – начала девочка, и вдруг наверху раздался грохот. Они в панике переглянулись и бросились в комнату, где спали Ливви и Тай.

Сонная Ливви сидела на кровати, протирая глаза, а Тай стоял у окна с кованой кочергой в руке. В середине окна красовалась дыра, на полу поблескивали осколки стекла.

– Тай! – Джулиан с испугом посмотрел на стекла. – Стой на месте, ты же босой. Сейчас веник принесу...

Мальчик кивнул и что-то протянул им. Эмма присмотрелась... желудь?

– Это записка, – пояснил Тиберий.

– От фей? – подала голос Ливви. – Я слышала, феи часто посылают их в чем-то таком... в

желудях, листьях, цветах.

– Не тупи, – ответил Тай. – Это записка от Марка. И адресована она Консулу.

Наверное, сейчас день, подумал Люк, глядя на Рафаэля, который прикорнул в углу, положив под голову руку. *Вампиры спят днем, а ночью бодрствуют.* За окном все утопало в густом желтом тумане.

– Надо бы его покормить, – сказал Магнус, с нескрываемой нежностью глядя на Рафаэля, что удивило Люка. Что их может связывать?

– Вы давно знакомы? – спросил он.

Магнус грустно усмехнулся:

– Ах, Люк, Люк. У нас, бессмертных, время измеряется совсем другими категориями. Что значит «давно»? Сказать тебе, что до того, как ты появился на свет? Но почти все в моей жизни случилось до твоего рождения. – Взгляд Магнуса задержался на спящем Рафаэле. – Нет, я знаю его всего ничего. Полвека назад, ну, может, чуть побольше, когда я был в Нью-Йорке, ко мне пришла женщина и попросила спасти ее сына от вампира.

– И тем вампиром был Рафаэль?

– Нет, – покачал головой Магнус. – Рафаэль был ее сыном. Я не смог спасти его, было слишком поздно... – Колдун вздохнул, и Люк внезапно подумал, насколько же он стар. – Вампир убил всех его друзей. До сих пор перед глазами стоит эта картина... Не знаю, почему он обратил Рафаэля. Может быть, что-то увидел в нем. Волю, силу, красоту... Не знаю. Он и в самом деле был красив – живое воплощение ангела Караваджо.

– Он и сейчас красив, – признал Люк. Черноглазый Рафаэль всегда напоминал ему мальчика-хориста.

– Надеюсь, он переживет это, – вздохнул Магнус. – Переживет и займет подобающее место. Вампирам Нью-Йорка нужен кто-то с мозгами, чтобы руководить их кланом, и едва ли Морин для этого годится.

– Постой, постой... – нахмурился Люк. – Ведь он убийца. Он убивает людей, пьет их кровь, а ты относишься к нему...

– А ты не убийца? – перебил его Магнус. – У кого из вас руки не в крови? Ты – оборотень, он – вампир. Так что, по большому счету, разница между вами не большая.

– Но я... – попытался возразить Люк.

– Может быть, ты хочешь сказать, что не всегда был оборотнем? – снова перебил его Магнус. – А что ты делал, когда был нефилимом? Ты ведь, если мне не изменяет память, входил в Круг Валентина Моргенштерна?

Люк промолчал. О тех днях ему было противно вспоминать. Кровь, кровь, кровь... Валентин убеждал их, что все в порядке, что это во имя высших целей, и это усыпляло его совесть.

– Да, ты прав, – наконец признал он. – Но сейчас я беспокоюсь о семье. О Клэри, Джослин и... Аматис. Не могу поверить, что все это необратимо... Рафаэль... Он с нами, и этим все сказано. А ты... Разве тебя не волнует судьба Алека?

Магнус раздул ноздри:

– Не будем об этом.

– Ладно, – кивнул Люк.

В камере воцарилось молчание. Люк смотрел в узкое окно, а Магнус, ворочаясь, гремел своими цепями.

– Сумеречные охотники, – наконец сказал колдун, – это что-то особое. Они входят в твою кровь, проникают тебе под кожу. С кем только я ни имел дело... вампиры, оборотни, прекрасные

феи, маги вроде меня... ну и люди, конечно, слабые беззащитные люди, примитивные. Но я всегда зарекался отдать свое сердце нефилиму. Иногда я бывал очарован ими... Эдмунд, Уилл, Джем Карстейрз... те, кого я спас и кого не смог спасти. – Его голос на секунду прервался, и Люк с изумлением понял, что Магнус Бейн с трудом сдерживает слезы. – Одно поколение сменялось другим, и я помогал им, иногда даже против собственной воли, просто... просто потому, что не мог не помочь. Когда Джослин пришла ко мне с Клэри, разве я мог ей отказать в помощи? Я полюбил Клэри, она выросла на моих глазах. Но... Слово «любовь» имеет тысячи смыслов и оттенков. Я никогда не любил ни одного Сумеречного охотника, пока не встретил Алека. И опять это «но»... Тебе ли не знать, что в нефилимах течет кровь ангелов, а это значит, что их чувства высоки и священны.

– Разве это плохо? – спросил Люк.

Магнус пожал плечами.

– Иногда приходится выбирать между спасением одного человека и спасением человечества, – сказал он. – А я... я достаточно эгоистичен и хочу, чтобы тот, кто любит меня, меня бы и выбрал. Но нефилимы всегда предпочтут другой вариант. Я смотрю на Алека и чувствую себя Люцифером из «Потерянного рая». *«И посрамленный Дьявол почувствовал могущество добра»*. Могущество, внушающее благоговение. Благоговение – это прекрасно, но это яд для любви. Любовь может быть только между равными.

– Он всего лишь мальчик, – заметил Люк. – Алек... он не совершенство. А ты не падший ангел. Ты вообще не ангел.

– Все мы падшие. – Магнус снова загремел цепями и замолчал.

– Ты так на меня смотришь, будто хочешь похитить, – сказала Майя.

Бэт взъерошил коротко подстриженные волосы и покраснел.

– Это колесо обозрения? – задал он глупый вопрос.

Они стояли внутри пустого магазина игрушек на Сорок второй улице. Снаружи неоновый свет Таймс-сквер окрашивал ночь в синие, красные и зеленые тона. Магазин был огромный. Целые этажи игрушек: яркие пластиковые супергерои, плюшевые мишки, розовые красотки Барби... И перед ними действительно было колесо обозрения; разноцветные кабинки мерно покачивались. Майя смутно помнила, как мама водила ее и брата, когда им было лет по десять, покататься на колесе. Даниэль попытался вытолкнуть Майю, и она заплакала.

– Это... безумие, – прошептала девушка.

– Майя... – К ней обратился один из юных оборотней, тощий и дерганый, с дредлоками. Майе пришлось немало потрудиться, прежде чем она приучила их называть ее не «леди» и не «мисс Робертс», а только «Майя», пусть даже она и выполняла обязанности вожака стаи. Временно, пока не было Люка. – Мы прочесали это место, похоже, их здесь нет.

– Отлично, спасибо. – Майя посмотрела на Бэта, и тот пожал плечами. С ними было еще порядка пятнадцати волкодлаков; среди диснеевских принцесс и плюшевых северных оленей они смотрелись странновато. – Не мог бы ты...

Колесо внезапно заработало. Майя отскочила, едва не сбив с ног Бэта; он обнял ее за плечи, и они вдвоем замерли, услышав звуки музыки. В исполнении духовых звучала мелодия из «Волшебника страны Оз».

– Оборотни! Э-эй! Оборотни-и-и-и! – пропел чей-то голосок, и Майя наконец увидела Морин.

Она была в розовом бальном платье, как у диснеевской принцессы, но почему-то босиком; голову венчала тиара всех цветов радуги. Ее сопровождали порядка двадцати вампиров; все бледные, лица, как у манекенов. Лили шла позади всех, цокая каблучками. Ее черные волосы

были аккуратно собраны на затылке. Поймав Майин взгляд, она отвернулась.

– Привет, привет, – промурлыкала Морин. – Как приятно тебя видеть.

– И я рада тебя видеть, – холодно ответила Майя. Она протянула руку, но Морин захихикала, схватила хлопушку из ближайшей коробки на витрине и осыпала всех конфетти.

– Я тут узнала, что Себастьян убил всех твоих друзей-оборотней, – сказала девочка и сморщила носик. – Фу, противный.

Майя вздрогнула, вспомнив лицо Джордана и то, как он умирал у нее на руках. Как же ей хотелось загрызть эту пигалицу! Но вместо этого она сказала:

– Именно об этом я и собиралась с тобой поговорить. Себастьян... Он представляет серьезную угрозу для всех обитателей Нижнего мира... – Морин, напевая, начала рыться в коробках с рождественскими Барби в красно-белых шубках Санты, и Майя замолчала. – Ну так и что? – оторвалась от кукол девочка.

– Он хочет натравить нас на Сумеречных охотников, – дрогнувшим голосом продолжила Майя; у нее не было выбора – она не могла просто так уйти. – Если мы объединимся...

– О, да, – Морин оторвала голову одной из кукол и бросила на пол. – Надо объединиться против Сумеречных охотников. Непременно.

– Нет, я сказала...

– Я слышала, что ты сказала. – Морин сверкнула глазами. – Глупость какая. У вас, оборотней, всегда полно глупых идей. Себастьян, конечно, не в моем вкусе, мне больше нравятся темноволосые, но Сумеречные охотники и того хуже. Они устанавливают глупые правила и заставляют нас им следовать. И они воры, да!

– Воры? – не поняла Майя.

– Да, воры. Они украли у меня Саймона. Я владела им, а теперь его нет. Я знаю, кто его забрал. Сумеречные охотники.

Майя поймала недоумевающий взгляд Бэта. Она забыла сказать ему, что эта малявка без ума от Саймона. Еще она заметила, что вампиры за спиной Морин, похоже, проголодались не на шутку, так как кое у кого из них выросли клыки.

– Я просила тебя о встрече, чтобы заключить союз...

– Как красиво звучит, почти брачный. – Морин вытащила из складок платья огромный леденец и стала его разворачивать. – Но мы с тобой обе девочки, так что это не про нас, да? – Она лизнула леденец розовым язычком и сморщилась: – Фу, какая гадость! Эээ... В школе нам что-то говорили про военные союзы. Если мы образуем такой союз, то сможем совершить вторжение.

– Вторжение? – Майя поняла брови.

– Я слышала, что Себастьян собирается напасть на Идрис. Он, конечно, победит, а потом мы все поделим мир, и он разрешит нам пить кровь у людей, сколько захочется. Здорово, да?

– Понятно, – промолвила Майя. – Что ж, если ты считаешь, что так лучше, давай объединимся против Сумеречных охотников.

– Майя... – охнул Бэт.

Не обращая на него внимания, Майя сделала шаг вперед и протянула руку запястьем вверх.

– Кровь скрепляет союз, – сказала она. – Та к диктуют древние законы. Выпей мою кровь, чтобы все было по правилам.

– Майя, нет! – вскрикнул Бэт, но она метнула в него уничтожающий взгляд.

– О, занятно, – хлопнула в ладоши Морин. – Как сестры по крови.

– Именно, – подтвердила Майя.

Тонкие пальцы Морин, холодные и липкие от леденца, переплелись с ее пальцами. Раздался щелчок – Морин обнажила клыки.

– Именно... – снова шепнула Майя, пытаясь не выдать своего страха.

Морин впилась зубами в запястье. Она даже не пыталась сделать это осторожно; боль была такой, что у Майи перехватило дыхание. Волкодлаки позади нее беспокойно перешептывались. Бэт тяжело дышал.

Морин с улыбкой глотнула, не выпуская зубов из запястья Майи; боль стала еще сильнее. Девушка встретила взглядом с Лили – та безучастно смотрела на нее.

Вдруг Морин отпрянула, прикрыв рукою рот. Ее губы распухли, как у страдающего аллергией на пчелиные укусы.

– Б-больно, – прошептала она, и вдруг по всему лицу пошли трещины, тело забило судорогах. – Мама, мамочка, спаси меня, – раздался душераздирающий крик, и с Морин стала сползать кожа, обнажая кости.

Майя отступила на шаг. Спустя мгновение платье Морин мягкими складками упало на пол, розовое, сверкающее и... пустое.

– Глазам не верю... Что случилось? – ошарашенно произнес Бэт, подхватывая Майю. Ее прокушенное запястье уже начинало затягиваться, но голова слегка кружилась.

Вампиры перешептывались, опасаясь напасть – охрана у Майи была внушительной...

– Что ты наделала? – наконец спросил юный блондин звонким голосом. – Что ты сделала с нашим вожаком?

Майя посмотрела на Лили и ощутила панический страх в груди. Лили...

– Святая вода, – ответила та. – В жилах. Она ввела ее туда с помощью шприца, и Морин этого не вынесла.

Блондин ощерился.

– Мы не можем оставить это без последствий, – заявил он. – Оборотни...

– Перестань, – приказала Лили. – Она сделала это по моей просьбе.

Майя перевела дух, а Лили оглядела вампиров.

– Себастьян Моргенштерн – наш враг, поскольку он враг всех обитателей Нижнего мира, – объяснила она. – Уничтожив Сумеречных охотников, он возьмется за нас. Морин этого было не понять. Девчонка всех нас вела к гибели.

– Мы с Лили договорились, – произнесла Майя. – Выход только один: союз между нами, крепкий союз, основанный на доверии. Сумеречные охотники пока еще сильны, и у нас есть шанс переломить положение. Мы сможем отомстить за тех, кто погиб.

– А кто поведет нас? – завопил блондин. – По нашим правилам, тот, кто убивает предыдущего вожака, берет мантию себе, но нас не может вести оборотень. – Он взглянул на Майю: – Прости, я не хотел оскорбить тебя.

– Я и не обиделась, – кивнула девушка.

– Это я убила Морин, – сказала Лили. – Майя стала оружием, но это был мой план, и это я осуществила его. Я встану во главе клана... если вы, конечно, не возражаете.

Вампиры смущенно переглядывались.

Красные губы Лили дрогнули.

– Я не стремилась к власти, но другого выхода нет. – Она шагнула к Майе, осторожно обходя тюлевое платье и горсточку пепла – все, что осталось от Морин. – Ну, – сказала она. – Почему бы нам не обсудить детали?

* * *

– Пирога я не испек, – заявил Алек, когда Джейс и Клэри вернулись в пещеру. Он лежал на

спине, подложив под голову свернутую куртку. Пламя костра отбрасывало на стены длинные тени. – Но о еде я позаботился. – «Забота» заключалась в том, что он вытащил из рюкзака то, что они захватили с собой: хлеб, шоколад, орехи, батончики гранолы, воду и помятые яблоки. «Натюрморт» украшали три бутылки вина в пластиковой таре.

Почувствовав спазм в желудке, Клэри поняла, что здорово проголодалась.

– Что ж ты так с пирогом сплеховал? – язвительно спросила она.

– На то есть целых три причины. Во-первых, у меня не было необходимых ингредиентов. Во-вторых, я понятия не имею, как его печь.

– А в-третьих? – спросил Джейс.

– А в-третьих, я вам не козел отпущения. – Алек был явно доволен собой.

Клэри не смогла скрыть улыбку. Она сняла пояс с оружием и аккуратно положила его у стены.

– Вино-то зачем достал? – Джейс улегся на земле рядом с Алеком. – Ты же знаешь, что вино мы взяли в качестве антисептика.

Клэри присела. У нее болели все мышцы... долгих месяцев тренировок оказалось недостаточно, чтобы подготовиться к такому изнурительному походу.

– Не думаю, что вино может послужить антисептиком, – заметил Алек. – В нем градусов маловато.

Джейс разломил яблоко и протянул половину Клэри. Она откусила и вспомнила: в их первом поцелуе был привкус яблок.

– Я тут поразмышлял немного, – сказал Алек. – В Аликанте уже, наверное, заметили, что нас нет, и все такое. Мне неловко перед Алиной и Хелен. Надо было бы их предупредить.

– А перед родителями тебе тоже неловко? – спросила Клэри.

Алек долго молчал.

– Нет, – наконец ответил он. – У них был шанс поступить правильно, но они им не воспользовались. – Он повернулся на бок и посмотрел на девушку. В свете огня его глаза стали темно-синими. – Мне с детства внушали, что быть Сумеречным охотником значит одобрять то, что одобряют Конклав и Совет. Шаг в сторону, и ты уже предатель. Но как быть, если некоторые решения мне не нравятся? Если я не могу их принять? Иногда мне казалось, что я сражаюсь не только с демонами, но и с Конклавом тоже. И при этом я не считаю себя предателем.

– Бунтовщик, – засмеялся Джейс.

Алек скорчил гримасу и лег, опираясь на локти:

– Не вижу ничего смешного.

Джейс подался вперед, чтобы ответить другу... но в этот момент в пещеру ворвались Изабель и Саймон. Изабель покраснелась, но скорее от бега, чем... Клэри не хотелось думать о том, от чего еще могла покраснеть Изабель.

– Там, в конце тоннеля, решетка, – с ходу сообщила девушка. – Ну, вроде той, что мы уже видели, но она сломана. И там куча демонов, снаружи, к счастью. Они не подлетают близко. Но их видно. Надо, чтобы кто-то сторожил, на всякий случай.

– Я пойду. – Алек встал. – Мне все равно не хочется спать.

– Я с тобой, – поднялся Джейс.

Он посмотрел на Клэри, и девушка ободряюще улыбнулась. Она знала, что Джейс не выносит, когда Алек на него злится.

– Там три луны. – Изабель села и потянулась за батончиком гранолы. – А Саймону показалось, что он видит большой город. Город демонов.

– Я не уверен, – быстро вставил Саймон.

– В книгах говорится, что в Эдоме есть столица – Пандемониум, – заметил Алек. – А может,

есть и другие города. Надо бы посмотреть. – Он поднялся, взял свой лук и пошел к восточному коридору.

Джейс быстро поцеловал Клэри и направился следом. Клэри улеглась на бок и закрыла глаза. Тихий шепот Изабель и Саймона убаюкивал ее.

Джейс и Алек уселись среди камней; оба старались не слишком глубоко вдыхать горький воздух.

Неприглядный пейзаж действительно освещали три луны. Они висели низко и были цвета крови.

– Ну что, будешь разговаривать? – спросил Джейс. – Или это один из тех моментов, когда ты, злясь на меня, предпочитаешь молчать?

– Я не злюсь на тебя, – ответил Алек и провел рукой в кожаной перчатке по своему луку.

– Да ладно... И мне, кстати, иногда тоже приходят в голову такие мысли. Я про Конклав... К тому же ты был прав насчет укрытия. Опасное местечко.

Алек кивнул. Лунный свет бросал красноватый отблеск на его лицо. С грязными, взлохмаченными волосами, в разорванной рубашке, он казался совсем юным.

– Мы знали, на какой риск идем, отправляясь сюда, – сказал он. – Не хочу драматизировать, но мы все подписали себе смертный приговор. Я, вообще-то, предпочел бы остаться в живых, но...

– Могу поспорить, ты посмотрел на меня и подумал: *он не позволит, чтобы меня убили*.

– Ты почти угадал.

– Всегда любил тебя за честность, – усмехнулся Джейс. – Слушай, а как ты думаешь, может быть, надо было оставить записку твоим родителям, Маризе и Роберту?

– Ну вот еще. Думаю, они поймут, куда мы отправились. И мне по барабану, поймет ли это отец. – Алек вздохнул. – Опять я говорю штампами... А что касается моего отца, то он ненавидит меня за то, что я неправильный. Та к что о какой записке ты говоришь. Перебесятся, короче.

– Мой приемный отец был убийцей, но, знаешь, я до сих пор думаю, что бы он сказал в том или ином случае. Думаю без всякого зла, вовсе не для того, чтобы противопоставить: вот он, такой плохой, а вот я, такой хороший. Твой отец в сравнении с Валентином совершенно нормальный.

– Ну да, и ты ему нравишься, – кивнул Алек. – У тебя нормальная ориентация, и ты не путаешься с колдунами.

– Ага, на моей могиле так напишут: «У него была нормальная ориентация, и он не путался с колдунами». Может, еще добавят: «И он не считался ни с кем».

Алек улыбнулся.

Джейс повернулся к нему:

– Ты правда не злишься? По-моему, ты все-таки зол.

Алек взглянул на небо, на странные луны, светившие сквозь облака:

– Джейс, заруби себе на носу: не всё вертится вокруг тебя.

– Алек, нам все нелегко, мы все в состоянии стресса, но...

Алек стукнул затылком о камень, потом еще и еще раз.

– Как ты не понимаешь! – воскликнул он. – Представь, как бы ты себя чувствовал, если бы Себастьян увел Клэри? Если бы ты не знал, жива она или мертва?

Джейс опустил голову и не сразу смог выжать из себя:

– Я... я был бы разбит вдребезги.

Алек вскочил; его коренастая фигура четко вырисовывалась на фоне тревожного неба.

Джейс вспомнил, как Алек убил Мелиорна – не раздумывая, быстро и безжалостно. Он тогда подумал, что это не похоже на Алека. Что, что с ним произошло? Неужели причиной всему – Магнус?

– Это, – Алек указал на себя, – это вдребезги разбитый я.

– Алек...

– Я не такой, как ты, – вымолвил Алек. – Я... я не могу все время делать вид, что у меня все о'кей. Я могу посмеяться вместе с вами, но всему есть предел...

– Предел? Какой предел? Алек, ты так можешь сломаться...

– У тебя тоже было от чего сломаться. Валентин... Клэри, особенно когда ты думал, что она – твоя сестра. И эта битва в Беррене, ты ведь мог погибнуть, но ты выжил. Мы с тобой в одной связке, Джейс, если выжил ты, то выживу и я, что бы ни случилось. Я не сломаюсь.

Джейсу стало стыдно. Он думал о чем угодно, но только не о чувствах своего *парабата*. Алек страдал, Алек не находил себе места, не зная, жив ли Магнус, а он в это время глупо подкалывал его.

– Алек, я не пример тебе, ты – лучше.

– Что ты себе вообразил, перестань, – резко бросил Алек, а потом вдруг спросил: – Что ты видел, когда мы проникли в этот мир? Ты ведь обманул нас, у тебя было такое лицо...

Джейс покачал головой:

– Прости, но даже тебе я не могу этого сказать.

– Хорошо, – кивнул Алек. – А я видел Зал Соглашений. Там был роскошный банкет в честь победы, и на нем собрались все. Макс... тоже был там. И ты, и Магнус, и все. Отец произнес тост в честь меня, он назвал меня лучшим воином... – Его голос дрогнул. – Я и не мечтал никогда быть лучшим воином, Джейс. Лучший воин – ты, у тебя дар особый. Я могу учиться до посинения, но все равно не стану таким, как ты.

– Ну, два Джейса Эрондейла – это слишком, – улыбнулся Джейс.

Алек перевел дыхание:

– Сам знаешь, я не завистлив. Я просто всегда, с самого начала знал, что все вокруг считают тебя лучше меня. Так думал отец, так думали все в Конклаве. Даже Иззи и Макс смотрели на тебя с обожанием, как на великого воина, и им хотелось быть похожими на тебя... Но в тот день, когда ты предложил мне стать твоим *парабатом*, я понял: ты настолько доверяешь мне, что просишь о помощи. Хороший воин не может сражаться в одиночку, ему нужен тот, кто станет его второй половиной, зеркальным отражением. Я понял, что ты не считаешь себя лучше меня. Ты считаешь, что я – такой же.

– И все же у тебя есть черты, каких у меня нет. Ты – добрее, у тебя преданное сердце и безграничная вера в тех, кто тебя окружает.

Алек посмотрел на него с удивлением, а Джейс продолжил:

– Лучшее, что сделал для меня Валентин, это то, что он отправил меня к вам. Не случись этого, мы бы не встретились. Но главное даже не это. Если бы не ты, я бы стал... как Себастьян. Я хотел бы того, что хочет он: безграничной власти. – Он указал на раскинувшееся перед ними плато. – И в конце концов я стал бы королем пустыни, усыпанной трупами. Вот это я и видел, когда попал сюда. Подсознание иногда выдает такое, о чем мы стараемся не думать.

Они оба долго молчали.

– Ладно, надо бы пойти посмотреть, что там мог увидеть Саймон, – наконец сказал Джейс и достал клинок серафима. В лунном свете *адамас* мягко мерцал. – Подожди меня здесь.

– Джейс... – начал Алек, но его *парабата* уже несли вниз по склону, перепрыгивая с камня на камень.

Постепенно место камней занял мелкий песок. Растительность была скудной: уродливые

черные деревья, как после ядерного взрыва. Сбоку что-то сверкнуло. Джейс резко повернулся и крикнул:

– Эй, кто там? – Не услышав ответа, он нахмурился. – Разумеется, я знаю, что в фильмах того, кто крикнет «Эй, кто там?», немедленно убьют. Но было бы интересно посмотреть на потенциального убийцу.

На сей раз он услышал всхлип – даже не всхлип, а как будто кто-то изо всех сил пытается усмирить дыхание. Джейс присмотрелся и увидел тень.

Женщина. Съежившись, стоит на коленях. В темноте белело светлое платье. Кажется, она плакала.

Джейс сильнее сжал рукоять клинка. Ему не раз приходилось встречаться с демонами, которые, притворяясь беспомощными, меняли свой облик. Возможно, это тот самый случай.

– *Думах*, – прошептал он, и клинок озарился светом.

Теперь он видел женщину более отчетливо. У нее были длинные, ниспадающие до земли волосы, на голове – железный обруч. Платье в пятнах грязи и крови. Волосы отливали красноватым цветом. Кто это?

Он сделал еще шаг вперед и понял, что белое платье, подпоясанное под грудью, это одеяние Железной сестры. Щеки и лоб женщины испещряли темные руны, в глазах горел оранжевый огонь. Она опустила сомкнутые на груди руки, и у Джейса внутри все похолодело: из зияющей раны сочилась кровь.

– Ты ведь знаешь меня, Сумеречный охотник? – обратилась она. – Я сестра Магдалина, ты убил меня в Париже.

У Джейса пересохло в горле.

– Ты – не Магдалина. Ты – демон.

Она покачала головой:

– Я проклята, потому что предала своих. Когда ты убил меня, я попала сюда. Это мой ад, и я по нему брожу. Моя рана не заживет никогда. – Она повела головой назад, и он увидел следы босых ног; песок вокруг них был обогрен кровью. – Вот что ты со мною сделал.

– Это не я, – прохрипел он.

– Не ты? – повторила она. – Неужто не помнишь?

Еще бы ему не помнить... Небольшая мастерская в Париже, Чаша из *адамаса*, Магдалина, не ожидавшая нападения, выражение ее лица, когда она упала, умирая, на рабочий стол...

Кровь на его клинке, на руках, на одежде. Красная кровь... Кровь Сумеречного охотника, Железной сестры.

Магдалина склонила голову и попыталась улыбнуться:

– Откуда демону знать, что знаю я? Про Париж... Про Чашу... А, Джейс Эрондейл? Или нет, ты – Лайтвуд. Или, может быть, Моргенштерн? Как и Джонатан?

Джейс обливался потом, руки тряслись. Всё в нем взывало к тому, чтобы броситься вперед и снова пронзить Магдалину клинком. Снова... Перед глазами стояла картина: она истекает кровью в своей мастерской, а он стоит над ней, понимая, что сотворил, что он – убийца. Одно дело – убивать в битвах врагов, и совсем другое – лишить жизни того, кто не оказывает сопротивления.

– Тебе же нравилось? – вкрадчиво прошептала она. – Нравилось быть связанным с Джонатаном, быть заодно с ним? О да, понимаю, теперь ты скажешь, что действовал не по своей воле, что твоими руками руководили, что это *не ты* вонзил в меня клинок, но мы оба знаем правду. Ты не хотел сопротивляться, ведь так?

Клэри, с болью подумал Джейс. Будь она здесь, он бы чувствовал себя иначе. Клэри верила в то, что он добр, и эта вера ограждала его самого от любых сомнений. Но Клэри рядом не было,

он был одинок в этой пустыне.

– Ведь ты *это* видел? – шипела Магдалина, почти вплотную приблизившись к нему; ее глаза вспыхивали оранжевым и красным светом. – Ты видел выжженную, опустошенную землю и себя – властителя. Этого и жаждет твоя душа. – Она схватила его за руку; ее голос возвысился. – Ты полагаешь, что это и есть твоя темная тайна – желание стать подобным Джонатану, но я скажу тебе большее – ты уже стал им. – Она оглушительно расхохоталась.

– Нет! – крикнул Джейс и поднял свой клинок; в небе вспыхнула огненная дуга.

Магдалина отпрянула, и на миг Джейсу показалось, что платье на ней вспыхнуло. Он ощутил жжение и услышал гортанный, нечеловеческий крик. И только тогда понял, что огонь исходит он сам и этот огонь сжигает все вокруг. На его глазах Магдалина превратилась в отвратительное существо с извивающимися щупальцами, которое очень быстро рассыпалось в пепел. Падая на колени, он увидел, что его окружает огненное кольцо. *Я заживо сгорю здесь*, подумал он, но ему не было страшно.

4. Вкус огня и крови

Клэри снился огонь. Огненный столб неся по пустыне, опалая искривленные деревья, редкие сухие кусты и кричащих от ужаса людей. Их тела в считанные секунды обугливались, а над всей этой апокалипсической картиной парила руна, напоминающая два крыла, соединенных одной чертой...

Клэри слышала крик, открыла глаза и увидела перед собой едва тлеющий костер. Несколько раз глубоко вздохнув, она усмирила сердцебиение и протянула руку к Гесперу, который, перед тем как заснуть, положила рядом с собой.

Дым от костра тонкими струйками поднимался к потолку пещеры. В полумраке она увидела Саймона и Изабель. Иззи подняла голову с колен Саймона и встревоженно спросила:

– Что там?..

– Кто-то кричал, – ответила Клэри, поднимаясь на ноги. – Вы тут оставайтесь, а я пойду посмотрю, что случилось.

– Нет, нет. – Изабель села и стала расталкивать Саймона; в это время в пещеру, задыхаясь, ворвался Алек.

– Джейс! – крикнул он. – Клэри, пойдем! – Он снова бросился в тоннель.

Девушка заткнула меч за пояс и побежала вслед за Алеком.

То, что она увидела, потрясло ее. Ночь горела. Огромное плато было охвачено огнем. Огонь устремлялся ввысь, золотя небо. Девушка в упор посмотрела на Алека.

– Где Джейс? – крикнула она, и ее голос потонул в треске пламени.

Алек ткнул рукой:

– Там... Я видел, как из него излился огонь и... поглотил его.

Клэри отпрянула, как от удара.

– Он жив, – затряс головой Алек. – Он жив... Если бы он погиб, я бы знал.

Из темноты тоннеля выскочили Изабель и Саймон. Изабель широко раскрыла глаза, а Саймон в ужасе отскочил – вампиры не любят огня. Изабель загородила его своей спиной; Клэри слышала ее крик, но слов из-за рева пламени было не разобрать. Рука Клэри заныла. Она взглянула на запястье и увидела, что руна *пюр*, оберегающая от пламени, стала раз в десять четче, чем была. Это была сильная руна, и она работала.

Клэри бросилась вниз по склону, Алек попытался ее догнать, но она крикнула ему через плечо:

– Оставайся здесь. Небесный огонь отпугивает демонов, но надо быть готовыми ко всему. Если что-то случится со мной, тогда иди на подмогу, но я справлюсь!

Огонь напоминал стену; она дрожала, переливаясь всеми оттенками красного. От жара зудела кожа, слезились глаза. Клэри набрала в легкие побольше воздуха и ступила в пекло.

Перед глазами поплыли золотые и оранжевые круги, волосы встали дыбом. Клэри осторожно продвигалась вперед, согнув руку и прикрывая лицо; руна на запястье зудела все сильнее. На секунду подступило отчаяние – шансов выжить в этом огне нет.

Джейс, подумала она, и вдруг оказалась в центре кольца, свободного от огня. В кольце на коленях стоял Джейс, запрокинув золотистую голову. Руками он опирался о землю, и из его ладоней вытекал поток, напоминающий расплавленное золото. Он пронизывал землю, и земля превращалась в твердую кристаллическую породу, которая сияла, как...

Как *адамас*, подумала Клэри.

Она поползла к Джейсу. Джейс не двигался, и Клэри подумала, что он похож на ангела Разиэля, поднимающегося из вод озера Лин.

Адамас... Сила волшебного минерала пронизывала Клэри до дрожи в костях. В глазах расцветали руны, назначения которых она не знала. Наконец все руны исчезли и осталась одна – *крылья, соединенные одной чертой*... Нет, это не крылья... это рукоять меча... *рукоять Геспера!*

– Джейс! – крикнула Клэри, и он поднял на нее глаза, такие же золотые, как огонь. Он смотрел на нее как на привидение, и Клэри сразу же поняла, о чем он думал: стоя здесь, в этом круге, он ждал смерти, ждал, когда его поглотит пламя.

Ей захотелось отшлепать его.

– Клэри, как ты...

Она протянула руку к его запястью, но он увернулся:

– Нет! Не прикасайся ко мне. Это опасно...

– Джейс, прекрати. – Она показала ему руну *пюр*, которая теперь отливала серебром. – Я что, зря шла к тебе сквозь огонь?

В его глазах мелькнул страх.

– Клэри, уйди...

– Нет! – Она обняла его за плечи, и на этот раз он не стал вырываться. – *Я знаю, как справиться с этим!*

Их губы встретились.

Вкус огня и крови... А что чувствует он? то же самое?

– Верь мне, – прошептала девушка, и, хотя слова поглощал царивший вокруг них хаос, она почувствовала, что Джейс расслабился.

Они дышали в унисон, все теснее прижимаясь друг к другу, и в этот миг между ними заискрился огонь.

– Верь мне, – снова прошептала Клэри, думая о Геспере.

Изабель навалилась на Саймона, удерживая его. Она знала, что, если она его отпустит, он рванет вниз по склону вслед за Клэри и...

...и воспламенится, как пропитанный бензином трут. Он же был вампиром.

Изабель ощущала пустоту у него под ребрами, там, где *не* билось его сердце. Ее же сердце колотилось, а волосы трепал горячий огненный ветер. На фоне пламени выделялся черный силуэт Алека. Он так и остался стоять на склоне, когда Клэри поглотила ревущая золотая стена.

Изабель напрягла глаза и увидела движущиеся внутри тени – тень, стоящую на коленях, и другую тень, поменьше, которая пробиралась сквозь огонь. Она знала, что у Клэри есть руна, спасающая от ожогов, но сомневалась, что *пюр* поможет при таком пожаре.

– Иззи, – прошептал Саймон. – Я не...

– Шшш... – Она обняла его еще крепче, словно он был маленьким ребенком... таким, как Макс. – С ними все в порядке, – промолвила она. – Если бы Джейс был ранен, – ей не хотелось говорить «погиб», – Алек почувствовал бы это, они же *парабатаи*. А если с Джейсом все в порядке, значит, и с Клэри все в порядке.

– Они сгорят заживо...

Изабель вскрикнула, увидев, что пламя поднялось выше. Алек неуверенно шагнул вперед и вдруг, упав на колени, согнулся пополам. Небо превратилось в головокружительно вертящиеся кольца огня.

Изабель отпустила Саймона и бросилась к брату.

– Алек, Алек... – Вцепившись в его куртку, она пыталась поднять его.

Алек с трудом встал. Лицо у него было бледное, все в саже. Он повернулся к Изабель и скинул куртку.

– Моя руна *парабатай*... что там?

Сердце у Изабель ухнуло в пятки; в какой-то момент она подумала, что теряет сознание. Она посмотрела на руны и с облегчением выдохнула:

– Пока еще здесь.

Алек снова натянул куртку.

– Мне показалось, что что-то изменилось; как будто что-то *сместилось* во мне... – Его голос окреп. – Я пойду туда.

– Нет! – Изабель схватила его за руку, и в этот момент рядом с ней послышался голос Саймона:

– *Смотрите.*

Он показал на огонь. Прошло мгновение, прежде чем Изабель поняла, в чем дело. Пламя утихало. Девушка потрясла головой, не веря собственным глазам, но огненная стена уже не пугала своей мощью. Все трое стояли в ряд, замороженные странной картиной. Наконец они увидели две фигуры.

Клэри и Джейс. Оба невредимы, и оба стоят на коленях, обнявшись. Потом Джейс встал на ноги и помог подняться Клэри. Изабель увидела яркий блеск его волос. Постояв немного, оба пошли по направлению к ним.

Изабель, Саймон и Алек бросились навстречу. Иззи опередила всех и с визгом повисла у Джейса на шее. Он обнял ее и пожал руку Алеку. Изабель ощутила прохладу – почти холод – его кожи и почему-то не удивилась этому. Не удивилась она и тому, что земля, расстилавшаяся перед ними, казалось, совсем не пострадала от бушевавшего несколько минут назад пожара.

Девушка повернула голову и увидела, что Саймон обнимает Клэри. Ее это нисколько не задело: Саймон обнимал Клэри так, как и она Джейса, – по-дружески. Она улыбнулась Клэри, и та ответила ей такой же радостной, открытой улыбкой. К Клэри подошел Алек и тоже обнял ее, а Саймон и Джейс испытующе взглянули друг на друга. Вдруг Саймон улыбнулся – той самой внезапной, подкупающей улыбкой, которую так любила Изабель, – и протянул руку Джейсу.

Но Джейс покачал головой:

– Я не буду тебя обнимать.

Саймон вздохнул:

– Спасибо за честность. Я бы не возражал, если бы ты захотел меня обнять, но... это были бы дежурные объятия.

Джейс повернулся к Клэри.

– Слышала? – спросил он. – *Дежурные объятия.*

– Полагаю, нас всех переполняет радость оттого, что ты выжил, но было бы интересно узнать, что произошло, – произнес Алек. – Этот огонь... На тебя напали демоны?

Джейс ответил не сразу:

– Да. Демон принял вид женщины, которую я... обидел, когда был в одной связке с Себастьяном. Это до того разозлило меня, что я потерял контроль над Небесным огнем. И если бы не Клэри... Клэри помогла мне усмирить его.

– Только и всего? Вы оба в порядке? – недоверчиво спросила Изабель. – Мне показалось... Вообще-то я подумала, что это Себастьян. Что он явился в эту пустыню, что ты пытался его сжечь и... поджег себя.

– Это твои фантазии, Иззи. – Джейс нежно коснулся лица девушки. – Теперь огонь под контролем. Я знаю, как надо и как *не надо* им пользоваться. Как управлять им.

– Управлять? Как? – изумился Алек.

Взгляд Джейса упал на Клэри, глаза его потемнели, будто на них опустилась шторка.

– Я не буду объяснять. Просто поверьте мне.

– Просто поверить тебе? – усмехнулся Саймон.

– А что тебя смущает? – спросил Джейс.

– Я... – Саймон взглянул на Изабель, которая, кажется, готова была убить его. – Да нет, ничего. Все нормально, Джейс.

– А по мне, было бы неплохо, если бы ты ввел нас в курс дела раньше, чем вспыхнет следующий пожар. Ну, чуть-чуть раньше, – сказала девушка. – Мне бы хотелось подготовиться.

Ее глаза встретились с глазами Джейса, и тот рассмеялся.

* * *

Консулу.

Дивный народец – не ваш союзник. Они ненавидят нефилимов. Они были заодно с Себастьяном Моргенштерном и вместе с ним напали на Институты. Не верьте рыцарю Мелиорну и другим советникам Королевы фей. Королева – ваш враг. Не надо отвечать на это послание. Гуин убьет меня, если догадается, что я вам написал.

Марк Блэкторн

Джия Пенхоллоу взглянула поверх очков на Эмму и Джулиана; переминаясь с ноги на ногу, ребята стояли перед ней в домашней библиотеке. За спиной Джии было большое окно, сквозь которое открывался роскошный вид на Аликанте.

Джия снова перечитала письмо, которое они ей принесли. Кто-то с почти дьявольской хитростью и с не меньшей ловкостью вложил его в желудь.

– Ваш брат еще что-нибудь написал? Может быть, лично вам?

– Нет. – В голосе Джулиана прозвучала обида, и Джия поверила ему.

– Боюсь, члены Совета решат, что это подделка...

– Это почерк Марка, – заверил Джулиан. – И то, как он подписал... – Он указал на знак в конце страницы: отчетливый отпечаток терна, сделанный как будто красно-коричневыми чернилами. – Для этого он опустил фамильное кольцо в кровь, – пояснил мальчик. – Он однажды показал мне, как это делается. Фамильным кольцом Блэкторнов не может владеть никто из посторонних, и никто не знает, как поставить такую печать.

Джия перевела взгляд на печальное личико Эммы.

– С вами все в порядке? – спросила она, смягчив тон. – И да, самое главное. Вы знаете, кто такой Гуин?

– Да, – ответил Джулиан. – Гуин командует Дикой охотой. Дикие охотники – это воины Королевы фей. Еще их называют Призрачными всадниками, Всадниками Гавриила... У них много имен. Говорят, в году бывает одна ночь, когда к ним может присоединиться любой из смертных, присоединиться по собственному желанию, но тот, кто становится Диким охотником, уже не возвращается.

– Добавлю, что Гуин ап Нудд – владыка Потустороннего мира, Собиратель мертвых, – кивнула Джия. – Формально он принадлежит к фейрам, но на самом деле он никому не подчиняется. Он не подписывал Соглашение, и, следовательно, Дикие охотники не признают наш Закон. Они вообще никаких законов не признают, понимаете? И если Гуин забрал твоего брата, то...

– Вы хотите сказать, что тогда его вернуть невозможно? – прошептала Эмма и увидела, как глаза Джулиана погасли. Ей захотелось отколошматить Консула пачкой аккуратно надписанных папок, лежавших на столе.

На глаза девочке попалась папка, надпись на которой светилась, как неоновая вывеска: КАРСТЕЙРЗЫ, ПОГИБЛИ. В этой папке были сведения о ее семье, о родителях, и она, чтобы не разрыдаться, больно прикусила себе губу.

– Не знаю... – вздохнула Джия. – Сейчас мы многого не знаем. – Ее голос почти срывался. – Потерять союзников в лице Дивного народца – это, конечно, жестокий удар. Из всех обитателей Нижнего мира они самые хитрые и самые опасные в качестве врагов... Подождите минуту, – сказала она и вышла из комнаты.

Несколько минут царила тишина, а потом Эмма услышала звук шагов и голос Патрика. Она улавливала отдельные слова... «судебный процесс», «смертельный» и «измена».

Джулиан, стоявший рядом с ней, напрягся; она тихонько положила руку ему на спину и написала пальцем между лопаток: Т-Ы-В-П-О-Р-Я-Д-К-Е?

Он качнул головой.

Эмма взглянула на папки, потом на дверь, потом на притихшего Джулиана и наконец решилась. Подбежала к столу и взяла ту, на которой была фамилия ее семьи. Вернувшись к Джулиану, она дернула край его рубашки и засунула папку под ремень джинсов. Едва она успела убедиться в том, что папка не выпирает, как дверь отворилась и появилась Джия.

– Не могли бы вы дать показания Совету? – Она посмотрела на Эмму, которая догадывалась, что покраснела, а затем перевела взгляд на Джулиана – тот стоял с невозмутимым видом.

– Никакого Меча смерти, – сказала Джия. – Просто расскажете, что вам известно.

– Мы дадим показания, если вы пообещаете, что сделаете все, чтобы вернуть Марка, – ответил Джулиан, и его глаза потемнели.

Джия кивнула:

– Обещаю, что Сумеречные охотники не покинут Марка Блэкторна, пока он жив.

Джулиан немного расслабил плечи:

– Тогда о'кей.

На фоне мрачного, затянутого облаками неба внезапно вырос лепесток пламени, и вскоре пламя лизало небо, прогоняя тьму. Люк, стоявший у окна, отпрянул от неожиданности.

– Что это? – спросил Рафаэль, поворачиваясь к Магнусу. Магнус, казалось, спал; он выглядел больным или, по крайней мере, очень усталым.

– Понятия не имею, – ответил Люк; он так и не смог побороть в себе недоверие к вампиру. Рафаэль представлялся ему кем-то вроде Локи, скандинавского божества, творящего то добро, то зло, в зависимости от своих интересов. Бога хитрости и обмана, короче говоря, хотя в Рафаэле, конечно, не было ничего божественного.

Рафаэль прошептал что-то по-испански и зашагал по камере. В его темных глазах отражалось красно-золотое пламя, и, надо думать, вид пламени причинял ему боль.

– Работа Себастьяна, как думаешь? – спросил его Люк.

– Нет. – Рафаэль смотрел отрешенно, и Люк подумал, что этот молодой вампир на самом деле старше его родителей. – В этом огне есть что-то особое. Священное? Не знаю... То, что делает Себастьян, – это от демона. Но мне кажется, этот огонь напоминает явление Господа странствующим в пустыне. *«Господь же шел пред ними днем в столпе облачном, показывая им путь, а ночью в столпе огненном, светя им, дабы идти им и днем и ночью»*^[2].

Люк удивленно поднял брови.

Рафаэль пожал плечами:

– Меня воспитывали в католическом благочестии. – Он склонил голову. – Что бы это ни было, думаю, нашему другу Себастьяну это не очень-то понравилось бы.

– Может быть, ты еще что-нибудь видишь? – спросил Люк; он знал, что зрение вампиров

обладает большей остротой, чем прозорливость оборотней.

– Пламя режет глаза, но... кажется, развалины... Город? – Рафаэль в отчаянии помотал головой.

– Ого, кажется, огонь затухает, – вскрикнул Люк.

С пола донесся тихий шепот, и Люк посмотрел на Магнуса. Колдун повернулся на бок и сложил руки на животе, словно он у него болел.

– Говоря о затухании... – Магнус замолк и застонал.

Рафаэль прекратил свой бег по камере и сел рядом с Магнусом.

– Ты должен сказать нам, колдун, можем ли мы что-то сделать для тебя. Я еще не видел тебя таким больным.

– Рафаэль... – Магнус провел рукой по своим мокрым от пота черным волосам; цепь загремела. – Это мой отец... Это его царство... Ну, одно из его владений.

– *Твой отец?*

– Он – демон, – вздохнул Магнус. – Не велика неожиданность, да? Но не ждите иных сведений, я больше ничего не скажу.

– Прекрасно, но почему пребывание, хм, в отчем доме оборачивается для тебя болезнью?

– Отец... он хочет, чтобы я позвал его. – Магнус приподнялся на локтях. – Я не могу творить магию в этом царстве, поэтому и защититься не могу. А отец... он может навлечь на меня болезнь или исцелить. Он выбрал болезнь, потому что думает, что, коль скоро я оказался в отчаянном положении, я позову его на помощь.

– И ты позовешь? – спросил Люк.

Магнус покачал головой и вздрогнул:

– Нет. Не стоит. Но хочу, чтобы вы знали: с моим отцом *всегда* так.

Люк напрягся. Они с Магнусом не были близки, но колдун ему всегда нравился, он уважал его. Уважал Магнуса, уважал Катарину Лосс, Рагнора Фелла и прочих магов, помогавших Сумеречным охотникам в трудную минуту. Нотки отчаяния в голосе Магнуса, выражение его глаз ему не нравились.

– Не хочешь? А если речь идет о твоей жизни? – сказал он.

Магнус устало посмотрел на Люка и промолчал.

– Я... – снова начал Люк, но Рафаэль предупреждающе помотал головой. Он сидел рядом с Магнусом, обхватив руками колени. На его висках и горле проступили темные вены – признак того, что он давно не ел.

Ну и компания собралась, подумал Люк, – оголодавший вампир, умирающий маг и оборотень, который не в силах что-либо сделать.

– Ты ничего не знаешь о его отце, – сказал Рафаэль, обращаясь к Люку; Магнус лежал с закрытыми глазами и тяжело дышал.

– А ты? Ты знаешь?

– Чтобы выяснить это, я однажды выложил кругленькую сумму.

– Зачем? Какой тебе от этого прок?

– Тот, кто владеет информацией, владеет миром, говаривал Натан Ротшильд, а этому парню можно было доверять, раз он скотил такое состояние, – усмехнулся Рафаэль. – Вдруг понадобится. Магнус знал мою мать, и было бы справедливо, чтобы я знал его отца. Однажды Магнус спас мне жизнь... Когда я превратился в вампира, мне хотелось умереть. Я подумал, что я проклят. Он не дал мне броситься в круг солнечного света... Магнус научил меня, как произносить имя Бога, как носить крест. Он одарил меня терпением и тем самым примирил с моей участью.

– Значит, ты его должник, – промолвил Люк.

Рафаэль сбросил с себя куртку и сунул Магнусу под голову. Магнус пошевелился, но глаз не открыл.

– Можешь думать, что хочешь, – заявил Рафаэль. – Но я не выдам его секретов.

– Ответь мне только на один вопрос. – Люк все так же стоял, прислонившись к холодной каменной стене. – Отец Магнуса мог бы помочь нам?

Рафаэль засмеялся, но смех его был безрадостным.

– Ну ты и загнул, оборотень, – сказал он. – Продолжай смотреть в свое окно и, если можешь, молиться, помолись о том, чтобы отец Магнуса *не захотел* помочь нам. Понимаю, ты не доверяешь мне, но хотя бы поверь на слово.

– Ты только что съел *три* пиццы? – Лили смотрела на Бэта со смешанным выражением отвращения и восхищения.

– Четыре. – Бэт положил пустую коробку из-под пиццы поверх остальных и блаженно улынулся.

Майя вдруг ощутила вспышку благодарности к этому парню. Она особо не рассчитывала на Бэта, планируя встречу с Морин, но он ни разу не пожаловался и делал все как надо. Он согласился сесть за стол переговоров вместе с ней и Лили, хотя она знала, что Бэту не очень-то нравились вампиры.

И он приберег для нее пиццу с одним только сыром, потому что был в курсе, что ей другие не нравятся. Она ела уже второй кусок, а Лили, примостившись на краешке стола в полицейском участке, курила длинную сигарету (глядя на нее, Майя подумала, что рак легких не грозит тем, кто уже мертв). Лили сама предложила устранить Морин, и ее план был разыгран как по нотам, но все же то, что произошло, до сих пор вызывало у Майи дрожь.

– Знаешь, – Лили осмотрелась и скрестила изящные ножки в кожаных ботинках, – должна сказать, что я ожидала большего... Не такой переговорный пункт. – Она поморщилась.

Майя вздохнула. В их штаб-квартире было полно оборотней и вампиров; наверное, впервые они собрались вместе в таком количестве. Везде лежали распечатки – оказывается, вампиры накопили в своих компах массу полезной информации об обитателях Нижнего мира, и теперь она могла пригодиться. Две девушки в углу рассылали электронные письма главам кланов и стай, а также магам, каких могли отследить.

Майя сама весь день звонила, писала письма и отправляла эсэмэски и теперь чувствовала себя уставшей. В отличие от вампиров она предпочитала спать по ночам.

– Могу представить, что сделает с нами Себастьян Моргенштерн, если победит... – Лили скорчила унылую гримасу. – Сомневаюсь, что он простит тех, кто работал против него.

– Да тут и к гадалкам ходить не надо – он нас убьет, – усмехнулась Майя. – Но мы должны его оставить. Он хочет дотла сжечь весь мир. *Весь мир*, включая вампиров, оборотней и прочих. Думаю, он устранит и кое-кого из своих союзников.

– Говоришь, хочет сжечь? – Лили выдохнула дым. – Учитывая наше отношение к огню, это будет ужасно.

– Но ведь ты не изменишь своего решения? – Майя в упор посмотрела на девушку. – Ты выступишь с нами против Себастьяна?

– Скажи, а ты когда-нибудь слышала выражение: «Кот из дома – мыши в пляс»? – вместо ответа спросила та.

– Разумеется. – Майя взглянула на Бэта, что-то пробормотавшего по-испански.

– Сумеречные охотники веками были уверены в том, что им принадлежит пальма первенства. Они не сомневаются, что мы последуем за ними, – продолжила Лили. – Теперь, когда прогремел гром, они решили укрыться в Идрисе. О нет, никакого укора, – сказала она,

поймав удивленный взгляд Майи. – Я понимаю, что им надо разработать стратегию и собрать силы. Но мы... Нам хотелось бы получить некоторые преимущества в их отсутствие.

– Возможность нападать на людей? – спросил Бэт, сворачивая вдвое кусок пиццы.

– Вампиры не хуже других, – холодно произнесла Лили. – Феи любят дразнить и мучить людей, и для них лучшая забава – украсть человеческое дитё. Маги торгуют своими услугами, и я бы назвала их...

– Проститутками? – Все оглянулись на голос; в дверях стоял Малькольм Фейд, смахивая хлопья белого снега с седых волос. – Ведь вы именно это собирались сказать?

– Нет... – Лили явно пришла в замешательство.

– О, можете говорить что угодно, мне все равно, – весело произнес Малькольм. – И я ничего не имею против проституции. Напротив, я считаю, что благодаря ей развивается цивилизация. – Он снял пальто. На нем был простой черный костюм с залоснившимися локтями; в колдуне не было ничего от шика Магнуса. – И как только люди выносят снег? – сказал он, разглядывая свои явно промокшие ботинки.

– «Люди»? – огрызнулся Бэт. – Хотите сказать «оборотни»?

– Хочу сказать «обитатели Восточного побережья», – ответил Малькольм. – Ужасная погода, да? То снег, то дождь. У нас в Лос-Анджелесе все по-другому. У нас...

– Может быть, перейдем к делу? – перебила его Майя. – Лили, если все, что тебя волнует, это то, что Сумеречные охотники ополчатся на нежить, если кто-то из нас смошенничает, то ты зайдешь в тупик. Соглашение действует, и его никто не отменял. Соблюдая его, мы избежим хаоса за пределами Идриса и тем самым увеличим шансы на победу в сражении с Себастьяном. Сражении, которое...

– Катарина! – вдруг воскликнул Малькольм, как будто вспомнив нечто приятное. – Чуть не забыл, почему я заглянул сюда. Катарина просила меня срочно связаться с вами. Она в морге госпиталя Бет-Изрэйл, и она просила вас прибыть как можно быстрее. О, и она просила привезти клетку.

Один из кирпичей в стене у окна качался. Джослин проводила время, пытаясь с помощью металлической заколки выковырнуть его. Ей хватало ума, чтобы не думать, что она сможет выбраться сквозь образовавшуюся дыру, но она надеялась, что, добыв кирпич, получит оружие, – нечто, чем можно запустить в голову Себастьяна.

Если бы она могла заставить себя сделать это. Если бы не колебалась!

Она снова вспомнила маленького Джонатана. Держа его на руках, она понимала, что с ним творится что-то не то, что-то страшное и непоправимое, но не могла ничего поделать. Где-то в дальнем уголке своего сердца она продолжала верить, что его еще можно спасти.

Дверь загремела, и она вернула заколку на подходящее ей место. Это была заколка Клэри; Джослин взяла ее, когда ей понадобилось заколоть волосы, чтобы не испачкать краской. И не вернула на место. Теперь заколка напоминала о дочери, и Джослин часто держала ее в руках, чтобы почувствовать связь с Клэри.

Дверь открылась, и вошел Себастьян.

На нем была белая трикотажная рубашка, и в ней он напомнил своего отца – Валентин любил белую одежду. Но если Валентину шел белый цвет, то Себастьяна он убивал, делал еще более бледным и совсем уж непохожим на человека. Глаза казались черными точками на белой бумаге. Он улыбнулся ей:

– Мама.

Джослин сложила руки на груди.

– Зачем ты пришел, Джонатан?

Продолжая улыбаться, он покачал головой и вынул из-за пояса стилет:

– Еще раз так меня назовешь, я выколю тебе глаза.

Джослин промолчала. *О, мое дитя.* Она вспомнила, что младенцем он не плакал. Никогда.

– Ты с этим ко мне явился?

Он пожал плечами и окинул комнату скучающим взглядом:

– Пойдем, я тебе кое-что покажу.

Она вышла вместе с ним, испытывая чувство облегчения. Она ненавидела свою камеру и, конечно, хотела узнать, где ее держат.

Коридор был каменный. Большие блоки известняка, скрепленные цементом. Пол гладкий, исхоженный множеством ног. И запах пыли, как в давно заброшенных помещениях, где не то что годами – веками никто не появлялся.

В коридор выходили двери, не так много. Джослин почувствовала, как забилося ее сердце. За любой из этих дверей мог находиться Люк. Она с трудом подавила желание броситься к какой-нибудь из них и заколотить изо всех сил, но Себастьян все так же держал в руке стилет, и она ни минуты не сомневалась, что он пустит его в действие.

Коридор начал изгибаться, и Себастьян вдруг нарушил молчание:

– А что, если бы я сказал тебе, что люблю тебя?

Джослин от неожиданности споткнулась.

– Полагаю, – осторожно ответила она, – я сказала бы, что ты не можешь любить меня больше, чем я любила тебя.

Они подошли к двустворчатой двери и остановились.

– А ты не притворяешься?

– Нет, – покачала головой Джослин. – Тебя изменила кровь демона, но в тебе есть и моя частица.

Не отвечая, Себастьян толкнул плечом одну из створок и вошел внутрь. Следом вошла Джослин... и замерла.

Перед ней был большой полукруглый зал с мраморным полом. На подиуме стояли два трона, иначе и не скажешь. Один из слоновой кости, другой – золотой; у каждого закругленная спинка, и к каждому ведут шесть ступенек. На стене за тронами два пустых черных экрана. Что-то очень знакомое было в этом зале, но что именно – Джослин никак не могла понять.

Себастьян поднялся на подиум и кивком пригласил ее. На его лице читалось выражение торжествующего злорадства. Такое же выражение она видела на лице Валентина, когда тот смотрел на Чашу смерти.

– *Он будет велик, – начал Себастьян, – И будет царствовать над Адом вовеки, и Царству его не будет конца*^[3].

– Не понимаю. – Голос Джослин казался безжизненным даже ей самой. – Ты хочешь править этим миром? Миром демонов, миром распада? Ты хочешь повелевать трупами?

Себастьян засмеялся. Это был смех Валентина – такой же грубый.

– О, нет, – промолвил он. – Ты совершенно меня не понимаешь. – Он сделал быстрое движение пальцами (так же в свое время делал Валентин, когда научился магии), и вдруг экраны засветились.

На одном был выжженный пейзаж: искореженные деревья и опаленная земля, над которой кружили крылатые чудовища. Джослин увидела темные фигуры, стоявшие на некотором расстоянии друг от друга, и поняла, что это были Помраченные – они сторожили этот мертвый мир.

Другой экран показал Аликанте, город мирно спал в лунном свете. Звездное небо, блеск воды в каналах... Джослин вдруг осенило, почему этот зал показался ей знакомым. Здесь не

было взбиравшихся к потолку скамеек, а вместо огромных окон вот эти экраны, но все же зал почти в точности повторял Зал Совета в Гарде.

– Моя крепость имеет входы в оба мира, которые ты видишь, – самодовольно заявил Себастьян. – *Твой мир скоро падет. Я мечтаю об этом днем и ночью. Пока еще не знаю, будет ли схватка быстрой или придется брать измором, но я все равно одержу победу.* – Его глаза лихорадочно блестели. – Представь, каких высот я достигну: я буду властвовать над всеми, включая людей! – Он повернулся к ней: – Ну! Скажи мне теперь, мама, что это во мне от тебя.

У Джослин загудело в голове.

– Тут два трона, – прошептала она.

Небольшая складка пролегла у него между бровями.

– Что?

– Тут два трона, – повторила она. – Я не дура, поняла, кого ты хочешь посадить рядом с собой. Тебе нужна *она*; ты хочешь, чтобы она была здесь. Твой триумф – ничто, если она его не увидит. И эта... эта потребность в любви... это *точно* от меня.

Себастьян так сильно закусил губу, что из нее брызнула кровь.

– Слабость, – произнес он, дрогнувшим голосом. – Это слабость.

– Это человечность, – поправила Джослин. – Но неужели ты думаешь, что Клэри захочет сидеть здесь рядом с тобой?

На миг ей показалось, что что-то промелькнуло в его глазах, но через мгновение в них снова был черный лед.

– Лучше было бы, если б захотела, но я просто приведу ее сюда. Мне не важно, захочет ли она.

Как будто что-то взорвалось в мозгу Джослин. Она бросилась вперед и попыталась выхватить стилет из его руки; он отступил, уклоняясь, а затем быстрым движением сбил ее с ног. Она упала на пол и съежилась. Через мгновение рука Себастьяна схватила ее за волосы и поставила на ноги.

– Глупая сука, – зарычал он и отвесил ей пощечину. – Думаешь, ты оскорбила меня? Да твое проклятие делает меня только сильнее.

Джослин рванулась:

– *Отпусти!*

Экран, на котором была пустыня, вдруг озарился огнем; Себастьян отпрянул, на его лице выразилось удивление. Слепящий золотой столб вздымался к самому небу. Помраченные забежали, словно муравьи.

Джослин не смогла сдержать улыбку. Впервые с тех пор, как она оказалась в этом мире, в ее сердце зародилась надежда.

– Небесный огонь, – прошептала она.

– Да!

Джослин посмотрела на Себастьяна с ужасом, она думала, что он испугается, а он, кажется, радуется.

– *«Вот закон всесожжения: всесожжение пусть остается на месте сжигания на жертвеннике всю ночь до утра, и огонь жертвенника пусть горит на нем»!*^[4] – воскликнул он и воздел обе руки, как будто хотел обнять огонь, полыхавший в мертвом мире. – Излей свой огонь на воздух пустыни, брат мой! – крикнул он. – Пусть он вольется в пески, словно кровь или вода, и не останавливайся... не останавливайся на пути своем, пока мы не сойдемся лицом к лицу.

5. Другой Гард

Когда Клэри, выбившись из сил, поднялась на вершину очередной дюны, она подумала, что Руна выносливости, конечно, хороша, но все же не идет ни в какое сравнение с чашечкой кофе. Она была почти уверена в том, что могла бы провести еще один день на ногах, утопая по щиколотки в горах пепла, если бы по ее жилам бежал сладкий кофеин...

– Похоже, ты думаешь о том же, о чем и я? – спросил Саймон, пристраиваясь к ней. Он просунул большие пальцы рук под лямки своего рюкзака и выглядел таким же изможденным, как и остальные. После истории с Небесным огнем они никак не могли прийти в себя и спали урывками. Джейс, казалось, держался только на адреналине, да еще благодаря путеводному браслету на руке; добавить к этому, что ему настолько не терпелось встретиться с Себастьяном, что иногда он убегал вперед, забывая подождать остальных, и спутникам приходилось окликать его.

– Наверняка ты думаешь, что добрая порция латте из «Мад-Трак» сделала бы сейчас жизнь веселее? – развил свою мысль Саймон. – И знаешь, есть хорошее местечко недалеко от Юнион-сквер, там специально для вампиров в кофе добавляют немного крови. Не слишком сладко, не слишком солоно.

Клэри остановилась; сухая ветка, торчавшая из земли, запуталась у нее в шнурках.

– Саймон, если ты помнишь, мы договаривались о том, чтобы не делиться подробностями.

– А Изабель нравится, когда я говорю о вампирах.

Клэри вынула меч и поддела ветку острием.

– Изабель – твоя девушка, – сказала она. – Она *должна* слушать тебя.

– Правда? – удивился Саймон.

Клэри покрутила пальцем у виска и начала спускаться с холма. В воздухе все еще чувствовался запах гари, небо было желтовато-зеленым. Она увидела, что Алек и Изабель стоят рядом с Джейсом у подножия; Джейс трогал браслет у себя на руке и осматривался.

Девушка махнула им рукой и вдруг заметила впереди какое-то свечение. Она вынула стилус и наскоро нанесла на руку Руна дальноточности. Не сказать, чтобы руна очень уж помогла, но свечение стало сильнее.

– Саймон, ты видишь это?

Он проследил за направлением ее взгляда:

– А... Так я еще вчера говорил. Сейчас не могу сказать ничего конкретного, а вчера мне показалось, будто я вижу большой город.

– Клэри! – На них смотрел Джейс. Лицо его было бледным, скулы обострились. – Что там у вас?

Она указала на горизонт:

– Там что-то есть. Саймон склоняется к тому, что это город.

Джейс кивнул и быстро зашагал в указанном направлении. Изабель и Алек переглянулись и отправились за ним. Клэри с Саймоном рванули вниз, скользя по осыпающемуся склону. Клэри не впервые оценила свою униформу: обычные джинсы не выдержали бы такого испытания.

Догнать друзей оказалось нелегко, так как они, все трое, уже бежали, перебираясь через валуны и ручейки расплавленного шлака.

Поторапливая Саймона, Клэри прибавила ходу, вскарабкалась на небольшой холм и остановилась отдышаться. Но то, что она увидела, заставило ее чуть ли не кубарем скатиться вниз. Джейс, Алек и Изабель стояли на краю огромного обрыва, напоминающего обрыв Большого каньона. В тусклом сине-зеленом свете все трое молчали. Клэри с Саймоном

присоединились к ним и открыли рты от изумления. Внизу был город, вернее, руины города. Груды камней – вот и все, что осталось от домов, улицы покрывал пепел. По периметру стояли разбитые башни из сияющего светлого камня, до сих пор сохранившие красоту.

– Башни демонов, – прошептала Клэри.

Джейс мрачно кивнул.

– Не знаю, откуда мне это известно, – промолвил он, – но... это Аликанте.

– Прискорбно, когда такая ответственность ложится на плечи столь юных, – произнес брат Захария, когда дверь Зала Совета закрылась за Эммой Карстейрз и Джулианом Блэкторном. Алина и Хелен ушли вместе с ними, чтобы проводить до дома. К концу допроса дети едва ли не падали от усталости.

В зале остались Джия и Патрик Пенхоллоу, Мариза и Роберт Лайтвуды, Кадир Сафар, Диана Рэйбёрн, Томас Розалес, несколько Безмолвных братьев и главы Институтов.

Захария стоял у кафедры Джии, и в его глазах читалась глубокая печаль.

– Да, они потеряли близких, – вздохнула Джия. – Но мы – Сумеречные охотники, многим из нас пришлось пережить потери в юном возрасте.

– У них есть Хелен, есть дядя, – заметил Патрик, подошедший к ним. – О них есть кому позаботиться, а Эмма Карстейрз, похоже, считает Блэкторнов своей семьей.

– Попечители часто не приходятся нам родственниками, – промолвил Захария. – Так было и со мной. И я знаю, что они способны согреть сердце любовью. Самое главное, чтобы эта девочка, Эмма, не расставалась с Блэкторнами, с Джулианом.

Джия кивнула и подумала о Хелен. В глубине души ей не нравилась связь ее дочери с полукровкой; Хелен была наполовину феей, а все знают, что этим созданиям нельзя доверять. К тому же они с мужем были ошарашены тем, что у Алины оказалась «неправильная» ориентация, что она вообще выбрала девочку, – неужели теперь ветвь Пенхоллоу угаснет? А если Алина одумается, а если Хелен бросит ее? В любом случае это будет трагедией для ее дочери.

– Так ты полагаешь, что предательство фейров очевидно? – обратился к Джии Кадир.

– Да, – ответила она. – Это многое объясняет. Например, похищение Магнуса, Люка Гэрроуэя и Рафаэля. И то, что Себастьяну удалось спрятать от нас отряды в Адамантовой цитадели. И то, почему он пощадил Марка Блэкторна... думаю, из уважения к союзу с фейрами. Завтра я встречусь с Королевой фей и...

– Со всем должным уважением, – сказал Захария. – Но на самом деле я не думаю, что тебе следует с ней встречаться.

– Почему? – спросил Патрик.

«Потому что теперь мы знаем о предательстве, а Королева фей думает, что мы по-прежнему в неведении, – беззвучно сказал брат Енох. – В войне важны не только преимущества силы, но и преимущества знания. Мы можем воспользоваться ими».

Джия покачала головой и вынула из кармана сложенный вчетверо лист бумаги.

– Всё гораздо хуже, чем вы думаете, – сказала она. – Пришло сообщение из Спирального лабиринта... – Она передала записку Захарии.

Он развернул лист и застыл на месте, потом провел пальцем по бумаге. У Джии сжалось сердце. Она догадалась, что привело его в такое волнение. Подпись. *Тереза Грей.*

– Тесса пишет, – наконец произнес он и прокашлялся; голос его чуть заметно дрожал, – Тесса пишет, что маги Спирального лабиринта исследовали тело Амальрика Кригсмессера. Его сердце сморщилось, а все органы высохли. Она пишет, что, к сожалению, сделать ничего нельзя. Черная магия позволяет телам Помраченных двигаться, но души ушли навсегда.

– Их силы питает Чаша ада, – голос Джии дрожал, – но они мертвы.

– Если бы Чашу ада можно было уничтожить... – задумчиво произнесла Диана.

– Да, тогда бы Помраченным пришел конец, – кивнула Джия. – Но Чаша не у нас, она у Себастьяна.

– Окончательно убить... это, пожалуй, неправильно, – сказал Томас. – Ведь они Сумеречные охотники, наши братья.

– Нет, – твердо произнес Захария. – Себастьян на это и рассчитывает – на то, что мы думаем о них как о Сумеречных охотниках. Он рассчитывает на то, что мы неспособны убить тех, у кого лица наших близких.

– На наше милосердие, – кивнул Кадир.

– Не знаю, что чувствуют Помраченные, скорее всего ничего, но я на месте любого из них хотел бы избавиться от этой муки, – сказал Захария. – Это и есть милосердие – дать им возможность умереть.

– Выходит, мы должны попросить, чтобы Спиральный лабиринт прекратил свои исследования, сдался? – спросила Диана.

– Они и так уже прекратили. Ты что, не поняла, о чем написала Тереза? – удивился Захария. – Найти способ излечения не всегда удастся. Когда-нибудь – может быть, но мы не можем питаться надеждами. Помраченных жаль – в том смысле, что они умерли. В какой-то степени можно даже считать, что они стали жертвами той битвы, в которой участвуем все мы, – жертвами битвы со злом, но мы, Сумеречные охотники, должны продолжить эту битву. Мы должны сражаться, это и есть наше предназначение.

– Но как нам победить Себастьяна? Ведь сражаться теперь придется не только с ним, но и с его союзниками, – воскликнул Томас. – Ты молод, и твой опыт...

– Мне сто сорок шесть лет, – улыбнулся Захария. – И это не первая война, в которой я принимаю участие. Думаю, мы сможем превратить предательство Дивного народца в преимущество. В этом нам поможет Спиральный лабиринт, и я знаю, каким образом.

Джейс оказался прав: разумеется, это была столица Идриса... за тем лишь исключением, что небо над городом было совсем другим.

В полном молчании они шли по хорошо знакомым им улицам. Стены, окружавшие город, были разрушены; ворота иссечены шрамами кислотного дождя. Пересохшие каналы заросли черным губчатым мхом.

Гард был скрыт плотным серым туманом, и пока трудно было сказать, что их ждет в сердце Аликанте.

Наконец они очутились на Площади Ангела. Клэри изумилась: как ни странно, площадь была цела; мощенная булыжником, она лежала перед ними в желтоватом свете. Уцелел и Зал Соглашений. Впрочем, он изменился. Вместо белого камня, как в их Аликанте, – обшивка из холодно поблескивающего металла; или им это только показалось?

– Не может быть, – наматывая бич на запястье, прошептала Изабель.

Они поднялись по золотым ступеням, засыпанным пеплом. Внутри вели огромные створчатые двери, украшенные квадратами кованой меди. На каждом квадрате что-то выгравировано, ниже шли надписи на незнакомом языке.

– Это история, – сказал Джейс, прикасаясь к одному из квадратов рукой в черной перчатке. Он посмотрел на Алека: – Можешь прочитать?

– Я что, полиглот? – буркнул Алек, но подошел поближе и стал разглядывать изображения. – Ну да, история. Смотрите. – Он указал на группу босоногих людей, испуганно жавшихся друг к другу; из разрыва между облаками к ним тянулась когтистая лапа. – Здесь жили люди. – Алек указал на фигуры. – Они жили мирно, но потом явились демоны. А потом... – Он показал на

другую панель, и Клэри вздрогнула, ей не надо было объяснять, что там изображено. Ангел Разиэль, выходящий из озера Лин с Орудиями смерти в руке.

– Явился Ангел, – прошептала она.

– Именно, – кивнула Изабель и спохватилась: – Как?.. Это *наш* Ангел? Наше озеро?

– Не знаю. Здесь говорится, что пришли демоны, и для противостояния с ними были созданы Сумеречные охотники, – продолжил Алек. Он ткнул пальцем в надпись. – Вот это слово означает «нефилим». Но Сумеречные охотники отказывались от помощи обитателей Нижнего мира, и тогда маги и фейры заняли сторону демонов. Нефилимы потерпели поражение и были уничтожены... Ага, здесь кое-что поинтереснее. Незадолго до гибели было создано оружие, способное отпугнуть демонов. – Он показал на панель с изображением женщины, которая держала в руках что-то вроде железного жезла с горящим камнем на конце. – У них не было клинков серафимов, и, похоже, у них не было ни Железных сестер, ни Безмолвных братьев. Зато были кузнецы, и они ковали какое-то оружие. Здесь написано *скептрон*, но это слово мне ни о чем не говорит. Во всяком случае, этих *скептронов* явно недоставало. – Он рассматривал следующую панель: разрушенный город, погибшие нефилимы; на переднем плане лежит женщина, жезл отлетел в сторону. – Демоны, здесь их называли *асмодеи*, вот это слово, раскололи солнце и наполнили землю пеплом. Они извлекли огонь из земли и уничтожили все живое.

– *Асмодеи*... – задумчиво произнесла Клэри. – Я слышала о них. Лилит... Лилит, которая дала свою кровь Себастьяну еще до его рождения... *Ребенок, в жилах которого течет капля моей крови, превзойдет силой Великих демонов Бездны, разделяющей миры. Он будет сильнее асмодеев*... Она так говорила...

Клэри встретила взглядом с Джейсом. Девушка знала, что он запомнил слова Лилит так же хорошо, как и она сама.

– Асмодеи – сыны Асмодея, Великого демона...

– Он что, сильнее Аббадона? – спросил Саймон. – Он ведь тоже Великий демон.

– Гораздо сильнее. Асмодей – один из владык ада... а всего их девять. *Фати*... Победить их сложно. Демоны могут уничтожить ангелов в битве. И могут переделать мир, – сказал Джейс.

– Да, я тоже слышал. Асмодеи – сильные демоны. Похоже, они и расправились с этим миром. – В голосе Алека прозвучала досада. – Это не Зал Соглашений. Это гробница. Гробница жизни этого мира.

– Но это не *наш* мир? – раздался голос Изабель.

– Нет, – ответил Джейс. – Это зеркальное измерение нашего мира. История здесь развивалась несколько иначе. – Он засунул большие пальцы за пояс и огляделся. – Мир без Сумеречных охотников.

– Словно *Планета обезьян*, – сказал Саймон. – Только там было будущее.

– Да, но это тоже может стать нашим будущим. – Джейс прикоснулся к панели с изображением женщины, державшей жезл, нахмурился и навалился на створку.

Дверь со скрежетом приоткрылась. Клэри вздрогнула. Вынув меч, Джейс осторожно заглянул внутрь. Перед ним находился зал, залитый неярким светом.

– Подождите меня здесь, – сказал он и скрылся за створкой.

Его друзья переглянулись и, не раздумывая, двинулись за ним.

Зал казался знакомым и незнакомым. Побитый, в трещинах мраморный пол. Во многих местах застаревшие пятна крови. Крыша, которая в *настоящем* Аликанте была стеклянной, отсутствовала – торчали лишь опоры, выделявшиеся на фоне желто-серого неба. В центре зала – статуя. Джейс, стоявший напротив нее, повернулся.

– Я велел вам подождать, – прошипел он. – Вы когда-нибудь будете слушаться?

– Ты тут не главный, – парировал Алек и опустил лук, который держал наготове, как только вошел в зал. Он немного успокоился. Было ясно, что демоны не прячутся по углам. – И знаешь, мы сами способны защитить себя.

Изабель шикнула на них и, подойдя ближе к статуе, запрокинула голову.

Воин в кольчуге из соединенных между собой каменных кружков, украшавших грудь рисунком крыльев ангела. В руке – жезл, вероятно, это и был *скептрон*, изделие здешних оружейников; по древку вился металлический орнамент, наверху – красный драгоценный камень.

Красивое лицо, мощная челюсть, устремленный вдаль взгляд. Но было и еще что-то: какая-то жесткость в выражении лица, эгоизм, проявлявшийся в хищном изгибе губ.

– ДЖОНАТАН, СУМЕРЕЧНЫЙ ОХОТНИК, ПЕРВЫЙ ИЗ НЕФИЛИМОВ, – скорее догадалась, чем прочитала Клэри надпись на цоколе.

– Это его гробница, – предположила Изабель.

Алек присел. Внизу было написано еще что-то:

«Кто побеждает и соблюдает дела мои до конца, тому дам власть над язычниками, и будет пасти их жезлом железным, и дам ему звезду утреннюю»^[5].

– Что бы это значило? – спросил Саймон.

– Думаю, Джонатан Сумеречный Охотник обнаглел, – ответил Алек. – Присваивает себе чужую власть. Кажется, он решил, что этот *скептрон* дал ему власть над всем миром.

– *И дам ему звезду утреннюю*, – повторила Клэри. – А «Моргенштерн» и означает «утренняя звезда».

– «Утренняя звезда» несет в себе много смыслов, – сказал Алек. – «Самая яркая звезда на небе», «Небесный огонь», «Огонь ангелов, нисходящих с Небес». Имя демона Люцифера тоже переводится как «утренняя звезда». – Он поднялся.

– В любом случае, в его руках настоящее оружие, – заверил Джейс. – Посмотрите, отметины на рукояти. С ним участвовали в сражениях.

Изабель прикоснулась к подвеске у себя на шее:

– Камень... Кажется, такой же, как у меня.

Джейс кивнул:

– Да, думаю, камень тот же. – Клэри уже знала, что он скажет дальше. – Я возьму это оружие себе.

– Но оно неотделимо от статуи, – возразил Алек.

– Нет, – помотал головой Джейс. – Смотрите, оно вложено в руку статуи. Похоже, его можно изъять.

– Не уверена, что это правильно... – начала Клэри, но Джейс уже поставил ногу на цоколь, собираясь залезть. В глазах появился блеск, который так любила и которого так боялась Клэри, взгляд, говоривший: *я делаю то, что хочу, и пропади всё пропадом*.

– погоди! – Саймон бросился, чтобы не дать Джейсу забраться выше. – Простите, но кто-нибудь еще понимает, что происходит?

– Нет, мы тупые, – отмахнулся от него Джейс. – Что ты вечно путаешься под ногами!

– Я был во многих походах... – сказал Саймон.

– Походах?.. Саймон, ты чего? – округлила глаза Изабель.

– Он имеет в виду компьютерные игры «Донжоны и Драконы», – пояснила Клэри.

– *Компьютерные игры?* – усмехнулся Алек. – Саймон, ты что, не заметил, что здесь не игра?

– Неважно, – ответил Саймон. – Дело в том, что, когда в игре ты выходишь на кучу сокровищ или еще на какую-нибудь штучку, скажем на волшебный золотой череп, *их нельзя брать*. Это

всегда ловушка!

Джейс задумчиво посмотрел на Саймона, как будто никогда прежде его не видел или, по крайней мере, никогда не думал о нем всерьез.

– Подойди, – попросил он.

Саймон подошел ближе:

– Что... ооой!

Джейс бросил свой меч в руки парня.

– Подержи, пока я заберусь. – И Джейс снова ступил на цоколь, а потом подтянулся и стал карабкаться на статую. Он добрался до середины, где резная кольчуга позволяла опираться ногами, и, еще подтянувшись, ухватился рукой за рукоять *скептрона*.

Возможно, это была игра воображения, но Клэри показалось, что рот статуи искривился в еще более злобной гримасе. Внезапно красный камень вспыхнул; Джейс отпрянул, но зал уже взорвался оглушительными криками, которым не было конца, и пронзительным воем сирены.

– Джейс! – Клэри бросилась к статуе, но парень уже спрыгнул на землю.

Камень разгорался, окрашивая зал в кровавый цвет.

– Проклятие! – громко крикнул Джейс. – *Терпеть не могу*, когда Саймон прав.

Со свирепым взглядом Саймон сунул Джейсу его меч; Джейс взял его, окидывая взглядом всё вокруг. Алек вскинул лук; Изабель стояла наготове с бичом; Клэри вынула из-за пояса клинок серафима.

– Лучше бы нам убраться отсюда! – крикнул Алек. – Будет только...

Изабель вскрикнула и приложила руку к груди. Красный камень подвески начал медленно и ровно вспыхивать, как будто билось сердце.

– Демоны! – крикнула она, и в ту же минуту в проеме над залом показались крылатые чудовища.

Именно *чудовища*: похожие на бледных гусениц, с рядами присосок вдоль туловища; вместо морд – огромные розовые пасти с акульими зубами. Каждое крыло заканчивалось острым, как кинжал, когтем. Их было множество.

Побледнел даже Джейс.

– Именем Ангела... бежим!

Они побежали, но чудовища оказались проворными. Издавая омерзительные хлюпающие звуки, они окружили их со всех сторон. Клэри показалось, что с неба посыпались какие-то жеванные бумажные шарики. Свет, исходящий из *скептрона*, с появлением шариков исчез, и теперь зал освещался желтоватым мерцанием неба.

– Клэри! – крикнул Джейс, увидев, что к ней направляется одно из чудовищ, разинув круглую пасть, из которой текли гнойные желтые слюни.

Бум. В свод пасти вонзилась стрела. Чудовище отпрянуло, изрыгнув иخور. Краем глаза Клэри увидела, как Алек схватил другую стрелу, натянул тетиву и снова выстрелил; еще один демон отступил, и Изабель пошла на него, размахивая бичом. Саймон схватил оказавшегося рядом с ним демона руками и, похоже, не знал, что с ним делать дальше. На подмогу ему пришел Джейс; он пронзил чудовище мечом, и то, падая, увлекло Саймона за собой. Саймон свалился на собственный рюкзак, и Клэри услышала звук битого стекла, но уже через мгновение ее друг снова стоял на ногах, готовый сражаться.

Клэри охватил азарт. Демон, в которого выстрелил Алек, извивался, пытаясь извергнуть застрявшую в пасти стрелу. Девушка шагнула к нему и разрубила туловище пополам; черная кровь тут же залила ее куртку. Зал все больше наполнялся гнилостным запахом.

Алек стрелял, как машина, без остановки; на бьющихся в конвульсиях демонов набрасывались Джейс и Изабель, разрубая их в куски. Внезапно один из демонов сбил Клэри с

ног. Ее рука, испачканная маслянистым ихором, заскользила по рукояти, и она чуть не выронила меч. Демон воспользовался этим и попытался придавить ее своей тяжестью. Девушка увернулась и схватила рукоять покрепче, чтобы сделать выпад, но тут что-то вспыхнуло серебром и золотом – бич Изабель разрубил чудовище пополам.

Из демона вывалились дымящиеся внутренности, и Клэри испытала тошноту. Обычно поверженные демоны исчезали, избавляя от неприятного зрелища, но здесь было все иначе. Изабель сморщилась и снова размахнулась бичом... но вдруг половина чудовища сделала бросок. И вонзилась зубами в ногу девушки.

Завизжав, Изабель все-таки исхитрилась ударить демона бичом, и он ослабил хватку. Упав, девушка подвернула ногу. Клэри бросилась вперед и запустила меч в спину чудовища.

Внезапно наступила тишина. Сирена утихла, демоны исчезли. Но друзья не испытывали радость победы. Изабель лежала на грязном мраморном полу, бич обвился вокруг ее груди, из раны на левой ноге хлестала кровь. Она задыхалась, веки дрожали.

– Иззи! – Алек бросил лук и опустился на колени рядом с сестрой, приподнимая ее. – Иззи, держись... – Он вынул стилус.

Джейс поднял упавший лук Алека; казалось, юноша вот-вот упадет. Клэри с мрачным удивлением увидела, что Саймон держит Джейса за руку, поддерживая его.

Алек оторвал кусок ткани от разорванной одежды Изабель, освободив ее ногу до колена. Клэри с трудом сдержала крик. Нога Изабель была изжевана до кости.

Алек приложил стилус к колену сестры и нарисовал *иратце*, потом еще одну, дюймом ниже. У него дрожали плечи, но рука была тверда.

– Иззи, – прошептал он, – потерпи немного, сейчас подействует.

Клэри вспомнила Ходжа; они рисовали на нем одну руну за другой, но его раны были слишком тяжелы: руны выцвели, и Ходж умер.

Алек поднял голову. Его лицо было покрыто кровью. *Это кровь Изабель*, подумала Клэри.

– Клэри, – позвал он. – Может быть, ты попробуешь...

Саймон вдруг застыл.

– Надо уходить, – произнес он. – Я слышу звук крыльев. Сейчас прилетят другие.

Изабель уже не задыхалась. Кровь из раны почти не текла, но сама рана не затягивалась.

Алек поднял на руки ослабевшее тело сестры. Ее черные волосы свисали, как сосульки.

– Уходить куда? – прохрипел он. – Если мы побежим, они погонятся за нами...

Джейс резко повернулся:

– Клэри... – В его глазах была мольба.

Сердце Клэри разрывалось: Джейс редко что-либо просил, но теперь он просил за Изабель, самую храбрую среди них.

– Ну, сделайте же что-нибудь, – взмолился Алек.

Клэри повернулась и побежала к стене; она едва не врезалась в нее. Достала свой стилус и прикоснулась им к камню. По ее руке пробежала дрожь, но она справилась с ней. Черные линии, изламываясь, принимали форму двери; края линий заблестели. За спиной Клэри слышала нарастающий рев, хлопанье крыльев, шипение, переходящее в вопль... и вот наконец проем озарился светом.

Портал. Клэри протянула руку, прикоснулась к поверхности. Все уголки ее сознания сосредоточились на визуализации места, где они могли спастись.

– Ну, давайте! – закричала она, не спуская глаз с проема.

В портал шагнул Алек с сестрой на руках, за ними последовал Саймон. Джейс подошел к ней и взял ее за руку. Клэри на мгновение обернулась – огромное черное крыло пронеслось мимо, и в следующую секунду ураган Портала подхватил ее, унося в хаос.

Клэри сильно ударилась при падении и разбила коленки. Тем не менее она быстро вскочила на ноги и, тяжело дыша, огляделась... а что, если Портал не сработал? Что, если переместил их совсем не туда?

Но над головой был знакомый свод пещеры. Вот и очаг, следы на полу, где они все спали прошлой ночью. Джейс... Вот он, встает с луком Алека в руке. Саймон... И Алек, склонившийся над Изабель. Клэри перевела дух: всё получилось.

Изабель лежала неподвижно и часто дышала. Джейс подошел и ласково коснулся спутанных черных волос.

Клэри ощутила руку Саймона на своем запястье. Его голос срывался:

– Если ты в силах что-нибудь сделать...

Она опустила руку на колени рядом с Изабель, достала стилус, стерла с него кровь уголком куртки и приложила острие к запястью Иззи; точно так же она делала у Адамантовой цитадели, когда пыталась помочь Джейсу. *Исцеляй, исцеляй, исцеляй*, молила она, и наконец стилус ожил. На руке Изабель появились спиралевидные черные линии. Иззи застонала и вздрогнула. Алек опустил голову и, касаясь лицом волос сестры, зашептал:

– Прощу тебя, Иззи, не уходи за Максом. Пожалуйста, не покидай меня.

Веки Изабель дрожали, дышала она с трудом. Тело девушки сотрясла судорога, и... исцеляющая руна исчезла. Из раны на ноге вялыми толчками струилась кровь. Клэри так крепко держала стилус, что ей показалось, будто он гнется у нее в руке.

– Не могу, – прошептала она, – не могу создать сильную руну.

– Это не ты, это яд, – объяснил Джейс. – Яд демона. Он проник в ее кровь. Иногда руны бессильны.

– Попробуй еще раз, – попросил Алек; на глазах у него не было слез, но они подозрительно ярко блестели. – *Иратце*. Или какую-нибудь новую руну; ты ведь можешь создавать руны...

У Клэри пересохло во рту. *Ты ведь можешь создавать руны*. Она страстно желала этого, но стилус уже не был продолжением ее руки, как раньше; никогда еще она не ощущала себя такой беспомощной.

– Но что-то ведь должно помочь! – вдруг закричал Саймон, и эхо его голоса отразилось от стен. – Вы же Сумеречные охотники, вы все время сражаетесь с демонами. Вы должны знать!

– И мы, сражаясь, умираем, – чуть ли не шепотом отозвался Джейс и склонился над девушкой. – Иззи, прости, мне так жаль...

– Подвинься. – Саймон толкнул Джейса, и Клэри вспомнила ту ужасную сцену, когда Лайтвуды сгрудились вокруг неподвижного тела Макса; этого не могло случиться снова, не могло...

– Оставь ее, – прорычал Алек. – Ты, вампир...

– Да, – согласился Саймон, – я вампир. – И он ощерился.

У Клэри перехватило дыхание, когда Саймон вонзил клыки в свое запястье, вскрывая вены; кровь ручьями потекла по его руке.

Джейс встал и отвернулся, сжав кулаки, а Саймон поднес свое разгрызенное запястье к ране на ноге Изабель, и теперь его кровь, стекая, покрывала рану.

– Что... что ты делаешь? – ахнул Алек, но Джейс предостерегающе поднял руку.

– Пусть, – тихо сказал он. – Может, сработает. Я что-то такое слышал...

Изабель, все еще не приходя в сознание, застонала; кровь Саймона текла ровной струей, покрывая рану, и вдруг Клэри увидела, что кожа начала рубцеваться. Иззи распахнула глаза, на бледном лице они казались огромными. Она непонимающе посмотрела на Саймона, а затем перевела взгляд на свою ногу.

Ни-че-го. Только полумесяцы едва заметных шрамов от зубов демона.

Саймон отпрянул от девушки и теперь сидел в полном изнеможении. Кровь еще стекала с его пальцев, но рана на запястье уже затянулась. Клэри с беспокойством подумала, что он захочет восполнить потерю крови, но где же ее взять здесь, в этой пустыне? Она знала, что он прихватил с собой концентрат, но не была уверена, что запасов хватит надолго.

Клэри погладила Саймона по плечу, ощутив через ткань рубашки холод его кожи.

– Все в порядке, – сказала она. – Изабель жива.

Саймон кивнул и закрыл глаза.

6. Небьющееся сердце Рафаэля

В камеру вошла женщина – Помраченная; у нее были длинные рыжие волосы и бледная кожа. Возможно, когда-то она была красива, но теперь походила на целлулоидную куклу. Двигаясь как автомат, она с полным безразличием поставила на пол кастрюльку с сероватой жижей для Магнуса и Люка и бутылку с кровью – для Рафаэля.

Ни Магнус, ни Люк не прикоснулись к еде. Магнуса лихорадило, и сама мысль о еде вызывала у него отвращение, а Люк смутно подозревал, что Себастьян мог подсыпать в кашу наркотик или еще какую-нибудь дрянь. Доволен был только Рафаэль; он схватил бутылку и с жадностью ее опорожнил.

– Отлично, Рафаэль, – раздался голос от двери, и пленники увидели Себастьяна Моргенштерна.

«А он и правда удивительно напоминает своего отца, – подумал Магнус. – Те же черные глаза, те же бесцветные волосы и эта фанатичная улыбка... Джейс никогда не был фанатиком, вот почему в свое время Валентин отказался его воспитывать».

– Где Джослин? – сжав кулаки, прорычал Люк, и Магнус подумал, что ему, должно быть, вдвойне неприятно видеть сына Валентина, ведь когда-то Люк и Валентин были *парабатаями*. – Говори, подонок, где она?

Себастьян засмеялся, и Магнус подумал, что этим он отличается от своего отца, – Валентин, затеяв эту канитель с Кругом, вечно ходил хмурым, а если и издавал звуки, напоминающие смех, то они могли напугать кого угодно. Впрочем, в смехе Себастьяна тоже было мало приятного.

– С ней все в порядке, – сказал Себастьян. – Все прекрасно, то есть я хочу сказать, что она еще жива. Ты ведь это хотел услышать?

– Я хочу ее видеть, – сказал Люк.

Себастьян хмыкнул, делая вид, что размышляет.

– Нет. Не вижу в этом необходимости.

– Она твоя мать. Мог бы быть к ней добрее.

– Не твое дело, ликантроп, – раздраженно ответил Себастьян. – Ты спишь с моей матерью, но это не значит, что вы семья. А к Клэри ты вообще...

– Скорее ты не имеешь к ним никакого отношения, – взревел Люк, игнорируя предупреждающие взгляды Магнуса.

Себастьян побелел, и его пальцы сомкнулись на рукояти меча.

– Остановись, – тихо произнес Магнус. – Если ты тронешь Люка, Клэри возненавидит тебя. И Джослин тоже.

Себастьян с заметным усилием опустил руку:

– Я просто сказал, что с Джослин все в порядке. Я не причиню ей вреда.

– Да, но ты держишь ее в заложницах, – кивнул Магнус. – Тебе что-то нужно от нее или от Клэри с Джейсом. Я угадал? Я хорошо знаю Клэри и....

– Не так уж и хорошо ты ее знаешь, колдун, – сузил глаза Себастьян. – И заруби себе на носу: я не благотворительная организация и не пощажу тех, с кем она знается. Я еще не сошел с ума.

– Да-а? – хмыкнул Рафаэль.

– Может быть, хватит?..

Магнус сердито загремел цепью, но Себастьян, кажется, не разозлился. Он оценивающе посмотрел на вампира.

– Рафаэль Сантьяго, – задумчиво произнес он. – Вождь нью-йоркского клана... или нет?

Нет, это Камилла занимала этот пост, а теперь эта безумная девчонка. И как ты это пережил? Сочувствую и даже скажу больше: ни Камилла, ни несчастная Морин Браун не годились в вожаки. Они то и дело нарушали Соглашение, нападая на людей, а кому это понравится? Мне кажется, нефилимы хуже всего относятся к вампирам. Но и свои тебя явно не жалуют.

Рафаэль сидел на корточках; после еды его щеки немного порозовели, и он выглядел совсем юным.

– Не понимаю, зачем ты мне все это говоришь, – буркнул он.

– Да так просто. А может, и не просто. Хочу прочистить тебе мозги. Ведь я к тебе неплохо отношусь. Я кормлю тебя, не сажаю цепь, как некоторых. – Он метнул насмешливый взгляд в Магнуса. – Ты ведь неглуп, Рафаэль Сантьяго, и ты знаешь, что победа будет за мной. Ты хочешь руководить всеми вампирами Нью-Йорка? Нет проблем – будешь. Можно, кстати, подумать и о том, чтобы объединить под твоей властью всех вампиров Северной Америки. Почему бы и нет, а? Я помогу тебе, но, понятно, небескорыстно. Все, что мне нужно от тебя, – это привлечь на мою сторону Детей ночи. Фейры уже со мной. А ты?

Рафаэль встал. На его руках была кровь, и, посмотрев на нее, он насупился.

– Это кажется разумным, – сказал он. – Я готов тебя поддержать.

Люк закрыл лицо руками, а Магнус лишь вздохнул:

– Рафаэль, ты воистину превзошел мои самые горькие ожидания.

– Ничего страшного, Магнус, – сказал Люк. – Пусть. Мы ничего не теряем.

Рафаэль хмыкнул:

– Как бы не так, теряете! Да я только рад расстаться с вами, идиотами. Скулите дальше по вашим любимым. Вы слабаки и всегда были слабаками!

– Зря я возился с тобой, – ядовито произнес Магнус.

Рафаэль вздрогнул, и Магнус это заметил. Заметил это и Себастьян. Взгляд его черных глаз стал острее. Он вынул из-за пояса кинжал с узким трехгранным лезвием.

– Возьми, – велел он и протянул кинжал вам пиру.

Рафаэль отступил и затряс головой, но потом протянул руку.

– Вампиры редко прибегают к оружию, – сказал он. – Зачем оно нам, если у нас есть клыки...

– Бывают случаи, когда без оружия не обойтись. Я думаю, сейчас как раз такой случай. Давай скрепим наше соглашение кровью. Убей мага.

Кинжал выпал из руки Рафаэля и со звоном ударился о пол. Себастьян наклонился, поднял его и снова вложил в руку вампира:

– Мы не убиваем ножами...

– А ты убьешь. Можно, конечно, разодрать ему горло, но слишком много возни. Сделай, как я велю. Подойди к магу и заколи его. Проткни ему сердце, ведь это так просто.

Рафаэль повернулся к Магнусу. Люк подался вперед, но Магнус предостерегающе поднял руку.

– Не надо, Люк, – прошептал он.

– Рафаэль, если ты сделаешь это, мирные отношения между ликантропами и вампирами закончатся навсегда. – Глаза Люка горели зеленым светом.

Себастьян засмеялся:

– Уж не думаешь ли ты, Люциан Гэрроуэй, что ты когда-нибудь вернешься к обязанностям вожака стаи? Когда я одержу победу в этой войне – а я ее одержу, я буду править вместе с моей сестрой, а тебя посажу в клетку, и Клэри будет бросать тебе объедки, когда ей заблагорассудится.

Рафаэль сделал еще один шаг в сторону Магнуса. Клинок блестел у него в руке.

Люк тоже шагнул, намереваясь преградить ему путь, но Себастьян вытащил меч и встал

наизготовку.

Сердце Магнуса глухо стучало в груди, но страшно ему не было. Он уже много раз был на самом краю – столько, что мысль о смерти уже не пугала его. Порой ему казалось, что он *хочет* умереть. По крайней мере, произойдет нечто такое, с чем за долгие-долгие века ему еще не приходилось сталкиваться.

Острые кинжала коснулось его шеи. Рука Рафаэля дрожала. Магнус почувствовал укол.

– Молодец, – зловеще ухмыльнулся Себастьян. – Перережь ему горло. Пусть кровь зальет пол. Думаю, будет красиво.

Магнус вспомнил Алека, его синие глаза, в которых можно было утонуть. Вспомнил, как уходил от Алека по тоннелю подземки, вспомнил, почему так поступил. Он счел Алека предателем, но... Но ведь против Камиллы так трудно устоять, и в душе он, конечно, давно простил юношу.

Он вспомнил, как Тесса плакала в его объятиях в Париже, и подумал, что никогда не любил так, как она. Тесса, бессмертная Тесса, потеряла Уилла, а он, утешая ее, благодарил судьбу за то, что, возможно, с непростительной легкостью переживал свои потери.

А потом он встретил Алека. И впервые в жизни испугался, что с ним произойдет то же, что и с Тессой. Если бессмертный любит смертного, понял он, это катастрофа. И вот теперь эта катастрофа оборачивается совсем другой гранью. Не Алек, а он, Магнус, уйдет сейчас в мир теней.

Он взглянул на Рафаэля и шепнул так тихо, что вряд ли Себастьян мог его услышать:

– Ты помнишь, чем ты мне обязан?

– Ты спас мне жизнь, – равнодушно ответил Рафаэль. – Но эта жизнь мне не нужна.

– Рафаэль, – возвысил голос Себастьян.

Рафаэль так крепко сжал рукоять кинжала, что косточки пальцев стали совсем белыми.

– У меня нет души, – сказал он, обращаясь к Магнусу, – но ты привел меня к матери, когда я думал, что все кончено... мать была для меня священна.

– Рафаэль Сантьяго... – снова напомнил о себе Себастьян.

– Тогда я был ребенком, но теперь – нет. За эти годы я научился отдавать себе отчет в том, что делаю.

Кинжал упал на пол. Рафаэль обернулся и в упор взглянул на Себастьяна.

– Я не могу, – сказал он. – И я не хочу. К тому же я его должник.

Себастьян замер:

– Ты разочаровывал меня, Рафаэль. – Он вложил меч в ножны, поднял кинжал и взвесил его в руке; по лезвию пробежала холодная искра. – Что ж, это твой выбор. – С этими словами он молниеносно вонзил клинок в тело Рафаэля, туда, где уже давно не билось его сердце.

В морге было холодно. Майя не дрожала, но ей казалось, что ее кожу колют иголками, ощущение было не из приятных.

Катарина стояла у ряда стальных ящиков с трупами, тянувшегося вдоль стены. В неяром желтоватом свете она была совсем синей, да еще этот зеленый брючный костюм медсестры. Она что-то бормотала себе под нос на неизвестном языке, и Майя вдруг поймала себя на постыдной мысли – ей хочется сбежать.

– Где он? – спросил Бэт. В одной руке он держал устрашающего вида охотничий нож, а в другой – большую клетку. Он с лязгом поставил клетку на кафельный пол и окинул взглядом помещение.

Два пустых стола в центре. И вдруг один из них начал потихоньку двигаться.

– Там, – сказала Катарина. – Под столом. – Она шевельнула пальцами, и клетка начала

искрыться.

Лили нагнулась, заглянула под стол и с криком отшатнулась.

– Ужас, – прошептала она и отошла в самый дальний угол.

– Это демон, – объяснила Катарина, и стол перестал двигаться. – Из тех, что питаются мертвечиной.

Переселив себя, Майя сделала шаг вперед. Но Бэт опередил ее и ударил по столу ногой. Стол с грохотом отъехал в сторону, и их глазам предстало чудовище.

Лили была права: ужас. Размером с большую собаку, шар из сероватых пульсирующих внутренностей, усыпанных гнойниками. Среди этой мешанины светился желтый слезящийся глаз.

– Ну и тварь, – вырвалось у Бэта.

Ох, не надо ему было это говорить! Демон выпустил щупальце и цепко обвил щиколотку оборотня. Раз – и Бэт, потеряв равновесие, упал на пол.

Майя вскрикнула, но в руках Бэта уже сверкнул нож; несколько коротких ударов, и на кафедру хлынул гной.

– Ничего себе, – прошептала Лили. Она сжимала в руках телефон – непонятно было, то ли снимает демона, то ли собралась отбиваться, если потребуется.

Бэт встал, но демон и не думал сдаваться. Стрельнув единственным глазом в Лили, он набросился на Майю. Она лягнула его, и он с хлюпаньем откатился.

– Что это? – Бэт взглянул на свой нож: под воздействием гноя металл оплавился, и теперь нож был бесполезен. – Черт, – пробормотал оборотень, – надо было брать оружие.

Майя схватила с ближайшего стола скальпель и запустила в шар. Демон завизжал. Еще через мгновение скальпель полетел назад, как будто его выбросил мощный тостер. Плавясь и шипя, он заскользил по полу.

– Простым оружием с ними не справиться! – Катарина сделала шаг вперед и подняла правую руку; вокруг пальцев заплесало голубоватое пламя. – Только клинки с рунами...

– Да где ж их взять?! – крикнул Бэт, отступая, поскольку демон быстро катился в его сторону.

– Вот именно. Ими владеют только Сумеречные охотники!

Катарина произнесла короткое заклинание, и голубая молния заставила демона завертеться на месте подобно юле. Бэт схватил клетку, открыл дверцу и носком ботинка втолкнул демона внутрь. Майя опустила щеколду, замирая от страха – а вдруг вырвется? Все отошли, и только Лили продолжала целиться в чудовище телефоном.

Клетка оказалась крепкой – или демон ослабел, пораженный магическим огнем? – и Катарина с облегчением вздохнула.

– Спасибо за помощь, – сказала она, – эти *данталионы*, они живучие.

Раздался щелчок, и сработала вспышка.

– Та к ты все-таки его фотографируешь? – повернулась Майя к Лили.

Девушка пожала плечами:

– А что тут такого? Никогда не лишне напомнить о том, что нам угрожает. Я и видео сделала. Разошлю всем, всей нежити. Пусть знают: чтобы справиться с демонами, нужны Сумеречные охотники, без них не обойтись.

Демон хмыкнул, чего уж точно никто не ожидал.

Бэт с Майей отскочили.

– Завтра ночью ждите нападения. Завтра ночью начнется война, – прочавкал зубастый рот.

– Война? Какая война? – Катарина уперла руки в боки. – А ну, говори, а то я для тебя такие пытки придумаю...

– Себастьян Моргенштерн, – нехотя ответил демон. – Завтра ночью он нападет на Аликанте. Завтрашняя ночь будет последней для Сумеречных.

* * *

Посреди пещеры мирно горел костер, дым тонкими струйками поднимался к своду и терялся в сумраке. Саймону казалось, что он ощущает исходящее от костра тепло, хотя на самом деле он не мог ничего ощущать, потому что был вампиром. Но с ним такое бывало и раньше – он даже иногда чувствовал, как бьется его сердце, которого не было. Он понимал, что, несмотря на огонь, в пещере холодно, потому что Алек, уж на что привычный к лишениям, натянул рукава свитера на самые пальцы, а Изабель лежала, завернувшись в теплое одеяло. Она уже спала и чему-то улыбалась во сне.

Клэри и Джейс ушли проверить тоннели, чтобы убедиться, что в них не проникли демоны. Алек не хотел оставлять Изабель, а Саймон настолько ослаб, что даже двигаться не мог. Вообще-то он никому об этом не сказал, но Клэри, судя по тому, как она посматривала на него, прежде чем уйти, и так догадывалась. Чтобы хоть как-то помочь друзьям, Саймон прислушивался к темноте – руны рунами, но кто знает, что там может таиться во мраке.

Алек не отрываясь смотрел на пламя, чего Саймон, хоть и был светлюбом, делать не мог – так, взглянуть только; ему хватило этого сумасшедшего огня в пустыне – глаза болели до сих пор.

– Спасибо, – вдруг произнес юноша.

Саймон едва не подпрыгнул. Последнее, что он слышал от Алека, был вопрос: «*Что ты делаешь?*»

– Спасибо? За что?

– Ты спас мою сестру, – ответил Алек и нежно взглянул на Изабель. – Когда мы пришли сюда, я знал, что это опасно. Догадывался, что кто-то из нас может погибнуть... – Его голос дрогнул. – Но мне и в голову не приходило, что Иззи... что я могу потерять Иззи.

В голове у Саймона гудело, Алек никогда еще не разговаривал с ним, как с равным.

– Изабель, она.... она умная и стойкая, – продолжил Алек. – Она лучше меня, и она заслуживает того, чтобы у нее все было в порядке, чтобы она была счастлива. – Он посмотрел на Саймона: – Ведь у тебя есть сестра?

Саймон тяжело вздохнул. Как объяснить Алеку, что его семья... все это осталось где-то очень далеко, в другой жизни.

– Ребекка, – ответил он. – Так ее зовут.

– Если бы ты узнал, что она страдает, что бы ты сделал с тем, кто заставил ее страдать?

– Я? Я бы разобрался с ним. Высказал бы все. Может быть, прижал, чтобы лучше понял. – Говоря это, он подумал о том, что Ребекка страдала из-за него, и помочь тут ничем было нельзя.

Алек молча кивнул и вдруг повернул голову, будто что-то услышал. Саймон удивился. Такое не часто бывает, чтобы кто-то обставил вампира. В конце длинного тоннеля заплескал свет, и вскоре появились Клэри и Джейс.

Даже в ботинках на толстой подошве Клэри едва доходила до плеча парня, но смотрелись они гармонично, Саймон даже позавидовал, впрочем, как всегда. И еще он подумал, что если раньше они казались парой, то теперь они были чем-то большим. Теперь они были командой.

– Что-нибудь интересное? – спросил Алек, когда Джейс присел.

– Клэри нарисовала защитные руны у входа в пещеру. Теперь никто не сможет увидеть вход.

– И долго они продержатся?

– Ночь точно продержатся. А вообще, не знаю. Руны здесь быстрее теряют силу.

– А у меня появилась новая идея относительно зеркального мира. Мы были уверены, что перед нами Аликанте. Та к вот, я могу предположить, что пустыня, по которой мы шли, это... это то, что у нас Броселиндский лес.

Алек помотал головой:

– Нет... Наш лес был... прекрасен.

– Вот именно, что был. А теперь это пустыня.

Джейс наклонился и поправил одеяло Иззи. Саймон неожиданно испытал безотчетную ревность... в этом жесте легко читалась любовь.

– Как она? – спросил Джейс.

– Хорошо. Спит, – ответил Алек.

– Думаешь, завтра она сможет передвигаться? – В голосе Джейса слышалась тревога. – Нам нельзя здесь оставаться. Мы оставили достаточно следов нашего присутствия. Если мы не доберемся до Себастьяна первыми, он разыщет нас. И у нас почти не осталось еды.

Что ответил Алек, Саймон не слышал, так как его внезапно пронзила боль, словно кто-то кол всадил в грудь. Он слабо вскрикнул.

– Саймон! – испуганно повернулась к нему Клэри и замерла от ужаса: из глаз ее друга катились кровавые слезы. – Саймон, что с тобой?

Постепенно боль начала утихать.

– Не знаю, – ответил юноша. – Мне показалось... нет, не знаю...

Джейс быстро опустился перед ним на колени и взял за подбородок. Его золотистый взгляд скользил по лицу Саймона.

– Рафаэль, – наконец сказал он. – Рафаэль был с тобой в связке?

Саймон кивнул:

– И что?

Джейс покачал головой.

– Ничего. Слушай, а ты когда ел в последний раз?

– Да в порядке я, – сказал Саймон, но Клэри уже схватила его за правую руку, где на пальце сверкало золотое кольцо. Сама рука была ледяной, под кожей проступили темные вены, как трещины на мраморе.

– Ты не в порядке... Ты ведь столько крови потерял!

– Клэри...

– Где твой концентрат? – Она оглянулась в поисках его рюкзака и, обнаружив взглядом, потянулась к нему. – Саймон, если ты не будешь думать о себе...

– Не надо. – Он выхватил рюкзак у нее из рук. – Концентрат был в стеклянной бутылке, она разбилась. Ну, когда мы сражались с демонами. Бутылка разбилась, и кровь разлилась.

– Саймон Льюис! – Клэри встала, она была в бешенстве. – Почему ты *ничего не сказал*?

– В самом деле, Саймон? – Джейс поднялся и откинул со лба прядь светлых волос.

– Потому, – ответил Саймон. – Жаль, здесь нет животных, кровью которых я мог бы питаться.

– Но есть мы, – твердо заявил Джейс.

– Я не буду пить кровь своих друзей! – вскинул подбородок Саймон.

– Ой-ой, сколько патетики! – рассмеялся Джейс. – Лично я не вижу в этом ничего такого. Бери мою. Может, сам процесс... эээ... несколько эротичен, но моей сексуальной ориентации это не повредит.

Саймон подавил в себе вздох; он понимал, что Джейс, хотя и дурачится, вполне серьезен в своем предложении.

– В твоих жилах течет Небесный огонь, а я не имею ни малейшего желания быть

поджаренным изнутри.

Клэри откинула волосы, обнажив шею:

– Саймон, послушай, пей мою. Я всегда говорила, что ты можешь...

– Нет, – возразил Джейс, и на сей раз в его голосе не было и тени шутки.

– Тогда, может, я подойду? – вступил Алек.

– Что я слышу? – вытаращил глаза Саймон. – Я же тебе никогда не нравился... И ты предлагаешь мне свою кровь?

– Ты спас мою сестру, так что я твой должник. – Алек пожал плечами.

– А, ну да. Тогда о'кей. – Почему-то Саймону расхотелось остричь.

Клэри протянула ему руку, и Саймон встал, затем сделал шаг в сторону Алека и почувствовал, что сейчас упадет, – сил не было совсем. Алек подхватил его и повернул голову чуть-чуть влево, подставляя шею. Он старался не смотреть на Саймона и выглядел так, будто пришел на неприятное медицинское обследование.

– Я не занимаюсь этим при всех, – заявил Саймон, представив, как это выглядит со стороны: в присутствии Джейса и Клэри пить кровь у брата Изабель; хорошо хоть, она сама спит.

– Так это ж не в бутылочку играть, – заметила Клэри. – Просто надо подкрепится. О нет, Алек, ты не еда, – спохватилась она, поймав взгляд юноши. – Прости, это я так, не обращай внимания.

– Нам, наверное, и правда лучше отойти, – сказал Алек, обхватил Саймона и потащил его в темноту тоннеля.

Саймон успел услышать последние слова Джейса:

– Интим – это очень личное.

– Спасибо, что выручил, – сказал Саймон, когда они с Алеком немного отошли.

– Заткнись. – Алек прижал его к стене. – Так тебе шея нужна?

– Не обязательно, – Саймону казалось, что все это происходит во сне. – Запястье тоже подойдет.

Алек начал закатывать рукав свитера. Рука была бледная за исключением тех мест, где были метки. Саймон почувствовал запах крови. Кровь Сумеречного охотника... такая же, как у Иззи... Клыки уже выдвинулись и зудели.

– Я просто хочу, чтобы ты знал... – Алек спокойно протянул ему руку. – Иззи мне кое-что рассказывала. Как я понимаю, для вас, вампиров, пить вот так кровь это сродни сексу.

Саймон подумал, что, если бы не голод, он бы отказался от этой затеи.

– Так вот, – продолжил Алек, – ты меня совсем не привлекаешь.

Саймон почувствовал, что у него гора с плеч свалилась.

– Ты тоже не в моем вкусе. – Он взял руку Алека и повернул запястьем кверху.

– Терпеть не могу, когда «правильные» парни считают, будто геи готовы за каждым приударить, – сказал Алек и вздохнул. – Лично меня привлекает только один.

– Остынь, Алек. Понимаю, что ты ненавидишь меня, но сам вызвался.

– С чего это я должен тебя ненавидеть?

– С того, что я вампир. С того, что я влюблен в твою сестру, а ты думаешь, что она слишком хороша для меня.

– А ты сам так не думаешь? – улыбнулся Алек, и Саймон подумал, до чего же они с Иззи похожи. – Да, она моя сестренка. И по этой причине она слишком хороша для любого. Но ты... ты хороший, Саймон. Даже несмотря на то, что ты – вампир. Ты преданный и умный, и ты делаешь Иззи счастливой, я же вижу. Когда мы познакомились, ты мне не понравился. Но теперь все иначе. И вряд ли я буду осуждать мою сестру за то, что она встречается с вампиром.

Саймон застыл. Алек был самым консервативным из Лайтвудов – он не любил беспорядок и

никогда не лез на рожон. У него все было разложено по полочкам, и вдруг...

– Алек, – сказал он, – я не знаю, что там у вас произошло с Магнусом, но, насколько я понял, ты не захотел стать вампиром. Ведь Камилла предлагала тебе это? Ты хотел лишить Магнуса бессмертия, вот почему он порвал с тобой.

Алек вздрогнул.

– Да, – ответил он. – Да, я не захотел стать вампиром.

Кровь в запястье Алека пульсировала все сильнее.

– Давай уж, – выдохнул он. – Просто... делай свое дело.

– Ладно, не бойся.

Саймон поднес руку Алека ко рту. Мышцы напряглись, но прежде чем вонзить клыки, Саймону хотелось сказать Алеку что-нибудь *человечное*. Ведь он вопреки всему до сих пор чувствовал себя человеком.

– Мне жаль Магнуса. – Ничего другого на ум не пришло.

– Мне тоже. Ну, кусай, – поторопил Алек, и клыки уверенно прошли сквозь кожу; в рот хлынула кровь.

У Алека перехватило дыхание, и Саймон невольно крепче схватил его за руку, опасаясь, что Алек может вырвать ее. Но Алек и не пытался. Быстрое биение его сердца походило на удары колокола. В крови Алека ощущался привкус металла, страха, боли, огня и чего-то еще. Может быть, смерти?

7. «Ты хочешь этого?..»

Когда Алек и Саймон вернулись в пещеру, Изабель все еще спала. Джейс помешивал угли в костре. Клэри сидела, положив голову ему на плечо; по блеску ее глаз Саймон понял, что она не спит.

– Ну что, погуляли, ребята? – пошутил Джейс, увидев их.

Алек бросил на друга сердитый взгляд. Он старался повернуть руку так, чтобы скрыть следы укуса.

– Это не секс, – произнес он. – Секс круче.

– И все-таки немного секс, – сказал Саймон. Подкрепившись, он чувствовал себя гораздо лучше и не мог удержаться от легкого подкалывания. – Я что-то такое почувствовал.

– Да иди ты, – огрызнулся Алек, наклонился и взялся за лямку своего рюкзака. – Вы тут сидите, а я в решетке. Вдруг руны не сработают.

Клэри выпрямилась и зевнула:

– А тебе не нужна руна, восполняющая кровь?

– У меня их аж две. – Алек вскинул рюкзак за спину. – За Изабель присмотрите, ладно? – Он перевел взгляд на Саймона: – На тебя особо надеюсь, вампир.

Едва Алек скрылся в тоннеле, Джейс встал и направился за ним. Саймон слышал их голоса, но слов не разобрал.

На тебя особо надеюсь, вампир. И еще вот это: *Ты преданный и умный, и ты делаешь Иззи счастливой.* Он взглянул на девушку. Она лежала, подложив руку под голову, и тихо посапывала, как ребенок. Иззи выжила благодаря ему, и ее брат сделал невероятное – благословил их.

Саймон улегся рядом и положил свою руку поверх руки Изабель. Клэри засмеялась.

– Спокойной ночи, Саймон, – пожелала она, в ее голосе не было ревности.

– Спокойной ночи, – ответил он и закрыл глаза. Засыпая, он подумал: «*В моих жилах течет кровь Лайтвудов...*»

Алек задержался на том месте, где тоннель поворачивал к решетке, и Джейс быстро его догнал. Стены тоннеля были гладкие, как будто над ними годами работали вода и ветер, но Джейс не сомневался в их рукотворном происхождении.

Алек стоял, подняв вверх ведьмин огонь. Он явно поджидал Джейса.

– Что-то не так?

Приближаясь к *парабатаю*, Джейс замедлил шаги:

– Просто хотел убедиться, что с тобой всё в порядке.

Алек дернул плечом:

– В порядке, насколько это возможно.

– Прости, – сказал Джейс. – Это я виноват в том, что случилось с Иззи. Я, как всегда, рисковал. Понимаю, что глупо, но ничего не могу поделать.

– Да уж, порой за твой риск приходится расплачиваться. Но мы привыкли. Рискуй. Если бы ты не рисковал, мы бы и половины не добились. Я не про сегодняшний случай. Я так, в целом. Думаю, Иззи сказала бы то же самое.

– Мы с тобой так и не закончили наш последний разговор, Алек... Это, – Джейс дотронулся до места, где была руна *парабатая*, – означает, что ты – моя лучшая половина, и я всегда буду заботиться о тебе больше, чем о себе самом. Запомни это. Прости, что я не понял, как тебе больно... с Магнусом. Теперь понимаю, и еще раз прости.

Алек мгновение молчал, а потом, к удивлению Джейса, протянул руку и взъерошил ему

волосы – так старший брат мог бы взъерошить волосы младшего. Он едва заметно улыбнулся:

– Спасибо, Джейс. Ну, я пойду?

– Клэри.

Она заворочалась, ей не хотелось расставаться со сном, в котором ей было тепло и уютно, в котором царил аромат сена и яблок. Во сне она побывала на ферме Люка, висела вниз головой на ветке дерева и улыбалась Саймону, который испуганно махал ей снизу. Но постепенно она ощутила, что лежит на холодном камне, а рядом Джейс, который шепотом зовет ее.

– Клэри, – повторил он. Его глаза казались золотистыми от отражавшегося в них пламени. – Клэри, я хочу искупаться.

– А я хочу миллион долларов. – Она протерла глаза. – Мы все чего-то хотим.

– Помнишь пещеру, – шепнул он. – Ну, ту, с озером? Можно было бы...

Клэри представила прозрачную синюю воду и вдруг почувствовала, как чешется тело. Грязь, кровь, гной и пот покрывали его плотной коростой. Она окончательно проснулась.

Джейс смотрел на нее и улыбался, и девушка подумала, что он похож на хищника... в лучшем значении этого слова. Никаких «не могу» – только «добьюсь». Абсолютная уверенность в себе и своих силах, ни тени сомнений в своих действиях. Но таким она его и любила.

– Ладно, – сказала она и поднялась.

Он взял ее за руку и повел к тоннелю. Они шли молча, освещая дорогу ведьминым огнем. Пещера открылась перед ними внезапно, и Клэри спрятала камень в карман – в нем не было необходимости, пещера и так была залита мягким светом, струившимся от стен. Джейс выпустил ее руку и подошел к озеру.

– Спасибо, – вдруг сказал он.

Она удивленно взглянула на него:

– За что?

– Ты спасла меня. Небесный огонь мог убить меня. То, что ты сделала...

– Да ладно... Тебе тоже спасибо... за то, что ты не стал рассказывать подробности. Пусть это останется между нами.

– Ты права, – кивнул Джейс.

Клэри сделала шаг и нежно коснулась его плеча:

– Джейс, мы справимся с Себастьяном...

Он повернул ее к себе, и она вздрогнула, все мысли о предстоящей битве, о том, что они могли бы разработать план, как им действовать, мгновенно улетучились.

– Джейс, мы...

Он коснулся губами ее виска. Теплое дыхание пошевелило завитки волос у ее уха.

– Ты красивая, Клэри...

– Я...

Его губы прикоснулись к ее губам, и она забыла, что хотела сказать.

– Ты... ты хочешь этого? – спросил Джейс.

– Да, – кивнула она.

– Я так долго не мог даже прикоснуться к тебе, а теперь могу, – произнес он. – Но, может быть, здесь не место...

– Мы такие грязные... – Клэри отстранилась и показала свои руки. Грязь въелась в кожу и под ногти. – Не смыть ли нам это сначала?

Глаза Джейса заискрились.

– Ты, как всегда, права, – сказал он и протянул руку к «молнии» на куртке.

Что мы делаем? – вздрогнув, подумала Клэри.

Джейс скинул куртку и стянул футболку. Его тело было медового цвета. Плоский мускулистый живот, узкие бедра, под грудью с левой стороны тянулся бледный шрам. Ноги и руки, как у танцора.

Джейс тряхнул светлыми волосами и улыбнулся со знакомой ей иронией. Даже в такую минуту он оставался самим собой.

– А ты не разденешься? Могу пообещать, что не буду смотреть, но сразу предупреждаю – это будет ложью.

Клэри сняла куртку и бросила ему. Он подхватил ее на лету и швырнул на грудь своей одежды.

– Извращенец, – фыркнула она.

– Мне семнадцать, в этом возрасте мы все – извращенцы. – Он скинул сапоги и вылез из джинсов. На нем были черные трусы, и Клэри перевела дух, когда он вошел по колено в воду, так и не сняв их. – Точнее, мне исполнится семнадцать через несколько недель, – бросил он через плечо. – Я родился в январе.

Он говорил так невозмутимо, что Клэри совершенно успокоилась. Она сняла ботинки, стянула с себя джинсы и футболку и подошла к кромке воды. Вода была скорее прохладная, чем холодная.

Джейс посмотрел на нее и улыбнулся. На ней были простые хлопковые трусики и простенький голубой лифчик, какой можно купить в любом супермаркете; жаль, но в списке вещей, который она мысленно составила, собираясь в Эдом, тонкое белье не предусматривалось.

Он вдруг отвел взгляд, покраснел и, желая скрыть это, погрузился под воду с головой.

Клэри набрала воздуха и тоже нырнула. Вода была изумительная – вся пронизанная серебристыми проблесками падавшего сверху света. Она сама вытолкнула девушку на поверхность, и Клэри с удовольствием долго лежала на спине, совсем как в детстве на озере у Люка.

Вдруг ее осыпал фонтан брызг – Джейс, улыбнулась она.

– Думаю, я на год старше тебя, – сказал он.

– На полгода, – поправила его Клэри. – А ты Козерог, да? Упрямый, безрассудный, не признающий правил – так и есть, все сходится.

– Клэри... – Джейс притянул ее к себе.

Он стоял на дне, а Клэри до дна не доставала, но в руках Джейса это не имело никакого значения. Она не спускала с него глаз, и что-то внутри нее сладко замирало. Она подалась к нему, и он поцеловал ее; оба дрожали.

– Это было... – выдохнул он, наконец отпрянув, – это было... круто. Я не верю, все еще не могу поверить, что могу прикасаться к тебе, целовать тебя... – Вода струилась по его лицу, очерчивая острые скулы, твердую линию подбородка. – Знаешь, когда я впервые попал в Институт, Алек называл меня безрассудным, причем так часто, что я даже посмотрел это слово в словаре. Не то чтобы я не знал его значения, но... мне всегда казалось, что «безрассудный» значит «храбрый». А оказалось, это тот, кто «не думает о последствиях своих поступков».

– Но ты ведь думаешь.

– Может быть, но не всегда. – Его голос дрогнул. – Как ты думаешь, почему я об этом вспомнил? Потому что я люблю тебя именно безрассудно. Мне не хочется думать о последствиях. Клэри, я хочу тебя больше, чем хочу быть «хорошим».

Мышцы под ее руками напряглись. Она потянулась, чтобы снова поцеловать его, но он мотнул головой.

– Клэри, – резко сказал он. – Подожди... подожди.

Клэри на миг удивилась. Джейс любил целоваться и мог целоваться часами.

– Все в порядке? – неуверенно спросила она.

– Мне надо тебе кое-что сказать.

– О, нет... Что?

– Помнишь, когда мы попали сюда, мы все что-то увидели... А я сказал, что ничего не видел.

– Вовсе не обязательно было рассказывать. Это слишком личное.

– Нет, надо, – ответил он. – Ты должна знать. Я видел зал и в нем два трона – один золотой, другой из слоновой кости, и еще там была пустыня, покрытая пеплом. Наподобие той, по которой мы шли, но разрушения были свежие. Пожары еще полыхали, а по небу летали крылатые демоны. На одном троне сидел Себастьян, а на другом... я. Ты тоже была там, и Алек, Иззи, даже Макс... – Он помолчал. – Вы все сидели в клетке. В большой клетке, запертой на замок. И я знал, что это я посадил вас туда, я повернул ключ. И я не сожалел об этом. Я... торжествовал. – Он тяжело вздохнул. – Теперь можешь с омерзением меня оттолкнуть. Та к мне и надо.

Клэри вздрогнула, но не от омерзения, а от жалости.

– Все эти видения сотворил демон, – осторожно сказала она. – Он показал нам, что, по его мнению, мы хотим. *По его мнению*, понимаешь? Не то, что мы хотим на самом деле. Тебя растил Валентин, он контролировал тебя, и он внушал тебе свои представления о мире. Поэтому, когда демон заглянул в тебя, он увидел эти твои детские фантазии, в которых власть над миром занимала не последнее место. Но ты изменился, Джейс. Потом тебя воспитывали Лайтвуды, а это совсем другое представление о мире. К тому же ты рос и делал кое-какие выводы. На самом деле ты не желал того, что увидел. Ты очнулся и попытался избавиться от видений. Они тебе неприятны, ты *не хочешь* этого. – Она погладила его по щеке. – Любить не значит разрушать, Джейс.

Какое-то мгновение Джейс с удивлением смотрел на нее, будто видел впервые. Щеки у него загорелись.

– Позволь... – начал он и осекся. – Клэри, можно я тебя поцелую?

Вместо того чтобы кивнуть, она прижалась губами к его губам. Это был жаркий, долгий поцелуй, и они все теснее прижимались друг к другу. Джейс неожиданно поднял ее, вышел из озера и осторожно положил на мелкий песок. Немного поколебавшись, она притянула его к себе, осыпая поцелуями.

– Клэри, я не могу так... Ты должна сказать мне... Я *не думаю*...

Глаза Джейса потемнели от желания.

– Все в порядке, – прошептала девушка. – Не надо прекращать. Я *хочу*. Хочу, если ты хочешь.

– Если я хочу? Вот глупая! – Он тихо засмеялся и поцеловал ее в ключицу.

Его руки скользнули под лифчик. Клэри замерла, а потом, поймав его вопросительный взгляд, кивнула. *Дальше*. Рука скользнула ниже, к трусикам. *Да, продолжай, да*. И наконец они остались обнаженными.

Клэри почувствовала, как Джейс за чем-то потянулся, и услышала звук разрываемой обертки. Внезапно все показалось реальным, даже прозаичным, но это не разрушило очарование момента.

Джейс, приподнявшись над ней, напрягся, зрачки его глаз расширились.

– Что-то не так, Клэри? – спросил он.

– Нет, – прошептала она, – все так, так. – И снова притянула его к себе. – Поцелуй меня...

Их тела двигались в такт биению сердец, и ей хотелось, чтобы это никогда не кончалось.

...Потом она лежала с широко открытыми глазами и слушала, как он повторяет ее имя:

– *Клэри, Клэри, Клэри...*

Ей показалось, что пещера озарилась мягким золотым и белым светом, окутав их обоих

Небесным огнем. Это было самое прекрасное, что ей когда-либо случалось видеть.

Саймон сквозь сон слышал, как Клэри и Джейс встали и вышли из пещеры. *Тож же мне, конспираторы*, беззлобно подумал он.

– Саймон...

Он приподнялся на локте и посмотрел на Изабель. Она смотрела на него огромными темными глазищами. Щеки у нее покраснелись, и у Саймона от волнения перехватило дыхание.

– Иззи, ты в порядке? – спросил он. – У тебя температура поднялась?

Она улыбнулась и покачала головой:

– Просто жарко. Саймон... иди сюда.

Изабель взяла его за руку и крепко сжала.

– Иззи, нет...

А она уже уткнулась носом во впадину между его ключицами:

– Саймон...

Саймон погладил ее по спине. Иззи скинула рубашку и осталась в топики из мягкой плотной ткани. Она выглядела вполне здоровой, ничто не напоминало о том, что каких-то несколько часов назад ее жизнь висела на волоске.

– А где все? – спросила она. – Спят?

– Джейс и Клэри смылись, а Алек ушел к решетке на всякий случай, – сообщил Саймон. – Мы одни, и... – Он прикусил себе язык, чуть не выпалив: «И можем заняться любовью».

Иззи мгновенно перекатилась и очутилась на нем. Затем нежно положила руку ему на грудь.

– Ты спас мне жизнь, – сказала она.

– Я... – начал он и решил превратить все в шутку: – Лорд Монтгомери всегда к вашим услугам.

– Ммм... – Она как кошка потерлась носом о его нос. – Ах, лорд Монтгомери, вы все-таки неотразимы.

– Может быть, может быть... Но позвольте вам выразить свои опасения, сударыня, что в любую минуту нас могут застукать... эээ... то есть застигнуть, я хотел сказать. Это может повредить вашей репутации.

– А если просто целоваться?

– Не знаю, как к этому отнесется общество, но лорд Монтгомери не имеет ничего против.

Губы у Изабель были невероятно мягкие. Он почувствовал, как в артерии на ее шее пульсирует кровь... солено-сладкая, горячая... и даже не будучи голодным, он захотел...

– Можешь укусить меня, – прошептала девушка.

– Нет, – Саймон немного отодвинулся. – Нет... ты и так слишком много крови потеряла, я не могу. – Он почувствовал что-то похожее на угрызения совести.

Изабель соскользнула с него, села и обхватила руками колени. Вид у нее был разочарованный.

– Иззи, ты спала, когда мы об этом говорили... Мы не можем здесь оставаться – Себастьян найдет нас. Клэри нарисовала защитные руны на входах, но она не уверена в их силе. Завтра будет тяжелый день, и значит... – Он провел рукой по ее волосам. – И значит, тебе понадобятся силы.

Она искоса посмотрела на него:

– Когда мы оказались здесь, что ты видел?

Ему не хотелось лгать, но правда была неудобной и совсем не подходящей к этому моменту.

– Из, я...

– А я видела Макса, – перебила она. – Но видела и тебя. Ты был моим бойфрендом. Мы

жили вместе, и вся моя семья признала тебя. Иногда я говорю себе, что ты мне не нужен, что ты не вписываешься в мою жизнь, но сердце говорит иное. Ты нашел к нему дорогу, Саймон Льюис. Уж не знаю, как это случилось, но я ничего не могу с собой поделать.

– Изабель...

– А теперь ты давай признавайся.

Саймон как будто в омут нырнул:

– Я видел себя знаменитостью... У меня была роскошная квартира в Манхэттене, и я... был с Клэри, она была моей девушкой. – Он ощутил, как Изабель напряглась, и зачастил: – Иззи, послушай. *Послушай*. Она была моей девушкой, но, когда она призналась мне в любви, я сказал: «Я тоже люблю тебя... Изабель».

Она в упор посмотрела на него.

– *Изабель*, – повторил Саймон. – И на этом видение кончилось, потому что я знал, что в нем все не так. Это было не то, чего я действительно желаю.

– Почему ты говоришь мне, что любишь меня, только когда я припру тебя к стенке? – спросила она.

– Я не умею признаваться в любви. Но это не значит, что я не люблю тебя. Есть желания, которые лежат на поверхности, и есть желания наших душ, а моя душа желает тебя.

На мгновение повисла тишина.

– Скажи это еще раз, – попросила она. – Скажи, что ты меня любишь.

– Я люблю тебя, – прошептал он. – Можешь не отвечать мне тем же, но я люблю тебя.

Она придвинулась к нему ближе:

– Я чувствую это.

Их губы снова встретились, и на сей раз они целовались долго и нежно.

– Значит, меняем статус? – спросил Саймон, когда губы уже стали болеть от поцелуев.

– То есть? – засмеялась Изабель.

– Ну, теперь я официально твой парень, а ты – моя девушка. Значит, я могу изменить свой статус в Фейсбуке с «Трудно сказать» на «Отношения».

Изабель уже смеялась в голос:

– Ну тебя! Ноута у нас здесь нет, так что давай лучше займемся делом.

Саймон с ума сходил от удовольствия, чувствуя ее прикосновения, вкус ее рта, теплоту дыхания. Он забыл, что они находятся в стране демонов, откуда они могут уже никогда не вернуться. Какое это имеет значение, когда Иззи рядом, здесь и сейчас.

– ЧТО ЗДЕСЬ ПРОИСХОДИТ?!

Подскочив, они увидели Алека.

– ПОЧЕМУ БЫ ВАМ НЕ УЙТИ КУДА-НИБУДЬ, С ГЛАЗ МОИХ ДОЛОЙ?!

– Это Эдом, Алек, а не твоя комната, – ответила Изабель. – Нам некуда идти.

– Послушай, ты же сказал, чтобы я присматривал за ней... – начал было Саймон, но, сообразив, что сморозил глупость, осекся.

– А куда делись Джейс и Клэри? – раздраженно спросил юноша.

– Кто их знает... – деликатно ответил Саймон.

– Вот они проявили порядочность, – заявил Алек. – Вот они могут владеть собой.

– О, я не сомневаюсь, – согласился Саймон.

Джия Пенхоллоу сидела на столе в своем кабинете. Именно на столе, а не за столом. Ей так нравилось, к тому же она была одна и устала сверх всякой меры.

В руке Джия держала сообщение, полученное из Нью-Йорка, – сообщение, сумевшее обойти все караулы вокруг города. Она узнала почерк Катарины Лосс, но та, вероятно, писала под

Консул!

Вам пишет Майя Робертс; я временно исполняю обязанности вожака стаи. Мы понимаем, что вы делаете все возможное, чтобы вызволить Люка Гэрроуэя и тех, кто попал в плен вместе с ним. Мы надеемся на вас, нефилимов, а вы можете полагаться на нас. Нам стало известно, что Себастьян и его отряды завтра ночью нападут на Аликанте. Пожалуйста, постарайтесь подготовиться. Мне жаль, что мы не можем сражаться вместе с вами, но я знаю, что это невозможно. Так или иначе, Сумеречные охотники и обитатели Нижнего мира должны быть вместе.

С надеждой, М. Робертс

С надеждой. Джия сложила письмо, сунула в карман и подошла к окну. Перед ней лежал город, над которым раскинулось ночное небо; башни светились серебром, но скоро они замигают желто-красным. Незвестная ей Майя Робертс предупредила о нападении, но они и так знали, что скоро грядет битва. Сумеречные охотники будут сражаться до последнего: решительно, храбро, упорно, с жаждой мести и славы.

И с надеждой.

8. Ignis aurum probat

Джейс и Алек укрылись за скальным выступом над вершиной серого, покрытого галькой холма. Используя руны, обостряющие зрение, они наблюдали за тем, что происходит в полуразрушенной крепости; словно муравьи, там сновали группы Сумеречных охотников в красном, Помраченные.

Крепость была один в один похожа на Гард. Но это был *другой* Гард, и он таил в себе неизвестные им секреты.

– О, моя голова, – простонал Алек.

– Сам виноват, нечего было пить вчера, в конце концов, мы брали вино для других целей.

Джейс прищурился. Отряды Помраченных выстраивались по периметру. Самый большой отряд стоял перед воротами в крепость. На склоне холма располагались группы поменьше. Алек понял, что его *парабатай* прикидывает численность неприятеля, одновременно обдумывая стратегию.

– Тебе бы лучше не задаваться по поводу того, что вчера делал *ты*, – запоздало буркнул он.

Джейс взглянул на него с удивлением:

– С чего ты взял, что я задаюсь?

– Достаточно посмотреть на твое лицо, и все вопросы отпадают.

– Ну так не смотри, если раздражает, – пожал плечами Джейс.

– Помнишь, как ты высмеивал меня после встреч с Магнусом? Еще спрашивал, уж не свихнулся ли я? – Алек вытащил стилус и стал рисовать на предплечье *иратце*. – Считай, что это моя маленькая месть.

Джейс хмыкнул и выхватил стилус:

– Дай лучше я, а то у тебя руки дрожат. Вообще, конечно, хорошая идея – с помощью *иратце* избавиться от похмелья.

Через несколько минут Алек почувствовал облегчение.

– Фу, прости. Сам знаешь, я не пью, но вчера разобрало.

– Всё, проехали, закрываем тему. Знаешь, что интересно? – примирительно сказал Джейс. – Летучие демоны держатся на значительном расстоянии от Темного Гарда...

– От Темного Гарда? – переспросил Алек.

– А что, есть более подходящее название? – пожал плечами Джейс. – Та к или иначе, они держатся в стороне от холма. Но при этом я не сомневаюсь, что они служат Себастьяну.

– Но они не могут держаться *слишком* далеко. Думаю, Себастьян рассчитывает на их помощь.

– Да, но почему они не внутри крепости? Что-то за этим стоит, но что?

– Жаль, что у нас нет этого, как его... *скептрона*. – Алек понизил голос. – Мне кажется, он мог бы уничтожить немало демонов. Если, конечно, батарейка не подседа за столько лет. Хотя нет, помнишь, как сирена взывала. – У Джейса на лице появилось странное выражение, и Алек быстро добавил: – Ты же не знал, что все так обернется...

Джейс кивнул и с отрешенным видом произнес:

– Ладно, пойдем. Вернемся к остальным.

Они почти скатились по склону туда, где их ждали друзья. Саймон стоял рядом с Изабель, а Клэри, чуть в стороне, рисовала в записной книжке руны. По тому, как она недовольно качала головой и вырывала страницы, сминая их в руке, получалось не так, как ей хотелось бы.

– Мусоришь? – спросил Джейс, подходя к ней.

Клэри бросила на него уничтожающий, по ее мнению, взгляд, который на самом деле был

пронизан нежностью. Лицо Джейса озарила блаженная улыбка, и Алек, заметив ее, стал мрачнее тучи. Вот попал... С одной стороны сестрица с вампиром, с другой – Джейс с Клэри. Как будто они на романтическом уикэнде. Только у него нет пары. Он скучал по Магнусу, и не только скучал – он боялся за него, и этот страх не отпускал его ни на секунду.

– Джейс, здесь все мертво, – сказала Клэри. – Я почти уверена, что здесь уже нечего и некого возродить.

– И что вы там увидели, наверху? – спросила Изабель. Ей совсем не понравилось, что Алек и Джейс отправились на разведку без нее, но Алек настаивал, чтобы она берегла силы. Как ни странно, она его послушалась.

Джейс вынул из кармана стилус, присел на корточки и стал рисовать острым концом на земле.

– Смотрите, вот Темный Гард. Там всего один вход, через ворота во внешней стене. Он закрыт, но об этом позаботится Отворяющая руна. Вопрос в том, как подойти к воротам. Самые обороняемые позиции находятся здесь, здесь и здесь, – стилус быстро ударил по земле, – поэтому мы пойдем в обход и поднимемся сзади. Если тут все так же, как у нас в Аликанте, в чем я почти не сомневаюсь, то с другой стороны холма имеется естественная тропа. Потом мы разделимся здесь и здесь, – стилус выписал несколько закорючек, – и постараемся подогнать врага к центру. План ясен?

Некоторое время все молчали. Первым заговорил Саймон.

– А что это за штуковина? – спросил он. – Дерево?

– Это *ворота*, – ответил Джейс.

– Ооо... – обрадовалась Изабель. – А это? Ров с водой?

– Это траектория движения. Иззи, ты что, никогда не видела стратегическую карту? Чем ты занималась на уроках? – Джейс взъерошил волосы. – Вы всё поняли из того, что я сказал?

– Нет, я не поняла, – честно призналась Клэри. – Твоя стратегия, наверное, хороша, но художественные навыки оставляют желать много лучшего: Помраченные у тебя похожи на деревья, а крепость – на лягушку. Можно было бы и получше объяснить.

Джейс демонстративно скрестил руки на груди:

– Давай дерзай, с удовольствием послушаю.

– Ребята, у меня идея, – раздался голос Саймона. – Помните, я говорил об игре «Донжоны и Драконы»?

– О да, яркие воспоминания, – скривился Джейс, но Саймон не обратил внимания на его реплику.

– Смотрите, что получается. Все Помраченные одеты в красное. Их воля, насколько я понимаю, подчинена Себастьяну, верно?

– Верно. – Изабель бросила на Джейса уничтожающий взгляд.

– Я бы сделал такой ход, – продолжил Саймон. – Каким-то образом отобрал одежду, скажем, у пятерых Темных.

– Ага, они вернутся в крепость голыми, и все умрут от смеха. Ура, мы побелили, – язвительно произнес Джейс.

– Джейс, вероятно, Саймон хочет сказать, что надо забрать одежду и переодеться в нее, – укоризненно взглянула на него Клэри. – Переодевшись, мы можем незаметно подойти к воротам. Если Помраченные не очень сообразительны, то могут и не заметить подмены. Я такое видела в кино.

– Здесь не кино, – возразил Алек.

– Полагаю, все дело в том, смотрел ли такое кино Себастьян, – вставила Изабель. – И кстати, когда мы наконец встретимся с ним, какой будет наша стратегия? «Поверь мне»?

– Да, – кивнул Джейс, – а там посмотрим. – Он поковырял землю носком сапога. – Ладно, Саймон, мне нравится твоя идея, будем ее реализовать. Короче, поднимемся на холм с другой стороны, разденем Помраченных, а когда проникнем в Гард... – Он повернулся к Клэри: – Ты сможешь подпрыгнуть и нарисовать руну на стене?

– Смогу, – кивнула Клэри. – А что?

Вместо ответа Джейс улыбнулся.

Эмма сидела на кровати, заваленной бумагами. Она вытащила их из похищенной папки. Сверху лежали посмертные фотографии тел ее родителей. Отец и мать были без одежды, кожа серая, как пепел, и безобразные черные царапины там, где были метки. Песок вокруг них был мокрым, хотя они лежали далеко от линии прибой.

– Эмма... – В дверях стояла Хелен. Свет, струившийся из окна, посеребрил концы ее волос. Она была очень похожа на Марка, даже больше обычного. Быть может, потому что похудела за эти дни. – Эмма, откуда это у тебя?

Эмма вызывающе вздернула подбородок:

– Взяла у Джии.

Хелен присела на краешек кровати:

– Эмма, их надо вернуть.

– Вернуть? – Девочка ткнула пальцем в фотографии. – Никто даже не попытался понять, что случилось с моими родителями. Твердят: случайное нападение, но это не так, я знаю.

– Эмма, в тот день погибли не только твои родители. На наш Институт было совершено нападение. Нашего отца обратили...

– Но почему же тогда не обратили мою маму и моего отца? – воскликнула Эмма. – У этого Себастьяна каждый воин на счету. Я же видела, что там творилось: они обратили всех!

– Кроме юных и престарелых.

– Но мои родители не были ни теми ни другими.

– Ты что, предпочла бы, чтобы их обратили?

– Нет, – твердо ответила Эмма. – Но почему ты считаешь, что не так уж и важно, кто их убил? И что мне не стоит даже задавать вопрос – *почему*?

– Почему что? – В дверях, сдувая упавшую на глаза прядь, стоял Тиберий. Он выглядел младше своих десяти лет, и это впечатление усиливалось тем, что в руках он держал игрушку – плюшевую пчелу, которую притащил ему брат; на детском лице лежал отпечаток усталости. – А где Джулиан?

– На кухне, готовит еду, – ответила Хелен. – Есть хочешь?

– Он злится на меня? – спросил Тай и посмотрел на Эмму, которая успела прикрыть фотографии папкой.

– Нет, но ты же знаешь, что он огорчается, когда ты начинаешь кричать, – ответила девочка.

Вчера Джулиан потратил немало времени, вынимая разбитое стекло из руки брата, но когда Джулс сказал ему, что устраивать истерики не подходит мужчине, Тиберий снова разорался.

– Джулс хочет, чтобы с тобой все было в порядке, – добавила она. – Вот и всё.

– Тай, иди ко мне, – сладким голосом пропела Хелен, явно намереваясь его приласкать, но мальчик, обогнув ее, подошел к окну.

– Себастьян в любую минуту может войти в город? – спросил он.

– Может, но не думаю, что он заинтересован именно в нас. Кроме того, Совет составил план нашего спасения.

– У меня тоже есть кое-какой план, – прошептал Тиберий. – Не знаю, правда, сработает ли.

Эмма встала рядом с Таем. Город готовился к обороне. На улице было полно народу. Многие

тащили ящики, на одних было написано «ЗЕМЛЯ», на других «ЖЕЛЕЗО», ехала повозка с мешками, на которых была надпись «СОЛЬ». И на ящиках, и на мешках стояла печать в виде спирали. Эмма видела такую в Кодексе: печать Спирального, или Крутящегося, – в разных изданиях были разные названия, за несколько веков Кодекс переписывался не один раз, – лабиринта, в котором маги обучались своему искусству, а потом и совершенствовали его.

– Могильная земля, железо и соль, – задумчиво произнес Тай.

На лице Хелен отразилась тревога; девушка присоединилась к ним и тоже наблюдала за тем, что происходит внизу.

– Понятно, послали за волшебной амуницией, – сказал Тай. – И ее прислали из Лабиринта.

А может, это была идея магов.

– Я все-таки не пойму, что это значит? – спросила Эмма.

Тай улыбнулся, хотя улыбался он редко:

– Это значит, то, что сообщил Марк, правда.

Клэри не помнила, чтобы на ней было столько рун, и столько же было на ее друзьях, исключая Саймона – на вампиров руны не действовали. Выводя руны, она страстно желала, чтобы ее друзья были неуязвимы, и еще ей хотелось найти маму и Люка.

Она была довольна своей работой и надеялась, что это действительно поможет. Поможет! Руны всегда помогают Сумеречным охотникам, а за Саймоном она приглядит. Досаду вызывало только то, что она забыла нарисовать руну, которая защитила бы ее легкие, и в них постоянно забивалась пыль. Она кашлянула и, отвернувшись, сплюнув черную слюну, затем быстро, чтобы не заметил Джейс, вытерла рот рукой.

Возможно, Джейс и не обладал художественными способностями, но его стратегия была безошибочной. Они поднимались зигзагом, перебегая от одной груды камней к другой. Зелени не было и в помине – кругом только громадные валуны и щебенка, а вместо деревьев – мертвые пни. Клэри вспомнила тропу, ведущую к *настоящему* Гарду, зеленую и красивую, и с неприязнью окинула взглядом окружавшую ее пустыню.

Воздух был густым и жарким, и Клэри немного отстала, так как снова закашлялась. Друзей она догнала за высокой пирамидой из камней. Перед выходом они наполнили фляги водой из озера, и Алек нес их в своем рюкзаке. Его мрачное лицо покрывала черная пыль.

– Последняя, – сказал он и протянул флягу Изабель.

Девушка сделала маленький глоток и передала воду Саймону, но тот покачал головой – он не нуждался в воде.

Джейс с тревогой взглянул на Клэри, и она увидела свое отражение в его глазах – маленькая, бледная и грязная. Интересно, что он думает о ней после вчерашней ночи? Утром, когда они проснулись, Джейс улыбнулся ей, как всегда. Он был все тем же Джейсом, какого она любила.

Клэри набрала полный рот воды, и фляга перешла к Джейсу; он запрокинул голову и сделал глоток. Девушка отвернулась, чтобы не покраснеть, – о'кей, может, что-то и изменилось, но думать об этом было не время.

– Всё. – Джейс бросил пустую флягу, и та покатилась между камней. *Воды больше нет.* – Алек, твой рюкзак облегчился.

Джейс старался говорить беззаботно, но голос звучал сухо. Губы у него потрескались и немного кровоточили, несмотря на *иратце*. У Алека под глазами пролегли тени, а глаза Изабель покраснели от пыли, она часто моргала и терла их, когда ей казалось, что никто не видит. Все они выглядели ужасно, пожалуй, за исключением Саймона. Юный вампир стоял у пирамиды, положив руку на каменный выступ и постукивая по нему пальцами.

– Это могила, – неожиданно произнес он. – И там, и вон там.

– Ты о чем? – обернулся к нему Джейс.

– Это не нагромождения камней, это могилы. Тела павших в сражениях засыпали камнями.

– Значит, это могилы Сумеречных охотников, – покачал головой Алек. – Кто еще мог погибнуть, защищая Гард?

Джейс нахмурился:

– Мы всегда сжигаем покойных.

– Да, но не в этом мире, – сказала Изабель. – Всюду по-своему. Может быть, у них не было времени. Может быть, это была последняя пядь...

– Тихо... – На лице Саймона появилось выражение напряженной сосредоточенности. – Кто-то идет. Не демоны.

– Откуда ты знаешь? – шепотом спросила Клэри.

– Кровь, – отрезал Саймон. – Кровь демонов пахнет по-другому. Нефилимы?..

Джейс поднес палец к губам, и все замолчали. Сам он осторожно выглянул из-за пирамиды, подбородок его напрягся.

– Помраченные, – прошептал он. – Пятеро.

– Отлично. – На лице Алека появился волчий оскал. Он быстро взвел лук, вышел из укрытия и выпустил стрелу.

От Клэри не ускользнуло, что Джейс удивился – он не ожидал, что его *парабатай* отреагирует первым; схватив камень, он помчался вперед; Изабель, как кошка, метнулась за ним, но ее опередил Саймон, словно хотел прикрыть собой. Ушей Клэри коснулся чей-то короткий вскрик, и она вздрогнула – ей казалось, что этот мир населен мертвыми, а разве мертвые умеют кричать?

Она выхватила меч из ножен и вышла из укрытия. Четверо Помраченных в красном были готовы к бою. Тело пятой, блондинки, распростерлось на земле; из горла торчала стрела.

Это она кричала, подумала Клэри, и ей стало немного не по себе, а Алек тем временем снова натянул тетиву и снова выпустил стрелу. Темноволосый мужчина с брюшком с криком отступил – стрела попала ему в ногу; на него мгновенно напала Изабель, свистящий бич обвил его плечи. Когда мужчина упал, Джейс прижал его тело к земле и отсек голову. Следующим стал крепкий лысый мужчина; стрела Алека пробила ему глаз, и он упал. Раздался визг, женщина, стоявшая за мужчиной, замахнулась кривым клинком на Джейса. Клэри, не раздумывая, метнула кинжал, который мгновенно вытащила из-за пояса. Он вонзился в лоб женщины, и та молча рухнула наземь.

Последний из Помраченных побежал, спотыкаясь, вверх по склону. Саймон рысью пронесся мимо Клэри и прыгнул на него, как пантера. Помраченный вскрикнул от ужаса; Клэри скорее поняла, чем увидела, что Саймон пустил в ход клыки. Раздался звук, напоминающий рвущуюся бумагу. Немного погодя Саймон поднялся и спустился к ним. Его одежда и лицо были в крови. Он смущенно улыбнулся и развел руками, потом сплюнул; казалось, его сейчас стошнит.

– Горькая... Кровь горькая, – сказал он.

Изабель побледнела.

– Ненавижу его, – прошептала она. – Ненавижу Себастьяна! – Ее голос окреп. – Он поступил с ними хуже, чем убийца. Ведь они уже не Сумеречные, и их нельзя будет проводить в последний путь по нашим обрядам. Никто не будет скорбеть по ним. Если бы я кого-то любила и его вот так обратили, я бы... я бы была счастлива, что мой любимый умер. – Она тяжело задышала, но все-таки сдержала рыдания.

Джейс взглянул на небо:

– Давайте переодеваться... Скоро стемнеет, и к тому же нас могли заметить.

Они молча скинули куртки. В том, что им предстояло сделать, было что-то удручающее.

Одно дело – убить Помраченных, хотя и это оказалось делом нелегким с моральной точки зрения, ведь внешне они выглядели совсем как люди, и совсем другое – снять с мертвых тел одежду и надеть на себя. Клэри не могла оторвать взгляда от каштановых волос Помраченного, загрызенного Саймоном, она размышляла, не отец ли это Джулиана.

Но выхода у них не было. Она натянула куртку и брюки блондинки и, обнаружив, что они ей велики, быстрым движением ножа укоротила рукава и штанины; чтобы куртка не болталась, она потуже затянула пояс с оружием. Алеку одежда была почти впору, но выглядела на нем явно с чужого плеча. Саймону рукава оказались слишком тесными, и он сделал прорези на плечах, чтобы было легче двигаться. Джейсу и Изабель повезло больше других, если не считать того, что куртки были здорово испачканы кровью, но Джейса это, похоже, несколько не раздражало.

Спрятав трупы за пирамидой, они зашагали к Темному Гарду, зорко поглядывая по сторонам.

Подъем вдруг выровнялся, и они ступили на плато. Казалось, один негатив наложили на другой: Клэри мысленным взором видела их Гард, весь в зелени, и Гард зеркального мира. Вершину холма продувало таким холодным ветром, что Клэри еще туже затянула пояс. Горизонт был красного цвета, как перерезанное горло. Везде сновали Помраченные.

– Ты бы лучше надела капюшон, – услышала Клэри за спиной голос Джейса, и он тут же сам нахлобучил ей капюшон на голову. – Тебя по волосам могут узнать.

– Кто ее узнает, Помраченные? – спросил Саймон.

В алом наряде он казался Клэри чужим. Таким она его *никогда* не видела и видеть не хотела.

– Себастьян, – отрезал Джейс и тоже натянул капюшон. Они вынули оружие: Изабель обмотала вокруг руки свой бич, Алек держал лук, а Клэри и Джейс сжимали рукоятки мечей.

Джейс молча смотрел на крепость. Клэри видела острые очертания его скул и крепкий подбородок. Он был готов к сражению, как и все.

– Идем к воротам, – скомандовал он и двинулся вперед.

Клэри выпрямилась и почувствовала, что ей стало легче дышать. Она заметила, что пыли здесь почти нет, вернее, она была утрамбована множеством ног. Мимо прошел воин в красном, загорелый, высокий и мускулистый, но даже не взглянул на них, и это обнадеживало. В нескольких футах от него шла невысокая седоволосая женщина. Клэри почувствовала волнение: *Аматис?* – но, когда та приблизилась, ее лицо оказалось незнакомым. И все равно Клэри показалось, что та задержала на ней взгляд, что вызвало неприятное жжение под ложечкой.

На массивных железных воротах был вырезан рисунок: рука, сжимающая *скептрон*. Поверхность ворот была иссечена и местами покрыта запекшейся кровью.

Клэри вытащила стилус, готовясь нарисовать Отворяющую руну... но ворота распахнулись от одного ее легкого прикосновения. Она с удивлением оглянулась на остальных. Джейс пожал плечами, как бы говоря: *идем вперед, что же еще?*

За воротами оказался глубокий и узкий ров, через который был перекинут мост. На дне гнездилась тьма, более густая, чем просто туман. Изабель ступила на мост первая, а Алек шел замыкающим. Бросив взгляд вниз, Клэри едва не упала – у тьмы были щупальца, длинные, крючковатые, похожие на ноги паука, и светящиеся желтые глаза.

– Не смотри, – прошипел Джейс, и Клэри перевела взгляд на золотой бич Изабель.

Когда они подошли к дверям башни, Джейс без труда отыскал щеколду и открыл дверь.

За дверью была темнота. Они смотрели друг на друга, не в состоянии преодолеть сковавший их паралич. Клэри поймала себя на том, что старается запомнить карие глаза Саймона, очертания ключиц Джейса под красной курткой, изгиб бровей Алека и беспокойный взгляд Изабель.

Перестань, приказала она себе. Это не конец. Ты еще увидишь их.

Она оглянулась. За мостом виднелись распахнутые ворота, а за ними неподвижно стояли Помраченные. Они наблюдали за ними.

Ну. Она сделала шаг вперед, в темноту. Джейс тихо окликнул ее, почти шепотом, и она кивнула в ответ. Потом холодное движение воздуха с грохотом захлопнуло за ними дверь.

Вспыхнул свет, и Клэри вздрогнула. Они попали в огромный вестибюль. Наверх вела лихо закрученная двойная винтовая лестница, а на балюстраде, опираясь на перила, стоял Себастьян и с улыбкой смотрел на них.

Это была поистине дьявольская улыбка: в ней была радость предвкушения. Алая униформа оттеняла белые волосы.

– Ах, Клэри, Клэри. – Он покачал головой. – Мне казалось, что ты гораздо умнее.

Клэри попятилась, но взяла себя в руки. *Не отступать.*

– Умнее тебя? – спросила она, и ее голос эхом отразился от стен. На них не было ни гобеленов, ни картин, ничего, что могло бы смягчить звуки. – Вижу, ты нас ждал... Но учти, нас пятеро, а ты один.

– Я что, должен удивиться вашему появлению? Что там прописано в вашем сценарии? – Он скривил лицо в насмешливой гримасе, и у Клэри внутри все похолодело. – Кто бы мог *поверить*? – В его голосе звучала издевка. – Но раз уж вы пришли... хочу сказать, что вы сделали всё не так, вы запустили огромную стрелу, летящую прямо в вас. – Он вздохнул. – Впрочем, я всегда знал, что вы все ужасно глупы. Даже красавчик Джейс, мой названный братец. Может быть, если бы отец потратил на тебя еще несколько лет... но нет, и это бы не помогло. Эрондейлы всегда больше могли похвастать очертанием своих подбородков, но не умом. А что касается Лайтвудов, то, чем меньше о них говорить, тем лучше. Черeda идиотов. Но ты, Клэри...

– Ты забыл меня, – сказал Саймон.

Себастьян перевел неприязненный взгляд на юношу.

– О тебе вообще речи нет. Ты – каждой бочке затычка. Так, назойливый вампирчик. А я ведь убил твоего покровителя, ты как, почувствовал или нет? Скорее всего, нет, ведь ты во всех смыслах бессердечен.

Саймон замер, и Клэри вспомнила, как он согнулся пополам в пещере, словно от невыносимой боли.

– Рафаэль, – прошептал Саймон, и Алек сжал его локоть. – А что с остальными? С Люком... Магнусом...

– Что с нашей мамой? – спросила Клэри. – Уверена, ты не смог бы поднять на нее руку.

Себастьян раздраженно ухмыльнулся:

– Она *мне* не мать. Ладно, не беспокойся, она жива. А что касается оборотня и мага, ничего сказать не могу. Убив Рафаэля, я к ним еще не навещался. Когда я видел мага в последний раз, он был не совсем здоров, – добавил он. – Полагаю, здешнее измерение не для него. И очень может быть, что он уже подох. Но вам все-таки не следует думать, что предвидел ваше появление.

– А это ты предвидел? – Алек вскинул лук и выпустил стрелу, но Себастьян на лету поймал ее. Клэри услышала, как ахнула Изабель.

– Ну ты и озорник, – неодобрительно хмыкнул Себастьян. – Пытаешься причинить мне вред здесь, в моей цитадели, да? Я уже говорил, что ты – глупец. Все вы – глупцы.

Он щелкнул пальцами, и это прозвучало, как ружейный выстрел. Створчатые двери в глубине распахнулись, и в вестибюль ворвались демоны.

Клэри ожидала этого, но то, что она увидела... подготовиться к этому было невозможно. Демоны-гуманоиды исполинских размеров, лишенные кожи, демоны-пауки с ядовитыми

жалами, демоны-богомолы с разверстыми челюстями, демоны... демоны... демоны... Она заставила себя успокоиться и вскинула взгляд на Себастьяна.

Он поднял руку и снова щелкнул пальцами:

– Прекратить!

Демоны, как по команде, застыли. Клэри почувствовала, как Джейс сжимает ее руку, и сразу поняла, что он хочет сказать.

– Это моя сестра, – произнес Себастьян, – не трогайте ее. Остальных убейте. – Прищурившись, он взглянул на Джейса. – Если сможете, конечно.

Демоны бросились в атаку. Рубиновая подвеска Иза бель пульсировала, словно стробоскоп, посылая сигналы, и Клэри увидела, что ее друзья стали теснить демонов.

Ей выпал шанс. Она бросилась к стене, вытаскивая на бегу стилус, и вонзила его в гладкий мрамор. В камне появились небольшие трещины, которые быстро разрастались, но она невозмутимо продолжала чертить стилусом. Уши закладывало от воя демонов, который вспарывал лязг оружия. Она почувствовала боль в лодыжке и на секунду опустила глаза. Ее ботинок обвило щупальце поугаеобразного демона. Щиколотку сдавило сильнее. Клэри закричала, и стилус выпал у нее из рук, она упала на бок, и в этот миг у нее над головой просвистела стрела, выпущенная Алеком. Стрела вонзилась в плоть чудовища, и то наконец отпустило ее. Она снова схватила стилус и принялась чертить. Внезапно руны вспыхнули. Клэри оглянулась и рядом с Алеком увидела Джейса; он держал в руке меч и не сводил с нее глаз.

Она кивнула ему: *да*.

Рисунок на стене образовал неровный круг, как вход в тоннель. Портал... хотя и необычной формы.

Джейс пролетел мимо нее и бросился в него. Краем глаза Клэри увидела в ряби Портала статую Джонатана Сумеречного Охотника и продолжила чертить руны, не давая Себастьяну закрыть канал. Джейсу понадобится всего несколько секунд...

Себастьян что-то крикнул на незнакомом ей языке. Одновременно Клэри увидела бегущего к ней демона-скорпиона. Она отпрянула, но демона настиг бич Изабель: по полу растекся вонючий гной. Внезапно Портал озарился ярчайшим светом, и в нем появился Джейс.

Клэри затаила дыхание. Никогда еще Джейс не напоминал так Ангела отмщения, проходящего сквозь огонь. Его светлые волосы, казалось, горели, глаза сияли, в руках он держал оружие – *скептрон* Джонатана. За спиной Джейса Клэри видела темные очертания демонов, которые были бессильны напасть на *вора*.

Джейс поднял *скептрон*, и Себастьян, вцепившийся в перила балюстрады, смертельно побледнел.

– Джонатан, Джонатан, я *запрещаю!*.. – крикнул он.

Юноша стукнул *скептроном* по полу, и камень наверху ярко вспыхнул. Свет разлился по всему залу, и Клэри увидела, как демоны рассыпаются в пепел.

Девушка зажмурилась – сияние было нестерпимым, и вдруг наступила тишина. Открыв глаза, она обнаружила, что вестибюль почти опустел – остались только ее друзья, демоны исчезли... а Себастьян стоял неподвижно на лестнице, по-прежнему бледный и испуганный.

– *Нет*, – сквозь зубы произнес он.

Джейс так и стоял со *скептроном* в руке; камень наверху теперь напоминал перегоревшую лампочку. Он с усмешкой взглянул на Себастьяна.

– Думал, мы не знали, что ты нас ждешь? – сказал он. – Так знай, мы *рассчитывали* на это. – Он сделал шаг вперед. – Я слишком хорошо знаю тебя. Ты управлял мной, заставлял меня делать то, что хочется тебе, но я многое понял про тебя. Я знаю твои мысли, твои планы, тебя не так уж сложно просчитать. Ты думал, что мы не догадывались о том, что ты устроишь ловушку,

но, как видишь, просчитался.

– Заткнись, – прошипел Себастьян. – За это вы заплатите кровью. – Он исчез так быстро, что даже выпущенная Алеком стрела не смогла его настигнуть.

– Джейс, – окликнула Клэри. Он, казалось, застыл. – Джейс, Себастьян сказал, что мы заплатим кровью, но на самом деле, я думаю, он имеет в виду не нашу кровь, а кровь Люка, Магнуса и мамы. Мы должны найти их.

– Согласен. – Алек опустил лук; во время битвы он сбросил красную куртку, которая мешала ему; футболка была вся в отвратительных пятнах черного ихора. – Я подозреваю, что в этом здании могут быть потайные ходы. Нам надо разделиться. Джейс, Клэри, поднимайтесь по лестнице и идите в правую сторону, а мы посмотрим, что слева.

Клэри кивнула. Джейс не пошел бы без нее, а Алек – без своей сестры, Изабель и Саймон стояли, взявшись за руки, а идти всем скопом было бы глупо.

– Джейс, – повторил Алек, пытаясь вернуть *парабатая* к реальности.

– Я готов, – тряхнув головой, словно прогоняя наваждение, Джейс отбросил *скептрон*, и тот со стуком упал на пол. В эту секунду дверь распахнулась, и в вестибюль ворвались Помраченные. Ребята ринулись вверх и, добежав до балюстрады, разделились. Клэри показалось, что Саймон окликнул ее, она обернулась, но Саймона уже не было. Помраченные гнались за ними, и единственным спасением была приоткрытая дверь в торце.

Джия Пенхоллоу стояла на балконе и окидывала взглядом город. Балкон был парадный, и пользовались им редко. Было время, когда Консул выходил на балкон, чтобы выступить перед народом, но последний раз такое случилось в девятнадцатом веке, а потом Консул Фэйрчайлд решил, что это слишком уж смахивает на королевский ритуал. Но сейчас наступил особый случай.

Спустились сумерки, и в домах загорелись огни. Ведьмины огоньки в окнах частных домов, ведьмины огоньки в витринах магазинов, которые все еще работали, ведьмин огонь, освещающий огромную статую на Площади Ангела, ведьмины огоньки в палатах госпиталя... Вспомнив записку Майи Робертс, Джия глубоко вздохнула. В записке говорилось о надежде, и это было единственным, что питало всех.

Башни вспыхнули синим цветом, и Джия заговорила. Ее голос полетел над городом. Жители Аликанте ждали выступления своего Консула.

– Нефилимы, – обратилась она к ним. – Вы – дети Ангела, и вы – воины. Нынешней ночью нам предстоит схватка с Себастьяном Моргенштерном. – Ледяной ветер пронесся по холмам, окружавшим город, Джия вздрогнула. – Себастьян Моргенштерн хочет уничтожить нас, – продолжила она. – Он создал армию, в рядах которой наши бывшие братья и сестры, но знайте – они мертвы. То, что вы увидите, – это только оболочка. Помраченные – не нефилимы. Они – чудовища, в них нет ни капли человеческого, ни капли священной ангельской крови. У нас нет времени на раздумья, мы будем сражаться с ними. За Себастьяном – силы Тьмы, у нас – сила Ангела. *Ignis aurum probat* – огонь закаляет золото. Вы знаете, что надо делать. Вперед, дети Ангела. Вперед, возжигайте огонь войны!

9. Два зала

Воздух внезапно пронзило завывание сирены, Эмма подпрыгнула на кровати, и бумаги рассыпались по полу. Сердце у нее колотилось. Башни за окном тревожно мигали золотым и красным.

Не успела она зашнуровать ботинки, как в комнату влетел Джулиан. На нем были джинсы, куртка и кроссовки; за поясом – короткий меч. Мягкие каштановые кудри взлохмачены.

– На город вот-вот нападут, – сообщил он. – Эмма, нам надо идти в Гард. Всех детей решили запереть в Зале Соглашений. Это самое безопасное место в Аликанте.

– Я не пойду, – отрезала Эмма.

Джулиан взглянул на нее с удивлением:

– Почему?

– Я не собираюсь прятаться, буду сражаться вместе со всеми.

Джулс запустил руки в волосы, и теперь они напоминали стог сена после урагана.

– Если так, то и я тоже, – произнес он. – Но есть одна заминка. Вернее, даже две. Во-первых, некому отвести Тэйви, а во-вторых, некому приглядывать за Ливви, Таем и Дрю.

– А как же Хелен, Алина Пенхоллоу?

– Все Пенхоллоу в Гарде, в том числе и Алина. А Хелен ждет, когда мы спустимся. Эмма, Хелен не сможет приглядеть за такой оравой, она одна. – Он посмотрел на девочку, и она подумала, что взгляд у него совсем взрослый. – Эмма, – продолжил Джулс, – ты сражаешься лучше всех нас, даже лучше меня, но... Для них я не просто старший брат. Теперь я заменяю им отца, я им нужен, а ты... ты нужна мне. – На бледном лице горели глаза цвета морской волны; Эмма давно не видела своего друга таким взволнованным.

Она подошла и взяла его за руку, их пальцы переплелись. Джулс вздохнул с облегчением. Через открытую дверь девочка видела всю четверку: Тиберий держал на руках Тэйви, Дрю и Ливви прижались друг к другу. У нее сжалось сердце.

– Пойдемте, – сказала она, чувствуя ответственность за этих детей.

Джейс выпустил руку Клэри и закрыл дверь. Девушка старалась не кашлять, хотя легкие, казалось, сейчас разорвутся.

– Что-то не так? – спросил Джейс, но тут дверь стала прогибаться от ударов, и они снова побежали.

Перед ними был длинный коридор с унылым рядом дверей; на каждой двери, в самом центре, едва заметно испускавшие свет руны. Сначала Клэри подумала, что это руны смерти и тьмы, но, присмотревшись, обнаружила, что это руны скорби, причем не просто скорби, а Скорби по утраченному миру. Откуда они здесь взялись? Клэри знала, что, когда погибал кто-то из Сумеречных, его близкие носили значки с изображением очень похожей руны – Руны скорби по погибшему, но между скорбью по одному и скорбью по многим, а тем более целому миру все-таки есть разница.

Девушка наугад подошла к одной из дверей, которая казалась чуть побольше остальных, применила Отпирающую руну, и та сработала. Они вошли внутрь.

Перед ними был полукруглый зал, отдаленно напоминающий Зал Совета в Гарде. В центре на коленях стоял Себастьян и что-то быстро чертил на полу – печати, соединенные кругом. Поняв, что он делает, Клэри бросилась к нему... и застыла как вкопанная. Перед ней выросла огромная серая фигура. Единственным отверстием в покрытом слизью туловище был рот, полный неровных зубов. Бегемот... Клэри уже приходилось видеть этого демона.

Она потянулась за мечом, но Джейс опередил ее. Пролетев через зал, он отсек безглазую голову. Раздалось громкое завывание, сменившееся гортанным визгом. Туловище продолжало извиваться, норовя придавить Джейса. Тот снова пустил в ход меч; во все стороны полетели куски склизкого мяса, и Клэри едва не вырвало. Наконец Джейс справился с чудовищем.

Ненадолго воцарилась тишина. Джейс оглядел зал, как будто ожидая, что из полумрака появятся еще демоны, но ничего не произошло.

Себастьян, оторвавшись от своего круга, медленно, картинно аплодировал.

– Прекрасная работа, – похвалил он. – Бьюсь об заклад: папа наградил бы тебя Золотой звездой. Ладно, хватит шутить. Взгляните-ка вот на это.

Клэри и Джейс подняли глаза и увидели два огромных трона. Один из слоновой кости, другой – золотой; у каждого закругленная спинка и к каждому ведут ступеньки.

– *И живой; и был мертв*, – процитировал Себастьян, – *и се, жив во веки веков, аминь; и имею ключи от ада и смерти*^[6]. – Он жестом указал на изображение ключей на спинке тронов.

Клэри вдруг заметила в глубине коленопреклоненную фигуру в красном. Женщина... лицо скрыто под низко опущенным капюшоном.

– Эти троны подарили мне демоны, которые правят этим миром, Лилит и Асмодей, – продолжил Себастьян, не сводя с девушки взгляда.

Клэри показалось, будто холодные пальцы пробежали по ее позвоночнику.

– Не знаю, зачем ты нам это показываешь, – сказала она. – Чего ты ждешь? Восхищения? Та к знай, лично я не восхищена. Можешь угрожать мне, если хочешь, но этим ты ничего не добьешься. А Джейсу... Джейсу ты угрожать не можешь, потому что у него в жилах Небесный огонь.

Себастьян усмехнулся:

– Еще неизвестно, сколько Небесного огня у него осталось после недавнего фейерверка. Здорово я придумал с тем демоном? – обратился он к Джейсу. – Я знал, что ты чуть ли не сопли пускал из-за убийства Железной сестры, хоть и бывшей.

– Это ты заставил меня убить ее. Это не я убил сестру Магдалену, а ты.

– Пусть так. – Себастьян холодно улыбнулся. – Но у меня есть и другие средства. Аматис, приведи сюда Джослин.

Клэри показалось, будто ее ударили кинжалом. Женщина, стоявшая на коленях, поднялась. Это действительно была Аматис.

– Приведу с большим удовольствием, – сказала она и вышла из зала; вслед за ней тянулся подол длинной красной мантии.

Джейс взревел и метнулся к Себастьяну... и натолкнулся на невидимую стену, преграждавшую путь.

Себастьян хмыкнул:

– Неужто я позволил бы тебе приблизиться... ведь в тебе полыхает огонь. Обожгусь еще.

– Значит, ты боишься, что я могу убить тебя? – Джейс посмотрел на Себастьяна в упор, и Клэри невольно подумала, какие они разные – лед и пламень. – Но ты же не можешь скрываться здесь вечно. В конце концов... ты умрешь от голода.

Себастьян сделал быстрый жест пальцами – Клэри видела, что так делает Магнус, когда творит свои колдовские дела, – и Джейса вдруг словно подняла за шиворот невидимая рука, отбросившая его в конец зала. Он сполз по стене и не удержал стона, по волосам потекла кровь; глаза закрылись.

Себастьян довольно кивнул и опустил руку.

– Ты только не волнуйся, сестричка, – сказал он и посмотрел на Клэри. – С ним все будет в порядке. Со временем. Но у меня в запасе еще кое-какие штучки, и я могу пустить их в ход.

Клэри знала, как это важно – ничем не выдать своих эмоций. Сущность Себастьяна была ей хорошо известна, и это было ее преимуществом в борьбе с ним.

– Я никогда не сомневалась в твоих способностях, – произнесла она и подумала, что так и должно было случиться: она должна остаться с сыном Валентина Моргенштерна один на один, без поддержки Джейса. И она все равно одержит над ним победу.

– *Способностях*, – повторил он, как будто это было оскорблением. – Ты так это называешь? Это больше, чем способности, Клэри. Я могу создать реальность. Видишь эти экраны? – Он показал на экраны за тронами. – В одном из них тот мир, в котором мы родились. В другом – тот мир, в котором мы находимся сейчас. Я пришел в этот мир, потому что он стал для меня убежищем. Не буду скрывать, поначалу мне было некомфортно. Но потом я начал кое-что понимать. Наш отец не раз говорил мне, и, кстати, этому недоноску тоже, – он показал на Джейса, который по-прежнему лежал без движения, – что лучше править в аду, чем прислуживать на Небесах. Здесь я правлю. У меня есть армия – Помраченные, и мне подчиняются демоны. Когда границы этого мира запечатаны, здесь все дает мне силу. Со временем Великие демоны, оценив мою работу, вознаградят меня. Я буду править Бездной, которая бесконечна.

– *И будет пасти их жезлом железным*, – произнесла Клэри, вспомнив Алека, – *и дам ему звезду утреннюю*.

Глаза Себастьяна загорелись.

– Да! – воскликнул он. – Вижу, ты понимаешь. Мне хотелось залить наш мир кровью, но на самом деле мне нужно большее...

– Хочешь стать дьяволом? – содрогнувшись, спросила Клэри. – Хочешь править адом? Ну так, вперед, только пообещай, что оставишь наш мир в покое.

– Нет, – ответил Себастьян. – Я обнаружил, что кое-чем отличаюсь от Люцифера. Я не хочу править в одиночку. – Он указал на троны. – Один из них – для меня. А другой... другой – для тебя, Клэри.

Улицы Аликанте были непривычно темными – таково было распоряжение Джии: не жечь свет, как в обычные дни. Эмма шла за Хелен, которая держала в одной руке слабо мерцающий ведьмин огонь, а в другой – арбалет. Джулиан нес Тэйви; малыш спал, положив голову ему на шею. Сама Эмма вела за руку Дрю, а близняшки шли рядышком и молчали.

Дрю то и дело спотыкалась и даже несколько раз упала, и Эмме пришлось поднимать ее. Она вытирала нос малышке, промокала слезы на ее щеках, шептала какие-то ласковые слова и как могла подбадривала. Так всегда делала мама, если Эмме было плохо. Ей не хватало родителей, а сейчас особенно.

Небо окрасилось в красный цвет – башни полыхали только алым, золото исчезло.

– Рушатся городские стены. – Хелен посмотрела на Гард; девочка знала, что она думает об Алине. – Идемте... быстрее, быстрее.

Эмма дернула Дрю за руку, и та еле удержалась на ногах, но на сей раз не заплакала, – малышка понимала, что дело плохо. Близнецы, не расцепляя рук, почти бежали.

Они почти поднялись на самый верх по выщербленной лестнице, ведущей к Площади Ангела, когда Джулс выкрикнул:

– Хелен, берегись!

Оглянувшись, Эмма увидела рыцаря-фейра в белых доспехах. В руках он держал лук, сделанный из кривой ветки, у него были длинные волосы цвета коры. На миг он встретился взглядом с Хелен, и выражение его лица изменилось – не признал ли он в ней кровь Дивного народца? – но Хелен уже выстрелила в него из арбалета.

Стрела попала в стену за спиной рыцаря. Он ухмыльнулся и ступил на первую ступеньку, и вдруг, вскрикнув, упал. Эмма только сейчас заметила, что в края ступенек вмонтированы острые железные ножи, соприкосновение с которыми было болезненным для фейров, а иногда и смертельным. Хелен выстрелила еще раз. Стрела пробила доспехи рыцаря и вонзилась ему в грудь.

– Смотрите. – Девушка указала на ближайший дом, где с веревки, привязанной к краю крыши, свисал длинный ряд ножиц. – Горожане приготовились защищаться.

Дрю неожиданно завизжала. К ним спешила еще одна фигура. Фея в светло-зеленых доспехах со щитом в виде наложенных друг на друга листьев.

Эмма вытащила из-за пояса нож и, почти не целясь, метнула. Фея подняла щит, но нож, пролетев у нее над головой, рассек привязанную к крыше веревку. Упав, ножицы вонзились в плечи феи, и та забилась в судорогах.

– Хорошая работа, Эмма, – сдержанно похвалила Хелен. – Идем...

На перекрестке дорогу им преградили трое Помраченных. Они были в красном – цвет, который Эмма возненавидела после нападения на Институт. Дети спрятались за Джулиана и замолчали.

Хелен вскинула арбалет и выпустила стрелу. Один из Помраченных пошатнулся, но не упал. Джулиан свободной рукой потянулся к клинку. Эмма нащупала рукоять Кортаны... и услышала свист. В воздухе пролетел крутящийся предмет и врезался в горло Помраченного, брызнула кровь; Помраченный рухнул навзничь. *Сюрикен*, вспомнила Эмма. Это оружие называется *сюрикен*, им рассказывала о нем Кейт, которую тоже обратили, и даже показывала, как правильно метать остро заточенную «звездочку».

Еще два сюрикена вонзились в грудь Темным охотникам; теперь путь был свободен.

Эмма повернулась и увидела худощавого Сумеречного охотника в темной одежде.

– *Брат Захария?* – изумилась Хелен.

– Что там происходит? – прохрипел Магнус. Та к плохо ему еще никогда не было... ну, может быть, в начале позапрошлого века, когда он попал в зыбучие пески. С улицы доносились крики.

Люк прижался лицом к узкому окну.

– Свет... Какой-то свет с башни... Не видно...

– Ну-ну, – сказал Магнус и впервые за последние несколько дней улыбнулся.

Люк удивленно посмотрел на него, а потом хлопнул себя пятерней по лбу:

– Неужели Конклав...

– *Конклав?* – язвительно переспросил Магнус. – Не рассчитывай, они сюда не придут. Дочь Джослин, это она.

Люк пришел в ужас:

– Клэри? Нет. Ей не следует здесь находиться.

– А разве ты не заметил, что она всегда находится там, где ей не следует быть? – изрек Магнус. – И она не одна. Тут вся их компания. Мой...

Он не договорил, услышав скрип двери. Как же ему все это надоело... Наверняка Себастьян пришел убить их. Он закрыл глаза, не желая видеть паршивца.

Но это был не Себастьян. Магнус на миг забыл о своей немощи. Над ним склонился Алек. Глаза Алека были огромные, синие, и в них застыла мука.

– О, мой Алек, – прошептал колдун. – Ты пришел спасти меня. Я так тронут.

По мере их приближения к центру народу становилось все больше. Нефилимы сражались с Помраченными, были здесь и фейры, но те двигались вяло, так как рассыпанная по всему городу соль вперемешку с могильной землей и ножи из кованого железа сделали свое дело.

На Помраченных ни соль, ни земля не действовали, а ножи – если только были пущены в ход Сумеречными охотниками. Гард был залит кровью.

Тэйви проснулся и плакал, но его плач терялся в шуме битвы.

Хелен выглядела ужасно: она была полукровкой, и защита против фейров начала на нее действовать.

Их догнал брат Захария – *просто Захария* напомнила себе Эмма и тут же подумала: *а может, все-таки брат?* – и повел вперед, время от времени пуская в ход меч.

Эмма горела желанием опробовать Кортану в деле; ей хотелось отомстить за родителей, за отца Джулиана, который теперь, возможно, сражался против своих бывших собратьев на соседних улицах, за Марка, которого отдали Диким охотникам, но она не могла оставить Джулиана и детей. Она слишком многим была обязана Блэкторнам, и особенно Джулсу.

Наконец, они поднялись по ступенькам, ведущим к массивным дверям Зала Соглашений. Вход в зал охранялся. Эмма узнала женщину с татуировкой *кои*. Диана Рэйбёрн – она запомнила ее имя.

– Скорее, сейчас мы закроем двери, – сказал плечистый нефилим. – Но внутрь допускаются только дети, – обратился он к Хелен и Захарии.

– Хелен, – голос Дрю задрожал.

– Всё в порядке, – с трудом выдавила улыбку девушка. – Это самое безопасное место в Аликанте. Видите, по ступенькам рассыпаны соль и могильная земля, чтобы отпугнуть врагов.

– И железо под каменными плитами, – кивнула Диана. – Инструкции магов Спирального лабиринта соблюдаются до последней буквы.

При упоминании Спирального лабиринта Захария глубоко вздохнул, присел на корточки и заглянул Эмме в глаза.

– Эмма Корделия Карстейрз... – Он казался и молодым и старым одновременно. – Ты должна быть со своим *парабатаем*, – сказал он, внимательно изучив ее лицо. – Иногда храбрость проявляется в том, чтобы отказаться от битвы. Ты должна защитить их, а месть... еще успеешь отомстить.

– Но у меня нет *парабата*... и откуда вы...

Один из нефилимов, охраняющих вход, закричал и упал; из его груди торчала стрела с красным оперением.

– Всем в укрытие! – крикнула Диана.

Эмма почувствовала, как ее хватают и буквально запикивают в зал; она повернулась, чтобы в последний раз взглянуть на Захарию и Хелен, но было уже поздно, створчатые двери захлопнулись.

– Нет! – Клэри переводила взгляд с трона на Себастьяна и обратно. *Ни о чем не думай, приказала она себе. Сосредоточься на Себастьяне, на том, что здесь происходит, на том, что можно сделать, чтобы остановить его. Не думай о Джейсе!* – Я не останусь здесь. Это твое дело, что ты выберешь – править адом или воевать с Небесами, но мне не надо ни того, ни другого... я просто хочу вернуться домой и жить своею жизнью.

– Ты не попадешь домой: я закрыл путь, который привел тебя сюда. Та к что придется

остаться. Повторяю, Клэри, остаться здесь, со мной.

– Но почему? – прошептала она. – Почему я?

– Потому что я люблю тебя, – ответил Себастьян. Ему было... не по себе. Казалось, будто он тянется к чему-то, но не может дотянуться. – Я не хочу тебя обижать.

– Но ты обидел меня. Ты пытался...

– Вот как? – К нему вернулся прежний ироничный тон. – В сущности, это не имеет никакого значения. Потому что ты – моя. И я не хочу, чтобы другие притрагивались к тебе. Я хочу, чтобы ты была рядом, чтобы ты восхищалась мной, видела мои дела, поддерживала мои свершения. Ведь это и есть любовь?

– Нет, – печально ответила Клэри. – Нет, это не любовь. – Она шагнула к нему, но ее ботинок ударился о невидимую стену, дальше идти она не могла. – И потом, любовь всегда требует взаимности.

– Я знаю, что ты считаешь любовью, Кларисса, но ты ошибаешься, – прищурился Себастьян. – Ты взойдешь на трон и будешь править вместе со мной. В твоём сердце найдется место тьме. Когда тебе ничего не останется, ты ответишь на мою любовь.

– Не понимаю...

– В этом нет ничего удивительного, ведь ты многого не знаешь. Ты ведь ничего не знаешь о том, что случилось в Аликанте?

У Клэри внутри все похолодело.

– Мы находимся в другом мире. Может быть, он и зеркальный. Но я надеюсь, что в Аликанте все в порядке. Что там происходит, узнать невозможно.

– Не совсем так, – ухмыльнулся Себастьян. – Взгляни на экран, и ты сама увидишь.

По экрану бежала рябь. Потом Клэри увидела Зал Соглашений. Он был заполнен детьми. Дети Сумеречных охотников сидели и стояли, прижимаясь друг к другу. Вот Блэкторны: Джулиан держит на руках малыша, вокруг него собрались остальные. Эмма рядом, рука на рукоятке меча...

Затем экран показал Площадь Ангела. Там шла битва. Нефилимы пытались отразить натиск Помраченных. Алина Пенхоллоу заслоняла собою Джию, отражая выпады высокого фейра с сине-зелеными, явно крашеными прядями. Хелен пробивается к подруге, но ее оттесняют все дальше и дальше.

Везде лежали тела... причем большинство были в черной униформе. Нефилимы проигрывали битву...

Экран начал меркнуть, и Клэри обернулась к Себастьяну:

– *Что происходит?*

– Всё кончено, – спокойно ответил он. – Я требовал, чтобы они отдали тебя мне, но они этого не сделали. Теперь понимаю, ты сбежала, но это уже не имело никакого значения. Мои войска вошли в город. Дети нефилимов ждут своей участи в Зале Соглашений. Но когда мои воины перебьют всех, зал возьмут. Аликанте, весь Идрис будут моими. Сумеречные проиграли войну... и не то чтобы она была изматывающей.

– Тебе дали отпор только те, кто был в городе, – покачала головой Клэри. – Но нефилимы разбросаны по всему миру...

– Все, кого ты там видела, скоро будут пить из Чаши ада. Они станут моими слугами, и я отправлю их искать тех, кто живет на других континентах. Я прикончу Железных сестер и Безмолвных братьев. Не пройдет и месяца, как род Джонатана Сумеречного Охотника исчезнет с лица земли. И тогда... – он жестом указал на другой экран, – вот каким станет мир.

Клэри подумала о Магнусе. *Я видел город весь в крови, и кровь бежала по улицам, как вода.*

– Даже и не думай, – тихо сказала она, – даже и не думай, что, если ты все это сделаешь, я

сяду на трон рядом с тобой. Лучше я умру.

– Можно и по-другому, – живо откликнулся он. – Дарю тебе возможность выбора. Моя армия ждет приказаний. Стоит мне дать сигнал, и она отступит. Твой мир окажется в безопасности. Но ты, разумеется, никогда не сможешь вернуться туда – я запечатаю границы между мирами, и никто никогда не пересечет их.

– Возможность выбора? – растерянно повторила Клэри.

– Да, – кивнул он. – Будь рядом со мною, и я пощажу твой мир. Откажешься – и я отдам приказ уничтожить его. Ты можешь спасти миллионы, миллиарды жизней. А твоя единственная душа... Ну что ж, пусть она страдает. Не такая уж и большая цена.

– Магнус... – Алек в отчаянии потрогал цепи, уходящие глубоко в пол. – Магнус, тебе больно?

Изабель и Саймон осматривали Люка – не ранен ли он? Изабель то и дело беспокойно оглядывалась на брата, но Алек намеренно не встречался с ней взглядом: не хотел, чтобы она увидела страх в его глазах.

Магнус казался совсем слабым, губы у него пересохли, под глазами пролегли серые тени.

О, мой Алек. Ты пришел спасти меня. Я так тронут.

– Лежи спокойно. – Алек вынул клинок серафима и собрался дать ему имя, чтобы клинок ожил.

– Назови его Рафаэль, – тихо попросил Магнус. – Алек бросил взгляд на Саймона, но Магнус прошептал: – Это имя ангела.

Алек кивнул:

– *Рафаэль!*

Клинок вспыхнул, и юноша с силой ударил по цепи; цепь рассыпалась.

Алек обхватил Магнуса за плечи, чтобы помочь ему встать.

Магнус потянулся к Алеку и стал гладить юношу по спине, а потом поцеловал, неловко, но решительно. Алек на миг похолодел и ответил на поцелуй.

– Кхм, – кашлянула Изабель. – Нам надо выбираться отсюда. Помраченные могут прийти сюда в любой момент.

– Джослин. Вы забыли про Джослин, – сказал Люк.

– Не забыли, – ответила девушка, отстегнула от пояса меч и вручила его Люку, затем наклонилась, чтобы поднять клинок серафима.

– Ты можешь идти? – спросил Алек Магнуса, и Магнус кивнул, но вдруг его колени подкосились, и он упал.

– Магнус! – вскрикнул Алек и бросился к колдуну.

– Идите без меня, – прохрипел тот. – Я буду обузой для вас.

– Не понимаю... – Сердце Алека сжалось. – Что он сделал с тобой?

Вместо Магнуса ответил Люк:

– Этот мир убивает его. Он что-то говорил про отца... Причина в его отце...

Алек подавил безотчетный взрыв гнева – *продолжает утаивать даже при таких обстоятельствах.*

– Вы идите на поиски Джослин, – приказал он. – А я останусь с Магнусом. Попробую поднять его на ноги, понесу, в конце концов. Встретимся внизу.

– Алек... – произнесла Изабель.

Саймон положил руку на спину девушки и что-то зашептал. Наконец она кивнула и пошла к двери, держа в руках клинок брата.

– Давай потихонечку двигаться, – ласково обратился Алек к Магнусу, с горечью отметив, что

таким тощим никогда еще его не видел. Под рубашкой выпирали ребра, щеки провалились, но в глазах светилось что-то такое, что дарило надежду. – Обопрись на меня.

– Спасибо, Александр, – ответил колдун.

Тэйви заснул, Ливви и Тай о чем-то шептались, Дрю беззвучно плакала.

В зале были заперты десятки, сотни детей.

Эмма и Джулиан сидели спиной к спине. От Джулса, как всегда, пахло мылом, потом и океаном – он носил этот запах в своих жилах.

– Я что-то слышу, – вдруг насторожилась девочка. – А ты?

Вместо ответа Джулс запрокинул голову. Звук усилился, и теперь его слышали все дети. Он напоминал рев ветра или треск огромного костра.

Сквозь стеклянный потолок были видны облака, закрывающие луну... а потом из облаков вырвались всадники – множество всадников на черных конях; из-под копыт вырывалось пламя. Затем появились кареты, влекомые лошадьми, мотоциклы, сияющие хромом и ониксом. В руках всадники держали оружие: мечи, копья, булавы и арбалеты.

– Дикая охота, – прошептал Джулиан.

Двери Зала заходили ходуном. Эмма услышала голос одного из стражей:

– Помраченные убрали железо и могильную землю.

– Они сломают двери! – испуганно вскрикнула она.

– Пришел разгневанный Хозяин, – вдруг сказал Тиберий. – Собиратель мертвых. Гуин.

– Да, но почему? Земли и соли было много, да и железа в достатке. Всё не могли убрать.

– Могильная земля, соль и железо не действуют на Диких охотников.

– Дикие охотники? – робко подала голос Дрю. – Значит, Марк здесь? Он пришел спасти нас?

– Не говори глупостей, – вяло отозвался Тай. – Марк теперь заодно с ними. Дикие охотники приходят и собирают мертвых, когда все заканчивается, и мертвые им прислуживают.

Дрю скривилась. Двери под ударами трещали все больше.

– Но если Марк не спасет нас, то кто же?

– Никто, – ответил Тай, и лишь нервное постукивание пальцев по мрамору выдавало его тревогу. – Нас никто не спасет. Мы умрем.

Джослин уже в кровь разбила плечо, пытаясь вышибить дверь. Она слышала звуки битвы, топот бегущих ног, визг демонов...

Дверная ручка начала поворачиваться. Джослин отступила и схватила кирпич, который все-таки вынула из стены. Она бы не смогла убить Себастьяна, но смогла бы ударить его, лишить сознания.

Дверь распахнулась, и она метнула кирпич. Фигура в дверях наклонилась, и кирпич попал в стену.

– Надеюсь, когда мы наконец оформим наши отношения, ты не будешь встречать меня таким образом, – сказал Люк.

Джослин обмерла. Люк был весь в крови, в рваной рубашке и с мечом в руке.

– Люк... – Она бросилась к нему на шею, потом отпрянула и заглянула в лицо. – А где наша дочь?

– Клэри здесь, – ответил он и отступил в сторону; за ним Джослин увидела Изабель и Саймона. Оба, казалось, были смущены: еще бы, увидеть двух обнимающихся взрослых в царстве демонов, такое покажут не в каждом кино.

– Мы найдем ее, – уверенно сказал Саймон.

– Еще ничего не известно, – в отчаянии произнесла Клэри. – Сумеречные охотники могут возобновить битву.

Себастьян улыбнулся.

– Ты слышала о Диких охотниках? Слышала, конечно... – Он кивнул на экран с ее миром. Клэри снова увидела Зал Соглашений. Над ним в лунном свете плыли облака... Она закрыла глаза. В памяти всплыла картинка: они с Джейсом на дне гондолы в Венеции. По небу несутся косматые Дикие охотники. Потом она вспомнила Марка Блэкторна, рубцы от бича на его теле...

– Собираатели мертвых, – произнес Себастьян. – Воронье, летящее туда, где разворачивается битва. Но ты можешь предотвратить побоище.

Клэри казалось, что она плывет по темной воде и береговые огни исчезают вдали. Еще немного, и она окажется одна в океане, над головой ледяное небо и восемь миль пустоты под ней.

– Иди и сядь на трон, – велел он. – Тогда ты всех их спасешь.

Она взглянула на него.

– Откуда мне знать, что ты сдержишь слово?

– Надо быть дураком, чтобы не сдержать. Тогда ты начнешь бороться со мной, а я этого не хочу. Если ты не поняла, повторю еще раз. Как только границы между мирами будут закрыты, а это зависит от твоего согласия, Помраченные утратят силу, и нефилимы без труда одолеют их. – Он ослепительно улыбнулся. – Это будет чудо! Чудо, сотворенное... мною. Какая ирония, не правда ли? Я стану ангелом-спасителем...

– А что будет с Джейсом? С мамой? С моими друзьями?

– Мне они безразличны, если хочешь, оставлю их в живых. Они не могут навредить мне, тем более при запечатанных границах.

– Так единственное, что от меня требуется, – взойти на трон?

– И пообещать остаться рядом со мной до конца моих дней. А я не собираюсь умирать. Когда закроются границы, я буду жить вечно. *И се, жив во веки веков, аминь; и имею ключи от ада и смерти.* Знаешь, мне уже надоела эта игра в солдатики... Но ты меня утомила, Клэри. Давай решай, ты принимаешь мое условие? Или тебя заставить?

Клэри хорошо знала методы принуждения Себастьяна. Иголки под ногти, рука у горла... Но это ее не пугало, гораздо сложнее было принять решение. И принять его она должна была сама. Никто не мог ей помочь.

– Клэри, – голос Себастьяна стал на удивление нежным, – скажи, с тех пор как ты открыла для себя Сумеречный мир, разве ты не почувствовала себя особенной? Разве ты не хотела прославиться, стать героиней? Ну, чтобы о тебе говорили в веках?

– Герои спасают мир, а не уничтожают его.

– Вот именно это я тебе и предлагаю. Разделив со мной власть, ты спасешь мир. Спасешь своих друзей. Я дарю тебе такую возможность, потому что люблю тебя. Ведь это то, к чему стремится каждый, – получить все что хочешь.

Клэри закрыла глаза. Перед ее мысленным взором промелькнули лица: Джейс, мама, Люк, Саймон, Изабель, Алек. И другие: Майя и Рафаэль, Магнус, Блэкторны, маленькая Эмма Карстейрз, которая оказалась очень храброй девочкой... Она, как во сне, направилась к трону и услышала, как Себастьян с облегчением выдохнул. Значит, он все-таки сомневался? За тронами мерцали экраны, в одном – улицы Аликанте, залитые кровью, дети в Зале Соглашений, в другом – пустыня. У нее нет выбора... Она должна спасти тех, кто ей дорог... Клэри дотронулась до

подлокотника, трон был холодный, как лед. Она повернулась и села.

Ей показалось, что она смотрит с высокой горы на мертвый пейзаж. Потом она увидела Джейса, неподвижно лежавшего у стены. И Себастьяна, который смотрел на нее и улыбался.

– Прекрасно, моя королева, – сказал он.

10. «Моя королева...»

Двери зала взорвались, внутрь полетели щепки и осколки мрамора.

Все, что происходило дальше, Эмма видела как в кино, когда кадры растягиваются в замедленной съемке. Появились воины в красном, за ними – воины в зеленом, белом и серебряном. Потом – нефилимы в черном. Завязалась битва. Охранявшие детей стражники бились насмерть, но силы были неравны.

Эмма вскочила. Джулиан сунул Тэйви в руки Ливви и вытащил меч.

Вот и конец, подумала девочка. Им удалось убежать из Лос-Анджелеса, но мышеловка все равно захлопнулась.

Но что бы сказал отец, узнай, что она сдалась? Карстейрзы не сдаются. И если она погибнет, то снова увидит родителей. Хотя бы это.

Помраченные продвигались к центру зала, оставляя за собой выкошенный коридор, так комбайны выкашивают поле пшеницы. Эмма вдруг увидела, как один из них направился прямо к ним.

Это был отец Джулиана.

Кожа его потускнела и посерела, на лице – следы крови, он не сводил глаз со своих детей.

Джулиан застыл, и Эмма подумала, что он *не видел*, как его отца обратили.

– Джулс, – крикнула она, – Джулс, это *не твой отец!*

Он округлил глаза:

– Эмма, будь осторожна...

Девочка оглянулась и закричала. Над ней навис фейр в серебряных доспехах; половина его лица пузырилась – вероятно, на кожу попали соль и могильная земля. Он занес топорик, но тут, снова как в замедленной съемке, Эмма увидела Диану Рэйбёрн; ее темные волосы взметнулись, рот открылся в предупреждающем крике. Диана вскинула лук, но девочка уже вонзила Кортану в грудь Темного рыцаря.

Его кровь походила на зеленую водицу. Она попала ей на руку, и Эмма в страхе выронила меч. Девочка наклонилась, хватаясь за рукоять Кортаны, и вдруг услышала крик Джулиана:

– *Та й!*

Эндрю Блэкторн стоял перед своими детьми со странной улыбкой на лице.

И Тай... Тай, обычно такой недоверчивый, привыкший все взвешивать на внутренних весах, вышел вперед и, не спуская глаз с отца, сказал:

– Папа?

– Тай! – вскрикнула Ливви. – Тай, не...

– Не слушай ее, – приказал Эндрю Блэкторн; и если еще оставались какие-то сомнения в том, что в Эндрю не до конца развеялись отцовские чувства, то теперь, когда Эмма услышала его голос, все стало на свои места. В голосе не было доброты – один только лед. – Подойди ко мне, Тиберий.

Тай сделал шаг, но тут Джулиан вытащил из-за пояса короткий меч и метнул его. Эмма внезапно вспомнила, как Кейт учила их бросать клинки метко и изящно, и Джулс всегда попадал в «яблочко».

Пролетев мимо Тиберия, клинок вонзился в грудь Эндрю Блэкторна. Мужчина широко открыл глаза, его серая рука стала нащупывать рукоять, выступавшую из груди... потом он качнулся и плашмя упал на пол.

Тиберий закричал, бросился к брату и заколотил кулаками по его груди.

– Нет! – задыхался он. – Зачем ты убил его, Джулс? Я ненавижу тебя, ненавижу...

Но Джулиан вряд ли чувствовал удары. Он не сводил глаз с мертвого отца. Диана Рэйбёрн стояла в стороне, в глазах ее светилась печаль.

– Тай, – Ливви схватила брата за рубашку и оттащила от Джулиана. – Тай, прекрати немедленно! Ему пришлось, Тай, неужели ты не понимаешь? Ему пришлось!

Пятясь, Джулиан наткнулся на мраморную колонну и сполз наземь. Плечи его сотрясались от глухих рыданий.

Моя королева.

Клэри неподвижно сидела на троне из слоновой кости. Она чувствовала себя ребенком на стуле взрослого. Трон был огромный, и ее ноги болтались. Руками она ухватилась за подлокотники, но пальцы не дотягивались до резных окончаний... только сейчас она разглядела, что они имеют форму черепа.

Себастьян расхаживал внутри защитного круга, то и дело останавливаясь, чтобы взглянуть на нее. Он достал из-за пояса длинный острый клинок и провел лезвием по ладони, по его пальцам заструилась кровь, капая на руны. Руны начали искриться. Клэри испуганно вжалась в спинку трона. Таких рун в «Серой книге» не было, она не знала их значения, хотя догадывалась, что может произойти.

Дверь в зал отворилась, и вошла Аматалис в сопровождении двух шеренг Помраченных. Они выстроились вдоль стен с непроницаемыми лицами, но Аматалис явно волновалась. Ее взгляд скользнул по Джейсу и устремился на хозяина.

– Лорд Себастьян, – обратилась она к нему. – Вашей матери в камере нет.

Себастьян нахмурился и сжал кровоточащую руку в кулак. Руны вокруг него горели холодным синим пламенем.

– Досадно, – произнес он. – Вероятно, нас опередили.

Клэри ощутила надежду, смешанную со страхом.

Аматалис, казалось, не удивилась, увидев Клэри на троне; напротив, ее губы сложились в ухмылку.

– Хотите, чтобы я организовала поиск? – спросила она Себастьяна.

– В этом нет необходимости. – Он взглянул на Клэри и улыбнулся. Внезапно за спиной девушки что-то взорвалось. Она вздрогнула и обернулась. На экране, где она только что видела Аликанте, плелась паутина беспорядочных линий. – Границы закрываются, – объявил Себастьян. – Джослин никуда не денется.

– Стены двигаются, – простонал Магнус.

Они на минуту остановились, чтобы перевести дух. Колдун тяжело навалился на Алека. Юноша плохо представлял, куда им идти, но у него не было желания говорить об этом. Магнусу, кажется, стало совсем плохо. А теперь еще и это.

– Всё прекрасно, – вздохнул Алек и обнял колдуна за талию. – Нам надо пройти еще немного.

– Алек, – повторил Магнус, на сей раз твердо. – Это не галлюцинации. Стены двигаются.

Алек присмотрелся... и его объяла паника. Коридор наполнился пыльным воздухом; стены светились и дрожали, пол коробился. Потом коридор начал сужаться. Магнус ударился локтем о стену и зашипел от боли. В панике Алек схватил его за руку и притянул к себе.

– Себастьян... – выдохнул Магнус. – Это его проделки.

– Но не может же он повелевать всем!

– Мог бы... если запечатает границы между мирами. – Магнус побледнел. – Тогда он будет повелевать всем миром.

Изабель закричала, когда позади нее земля разверзлась; ей чудом удалось избежать падения.
– Иззи! – Иногда Саймон забывал о силе, которую получил, став вампиром.

Он дернул девушку, и они оба упали навзничь; над ними нависал готовый оторваться камень.

Изабель вскочила и потащила его за собой. Когда треснула стена и все вокруг стало оседать, они потеряли из виду Люка и Джослин. Саймон пытался справиться с отчаянием... он чувствовал, что это конец, им предстояло быть погребенными здесь.

– Не надо, Саймон. – Изабель тяжело дышала. Ее темные волосы казались седыми от пыли.

– Что «не надо»? – Земля вздыбилась, и Саймон покатился вниз; он не мог избавиться от мысли, что крепость *пасет* их, направляя куда-то.

– Не надо сдаваться.

Новый толчок распахнул ближайшие к ним двери, и они попали в какое-то помещение.

Изабель охнула. Двери тут же захлопнулись, и тряска утихла.

Сначала Саймон расслабился – кажется, опасность миновала, но потом не существующее у него сердце ёкнуло. Они очутились в полукруглом зале, вдоль стен выстроились Помраченные, напоминая ряд красных зубов. Пахло серой и кровью демонов. Тело одного из них лежало недалеко от дверей, а рядом – у Саймона пересохло во рту – лежал Джейс.

В круге сияющих рун, начертанных на полу, стоял Себастьян. Он ухмыльнулся, когда Изабель, вскрикнув, подбежала к Джейсу. Плечи девушки задрожали.

– Ну хватит, он жив, – раздраженно сказал Себастьян. – Та к распорядилась королева.

Изабель подняла глаза, и Саймон подумал, что в гневе она прекрасна.

– Королева фей? Когда это ее волновал Джейс?

Себастьян хлопнул себя ладонями по коленкам и рассмеялся; он пребывал в на редкость благодушном настроении.

– Не Королева фей, – произнес он. – Королева мира. И ты ее знаешь.

Он указал на подиум, и Саймон едва не упал. На подиуме стояли два трона; на троне справа сидела Клэри. Ее рыжие волосы ярко выделялись на фоне белого и золотого, словно языки пламени, лицо было неподвижным.

Юноша невольно сделал шаг вперед... и тут же перед ним выросли Помраченные. В центре стояла Аматалис с копьем в руках, глаза сочаты злобой.

– Ни с места, вампир, – приказала она. – Ты не можешь осквернить нашу госпожу.

Саймон отшатнулся; Изабель переводила непонимающий взгляд с Клэри на Себастьяна.

– Клэри! – окликнул Саймон девушку; но она не шевельнулась, зато лицо Себастьяна потемнело, как грозовая туча.

– Не смей произносить *имя* моей сестры, – прошипел он. – Теперь она моя, и я не желаю ни с кем *делиться*.

– Да ты с ума сошел, – изумленно сказал Саймон.

– А ты умер, – усмехнулся Себастьян. – Так что, по большому счету, твой физический конец уже не имеет значения. – Он смерил Саймона презрительным взглядом. – Моя королева, – он возвысил голос, – ты совершенно уверена в том, что хочешь сохранить ему жизнь?

Ответить Клэри не успела. Дверь распахнулась, и в зал ввалились Алек с Магнусом, а за ними – Люк и Джослин.

– Все в сборе, – удовлетворенно кивнул Себастьян. – Вот так компания!

За свою жизнь Клэри видела немало страшного, но так, как смотрела на нее мать, было страшнее всего.

– Мамочка, – прошептала Клэри.

Здесь были все ее друзья – Саймон и Изабель, которая тихо гладила волосы Джейса, Люк, Магнус и Алек. Всё было очень плохо – как и представляла Клэри. И даже хуже. На нее смотрели как на предательницу.

– Добро пожаловать, граждане Эдома. – Губы Себастьяна изогнулись. – Добро пожаловать в ваш новый мир.

Он вышел из горящего круга. Рука Люка тут же потянулась к поясу; Изабель приподнялась; но быстрее всех оказался Алек: стрела уже пересекала зал – Клэри даже не успела его остановить.

Себастьян пошатнулся, и ряды Помраченных – Клэри видела это – пришли в смятение. Но Себастьян уже раздраженно выдернул стрелу из груди. Она была в крови.

– Глупо, – произнес он. – Ты не можешь ранить меня, это никому не под силу. Думал, ты исключение?

Алек машинально перевел взгляд на Джейса, и Себастьян ухмыльнулся.

– Ах, да, – сказал он. – Ваш герой. В его жилах полыхал Небесный огонь. Погорел и погас. Я подослал к нему демона, а тот знает свое дело.

Он щелкнул пальцами, и между ними проскочила ослепительная синяя искра. На миг Клэри перестала видеть, но потом услышала кашель и вздох. Джейс сел, потом встал. Она проследила за его взглядом: Джейс смотрел не на нее, а на экран, в котором мелькали какие-то тени.

– С возвращением тебя, – ровным тоном произнес Себастьян. – Не хочешь ли ты убить меня? Здесь полно оружия. Или попытайся сделать это с помощью Небесного огня. – Он широко раскинул руки. – А я и пальцем не шевельну в свою защиту.

Они были одного роста, почти одинакового телосложения, хотя Себастьян был более поджарым. Себастьян выглядел элегантно в красном; белые волосы аккуратно уложены. Джейс – в грязи и крови, в рваной одежде с чужого плеча, волосы взлохмачены. На запястье блестел серебряный браслет.

– На тебе мой браслет, – заметил Себастьян. – *Если небесных богов не склоню, Ахерон всколыхну я.* Подходящее высказывание, не правда ли?

– Джейс, – прошептала Изабель, – Джейс, решайся. Убей его. Вперед...

Но Джейс покачал головой. Изабель в отчаянии вскрикнула; лицо Алека побледнело, но он не произнес ни слова.

Себастьян протянул руку:

– Полагаю, пришло время вернуть браслет, брат. Та к сказать, воздай кесарю кесарево. Моя сестра тоже принадлежит мне. Откажешься от нее в мою пользу?

– Нет! – Это был голос не Джейса, а Джослин. Она вырвалась из рук Люка и бросилась к Себастьяну. – Ты ненавидишь меня... так убей меня. Мучай меня. Делай со мной, что тебе угодно, но оставь Клэри в покое!

– Я и так мучаю тебя, и мне это доставляет удовольствие, – спокойно сказал Джейс.

– Она совсем девочка, – задыхалась Джослин. – Мое дитя, моя дочь...

Себастьян резко выкинул руку и схватил Джослин за подбородок.

– Твоим ребенком был я, – прошипел он. – Лилит подарила мне власть, а ты наградила проклятием. Ты не мать и держись подальше от моей сестры, понятно? – Он отпустил Джослин, на ее подбородке остался кровавый след. – Вы все живы только потому, что Кларисса этого хочет!

– Ты сказал ей, что не пощадишь нас, если она сядет на этот трон. – Джейс стягивал серебряный браслет с запястья; он не смотрел в глаза Клэри. – Та к ведь?

– Не совсем так, – ответил Себастьян. – Я предложил ей нечто более... существенное.

– Я знаю, что ты сделал, – с усилием произнес Магнус; его голос звучал так, словно по горлу прошлись наждачной бумагой. – Ведь ты закрыл границы между мирами, запечатал их? Для этого ты начертил рунический круг. Теперь тебе не надо разделять силы на два мира. Все твое могущество сосредоточится здесь, и теперь ты станешь непобедим. Почти.

– Если границы будут закрыты, разве он сможет проникнуть в наш мир? – спросила Изабель. Она уже была на ногах; на ее запястье поблескивал бич, но девушка и не собиралась пускать его в ход.

– Не сможет, – ответил Магнус. – Никто из нас не сможет. Врата между двумя мирами закроются навсегда, и мы, таким образом, окажемся в ловушке.

– В ловушке? Ах, какое неприятное, страшное слово. Вы будете здесь... гостями. – Себастьян ухмыльнулся. – Попавшими в ловушку гостями.

– Теперь я окончательно понял, что ты предложил Клэри, – сказал Магнус. – Ты сказал ей, что, если она согласится править вместе с тобой, ты оставишь наш мир в покое. Править – значит спасти наш мир. Так?

– А ты проницателен, – помедлив, признал Себастьян. – Это раздражает.

– Клэри, *нет!* – крикнула Джослин, пытаясь вырваться из рук Люка, для нее в этот момент существовала только ее дочь. – Не делай этого...

– Я *должна*. – Голос Клэри прозвучал невероятно громко, и все, включая Помраченных, сразу посмотрели на нее. Все, кроме Джейса. Он упер взгляд в браслет, который держал в руке. – Я должна, как вы не понимаете? Если я откажусь, он убьет всех. Не только нефилимов – миллионы, миллиарды людей. Он превратит наш мир в пустыню, такую же, как здесь. Я не могу этого допустить. Я научусь любить его. Он не причинит мне зла.

– Девочка моя, ты думаешь, что можешь изменить его, сделать лучше, ты веришь, что можешь повлиять на него, потому что он тебя любит. Но я *знаю* Моргенштернов. Это не работает. Ты пожалеешь... – промолвила Джослин.

– Мама, при всем этом тебе не приходилось держать судьбу мира в своих руках. – В словах Клэри звучала безграничная нежность и безграничная печаль. – Ты можешь мне только посоветовать. – Она посмотрела на Себастьяна. – Я сделала выбор, я приняла его дар.

Она увидела, как у Джейса дернулся кадык. Он опустил браслет в вытянутую ладонь Себастьяна.

– Клэри твоя. – С этими словами он отошел в сторону.

– Вы все слышали, что сказала Клэри, – вскинув голову, произнес Себастьян. – Преклоните колена перед королевой.

Нет! – подумала Клэри, но заставила себя молчать.

Помраченные, почтительно склонив головы, опускались на колени. Последней была Ааматис. Люк, не отрываясь, смотрел на сестру. Он впервые увидел ее такой, хотя ему рассказывали, что с ней стало.

Ааматис обернулась и посмотрела на пленников. Ее взгляд на мгновение встретился со взглядом брата, и она злое искривила губы.

– Ну же, – обратилась она к нему. – На колени, или я убью тебя.

Магнус встал на колени первым. Клэри и представить подобного не могла. Магнус, такой гордый, и вдруг... За Магнусом – Алек, потом – Изабель, Саймон. Люк потянул за руку Джослин. И наконец, на колени встал Джейс. Клэри услышала, как экран у нее за спиной разлетелся на множество осколков. Это был звук ее разбившегося сердца.

– Вот и всё. Пути между мирами закрыты.

Руны на полу светились синим огнем. Себастьян сиял. Перепрыгивая через две ступеньки, он подбежал к трону и схватил Клэри за руки; она покорно встала.

– Ты принимаешь мой дар? – произнес он. – Это твой выбор, Клэри?

– Да. – Она заставила себя взглянуть ему прямо в лицо. – Да.

– Тогда поцелуй меня. Поцелуй, как будто я – твой любимый.

Все внутри нее содрогнулось. Она ждала этого, но все равно оказалась не готовой. Перед глазами промелькнуло видение: Джонатан, шагая по траве, улыбается ей зелеными глазами.

– В присутствии всех? – выдавила она. – Не думаю...

– Надо доказать им, – произнес Себастьян с неподвижным лицом, словно выносил приговор. – Надо доказать им, что мы едины. Докажи, Кларисса.

Она наклонилась к нему; он задрожал.

– Прошу тебя, – попросила она, – обними меня.

В глазах Себастьяна что-то промелькнуло – страх? удивление? – и он притянул ее к себе. Клэри положила руку ему на плечо, а другой рукой потянулась за Геспером; меч был пристегнут к ее поясу. Себастьян тяжело дышал, она чувствовала биение его сердца.

– Ну же, Клэри, – сказал он, и девушка, встав на цыпочки, вытянула губы.

Ей хватило мгновения, чтобы достать меч и вонзить в грудь брата.

Себастьян стал медленно оседать. Глаза его были широко раскрыты, и какой-то миг она увидела в них *боль* – и это была не физическая боль.

– Клэри, – прохрипел он, порываясь подняться. Теперь в его глазах горел гнев. *Не получилось*, подумала Клэри в страхе. – Тебе... должно быть известно... – Он задыхался все больше. – Меня... нельзя ранить... нет оружия...

Он замолчал. Руки его сомкнулись на рукояти. Рана вдруг занялась огнем.

– Что... это? – спросил он.

– *И дам ему звезду утреннюю*, – процитировала Клэри. – Это не простое оружие. Это – Небесный огонь.

Себастьян, вскрикнув, вытащил меч и недоверчиво взглянул на звезды; меч сиял. Клэри поднялась по ступенькам и без сил опустилась на трон. Она вспомнила, как шла сквозь огонь к Джейсу, как целовала его, как просила поверить ей. В ту ночь, воткнув меч в песок, она снова и снова чертила руны, которую когда-то увидела на крыше в Манхэттене: два крыла, соединенные чертой, рукоять ангельского меча. Она знала, что эта руна поможет обуздать Небесный огонь. Пламя, излившееся из рук Джейса, вошло в клинок, и об этом известил хор ангелов. Огонь, бушевавший в пустыне, отступил, и Джейс стал прежним Джейсом.

«*Это оружие смогло бы убить Себастьяна*», – сказала она тогда Джейсу. Сначала он сомневался, но когда попробовал прикоснуться к Гесперу и, обожженный, отпрянул, все сомнения отпали. Они решили никому об этом не говорить.

И вот Геспер пронзил ее брата...

Клэри вздрогнула, услышав крик Себастьяна; кричали и Помраченные. Шум стих так же внезапно, как и возник. Пол задрожал, она вскочила и сбежала с подиума вниз. На ее глазах оба трона почернели, золото на них расплавилось.

Себастьян лежал на спине в нескольких шагах от нее. В груди зияла обугленная дыра. Он повернул к Клэри голову; лицо бледное. У нее сжалось сердце.

Глаза цвета весенней травы.

– Ты, – прошептал он. Клэри смотрела на него с болью и ужасом. – Ты вложила... Небесный огонь... в меч Моргенштернов... Сделано... с умом.

– Руна, только и всего... – Она наклонилась, пытаясь поймать его взгляд. Лицо его стало мягче, рот утратил злой изгиб. – Себастьян...

– Нет. Я не Себастьян. Я – Джонатан, – прошептал он. – Я – Джонатан.

– Все к Себастьяну! – гневно скомандовала Алатис Помраченным. – Убить девчонку!

Джонатан пытался сесть.

– Нет! – хрипло крикнул он. – Назад!

Помраченные в смятении застыли, а Аमतис не посмела преградить путь Джослин.

– Мама? – спросил Джонатан, еще не видя ее. Взгляд его блуждал. Он закашлялся, изо рта пошла кровь.

Мальчик с зелеными глазами, которого еще не отравила кровь демона...

Лицо Джослин окаменело. Она положила голову Джонатана себе на колени. Клэри смотрела во все глаза: мама всегда корила себя за существование *такого* сына. Но Себастьян... Джонатан изменился, и теперь Джослин оплакивала его не в своих снах, а наяву.

– Мне жаль, – с трудом произнес Джонатан. – Мне так... – Он перевел взгляд на Клэри. – Я знаю: нет ничего, что позволило бы мне умереть хоть с малой толикой благодати, – прошептал он. – Клэри, не буду винить тебя, если ты перережешь мне горло. Я... сожалею. Мне... жаль.

Клэри онемела. Что ему сказать? *Всё в порядке?* Но он сотворил столько зла. Есть вещи, которые нельзя простить.

И все же... Этот юноша, которого мать теперь нежно баюкала, не был Себастьяном.

– Клэри... Ты не знаешь, можно ли простить меня. Я... – Он закашлялся, и на губах снова запузырилась кровь. – Небесный огонь сжигает все злое. Этот огонь горел в жилах Джейса, но Джейс выжил, потому что добр. А я насквозь прогнил. Во мне уже нечему выживать. Ты видишь призрак того, кем бы я мог быть, вот и всё.

По лицу Джослин текли слезы.

– Должен предупредить, – прошептал юноша, – когда я умру, Помраченные набросятся на вас, и я уже не смогу сдержать их. – Он взглянул в сторону: – Где Джейс?

– Я здесь, – отозвался тот; он уже давно стоял рядом.

Лицо Джейса выражало печаль. Клэри встретила с ним глазами. Он подыграл ей, но теперь осознавал, что тот Себастьян, который заслуживал кары, исчез навсегда.

– Возьми мой меч. – Джонатан с трудом приподнял голову и указал на Фосфор, лежавший в нескольких шагах от него. – Раз... разрежь его.

– Кого разрезать? – спросила Джослин, но Джейс все понял.

Он взял меч и прошел в конец зала, где в луже гноя лежал мертвый демон Бегемот.

– Зачем? – спросила Клэри, но Джейс уже поднял меч и вонзил его в туловище демона.

– Он... знает, – выдохнул Джонатан.

По залу прокатилась волна отвратительного запаха. Джейс поморщился, потом наклонился и поднял какой-то предмет... Клэри узнала Чашу ада.

Она перевела взгляд на Джонатана. Его тело содрогалось в конвульсиях.

– В-вели ему, – с трудом произнес он. – В-вели ему бросить ее в кольцо рун.

– Брось Чашу в круг! – крикнула она Джейсу.

– Нет! – взревела Аमतис. – Вместе с Чашей погибнем и мы! – Она повернулась к Джонатану: – Лорд Себастьян! Не дайте уничтожить вашу армию! Мы верны вам!

Джейс посмотрел на Люка. Люк взирал на сестру с выражением крайней печали, такой же глубокой, как смерть. И если Клэри только что обрела своего брата, то он потерял Аमतис, и эта потеря была необратимой.

Джонатан посмотрел на своего лейтенанта.

– Прости, – сказал он. – Мне не следовало тебя создавать. – И отвернулся.

Люк кивнул Джейсу, и Джейс с размаху швырнул Чашу в кольцо. Она упала и разлетелась на куски.

Аमतис прижала руки к груди. На какое-то мгновение – всего лишь на мгновение – в ее глазах, обращенных к Люку, мелькнула любовь.

– Амагис, – прошептал он, но веки Амагис уже опустились.

Вскоре весь зал наполнился трупами.

В глазах Люка было столько боли, что Клэри была не в состоянии смотреть на него. Вдруг она услышала крик, который, нарастая, переходил в вой. Стены завибрировали.

– Лилит, – прошептал Джонатан. – Она оплакивает своих умерших детей, оплакивает... меня.

Эмма вытащила меч из тела фейра. Она думала только о том, чтобы добраться до Джулиана... Если с ним что-нибудь случится, весь мир рухнет, и уже ничего не исправить.

Джулс все так же лежал у колонны, Блэкторны сбились в кучу рядом с ним, и вдруг мальчик приподнял голову. Эмма оглянулась: на что он смотрит?

По всему залу, как шахматные фигуры, падали Помраченные – молча, без криков. Фейры в ужасе пятились.

Под сводами раздался громкий победный крик, но Эмма не слышала его. Она приблизилась к Джулиану и остановилась, не зная, что сказать.

Он начал первым:

– Эмма, мне показалось, что тот воин собирался убить тебя...

– Со мной всё в порядке, – покраснела она. – А ты как?

Он покачал головой, в глазах появилась боль.

– Я убил его, – произнес он. – Я убил своего отца.

– Это был не твой отец. – Горло сжало, и она стала чертить что-то на тыльной стороне его руки. Ни единого слова – палец выписал Руну храбрости и кривобокое сердце.

Джулс покачал головой, как будто говоря: *нет, нет, я этого не заслуживаю*, но она нарисовала снова, а потом прижалась к нему, хотя и была вся в крови.

С площади в зал стекались нефилимы. Эмма увидела, что к ним приближается Хелен, держа Алину за руку, и впервые с тех пор, как они покинули Институт, у нее появилась надежда, что, возможно, все кончится хорошо.

– Они мертвы. – Клэри с удивлением оглядела зал. – Все...

Джонатан приглушенно засмеялся.

– *Пред смертью сделать я хочу добро, хоть это непривычно мне*^[7], – прошептал он, и Клэри узнала цитату из «Короля Лира». – Помраченных больше нет.

Клэри наклонилась над ним:

– Джонатан, прошу тебя. Скажи, как снова открыть границу. Как нам попасть домой? Уверена, должен быть путь.

– Пути... пути нет, – прошептал Джонатан. – Проход я разрушил. Это... это невозможно... Прости...

Клэри нахмурилась. Она хотела спасти мир, но все, кого она любила и любит, умрут. На миг в ее сердце закралась ненависть.

– Все так. – Джонатан не спускал с нее глаз. – Возненавидь меня. Возрадуйся, когда я умру.

Клэри посмотрела на мать; лицо Джослин, казалось, окаменело от горя. Девушка вспомнила площадь в Париже: они с Себастьяном сидят за столиком в кафе, и он говорит: «Ты смогла бы простить меня? Возможно ли вообще простить такого, как я? А если бы Валентин воспитывал нас вместе? Ты бы любила меня?»

– Я испытываю ненависть не к тебе, – сказала она, – а к Себастьяну. Тебя я не знаю.

Джонатан закрыл глаза.

– Однажды мне приснилась зеленая поляна, – прошептал он, – сельский дом, маленькая

рыжеволосая девочка и приготовления к свадьбе. Если другие миры существуют, то, может быть, это был тот мир, в котором я хороший брат и хороший сын.

Клэри вздрогнула. Они были настолько похожи с Джонатаном, что даже видели одно и то же. Она была уверена, что тот мир, о котором говорит юноша, действительно существует.

– Себастьян... Валентин впустил яд в твое сердце, он научил тебя ненавидеть. У тебя не было выбора, никогда. Но меч все это сжег. Теперь ты не Себастьян, ты – Джонатан. Готова поверить в то, что ты хороший брат.

По его лицу пробежала тень горькой улыбки.

– Да, это так... Огонь твоего меча выжиг кровь демона. Всю жизнь эта кровь отягощала меня, резала сердце. А теперь... Я никогда не чувствовал себя так... легко, – тихо сказал он, закрыл глаза и умер.

Клэри с трудом удерживалась от рыданий.

– Мамочка, – прошептала она, но Джослин даже не взглянула на нее. Не взглянула она и на Люка, который нежно положил руку ей на плечо.

Клэри отвернулась, это было невыносимо. *Я никогда не чувствовал себя так легко.*

Пробираясь между телами, она осознавала свое поражение. Спасти друзей невозможно.

– Себастьян умер, – тихо сказала она, ни к кому не обращаясь.

Джейс взял ее руки, покрытые грязью и кровью, поднес к лицу и поцеловал.

– Джейс только что рассказал нам, что произошло в пустыне. Оказывается, ты все время дурила Себастьяна, – слышала она голос Саймона.

– Да, я обманывала его, но не тогда, когда он снова стал Джонатаном.

– Жаль, что мы ничего не знали о твоём плане, – вступила Изабель.

– Простите меня, – прошептала Клэри. – Но я боялась, что наш с Джейсом план не сработает. Если честно, я и сама не слишком надеялась.

– Надеяться надо всегда, это единственное, что нас поддерживает, – сказал Магнус; он выглядел ужасно.

– Я хотела, чтобы Себастьян поверил мне. А значит, надо было сделать так, чтобы и вы поверили. Он должен был видеть вашу реакцию.

– Но Джейс знал... – ревниво сказал Алек.

– Я старался не смотреть на нее с того самого момента, как она уселась на этот трон, – произнес Джейс. – Я отдал этому мерзавцу браслет и... – Он замолчал. – Простите. Мне не следовало называть его мерзавцем. Себастьян был мерзавцем, но Джонатан – нет. Клэри, ваша мать...

– Она дважды потеряла ребенка, – закончил его мысль Магнус. – Мне кажется, нет ничего страшнее.

– Но что нам делать, ведь из Царства демонов пути нет? – спросила Изабель. – Клэри, но мы должны вернуться в Идрис. Прости, что задаю этот вопрос, но Себ... Джонатан говорил что-нибудь, как открыть границу?

Клэри помолчала.

– Он сказал... что это невозможно. Что граница закрыта навсегда.

– Значит, мы в ловушке... – В глазах Изабель мелькнул страх. – Навсегда? Не может быть... А какое-нибудь заклинание? Магнус...

– Он не солгал, – печально ответил Магнус. – Вновь открыть пути в Идрис мы не сможем.

Повисла гнетущая тишина.

– Ты сказал – мы не сможем. Не значит ли это, что кто-то другой смог бы, – повернулся Алек к Магнусу.

Магнус выглядел очень старым, Клэри никогда прежде не видела его таким.

– Ах, мой дорогой, есть нечто страшнее смерти, – произнес он.

– Может быть, мы сами решим, что страшнее, а что нет, – выпалил юноша, и Магнус в отчаянии провел рукой по лицу.

– За свою долгую жизнь я лишь однажды воспользовался этим путем, и это послужило мне уроком. Не хотелось бы, чтобы и вы усвоили этот урок.

– Но ты жив, – возразила Клэри. – Ты пережил этот урок.

Магнус улыбнулся, но это была совсем не веселая улыбка.

– Было бы ужасно, если бы я не выжил, – ответил он. – Ставить на кон свою собственную жизнь – это одно, но толкать на гибель вас...

– Так или иначе, мы умрем здесь, – заметил Джейс. – Так что выбор невелик.

– Согласна, – кивнула Изабель, и вслед за ней кивнул Саймон.

Магнус взглянул в сторону Люка и Джослин; они не слышали их разговор.

– Ладно, большинство «за», – сказал колдун и спросил: – Известна ли вам старинная поговорка о бешеных собаках и нефилимах, не внявших предупреждению?

– Магнус... – укоризненно покачал головой Алек.

Магнус выпрямился, закрыл глаза и молитвенно сложил руки; на его пальцах засверкали кольца.

– Отец мой, – произнес он, и Клэри услышала, как Алек судорожно сглотнул. – Отец мой, сущий в аду. Отпусти мне грехи мои, ибо нет в этом мире ни любви, ни сострадания. Отец мой, творящий войну, явись мне, призываю тебя как сын и принимаю на себя ответственность за то, что потревожил тебя.

На Магнуса смотрели семь пар испуганных глаз.

– Магнус, ты призываешь... – начал Алек.

– Он призвал меня, – послышался глухой рокочущий голос.

Клэри оглянулась. Сначала она не увидела ничего, кроме какой-то тени, а потом из сгустка тьмы появилась фигура демона. Высокий и бледный, с острыми, как бритвы, скулами, в белоснежном костюме и шелковой рубашке, он был похож на человека. На голове – что-то вроде сверкающей тиары из колючей проволоки. Глаза золотисто-зеленые, с кошачьими зрачками.

– Отец... – Магнус произнес это с глубокой печалью. – Ты пришел.

Демон улыбнулся, обнажив ряд мелких зубов:

– Давненько ты ко мне не обращался. Я уж думал, все связи утрачены.

– Я и не собирался к тебе обращаться, – сухо ответил Магнус. – Один раз позвал тебя, и этого оказалось достаточно.

– Ну зачем же так, сынок... Ладно, кто старое помянет, тому глаз вон. Может быть, ты познакомишь меня со своими друзьями? – Он скользнул взглядом по лицам, и Клэри поежилась. – Я – Асмодей, – представился он. – Один из девяти владык ада. Возможно, вы слышали обо мне.

Алек открыл было рот, но тут же захлопнул его.

– Когда-то я был серафимом, то есть одним из ангелов, – продолжил Асмодей, явно довольный собой. – О, нас было много множество... Но потом разразилась война, и мы посыпались с Небес, как звезды. Я последовал за Несущим свет, ибо там, наверху, он был одним из главных советников, и мне не хотелось терять с ним связь. Я не прогадал. Он взял меня в ад и сделал меня одним из соправителей. Не удивляйтесь: предпочтительнее править в аду, чем прислуживать на Небесах... я испытал и то и другое.

– Вы... и правда отец Магнуса? – сдавленным голосом спросил Алек и повернулся к Магнусу. – Когда ты держал ведьмин огонь в подzemке и он вдруг стал мигать разными цветами... это из-за него? – Он указал на Асмодея.

– Да, – кивнул Магнус; казалось, он очень устал. – Я предупреждал тебя, Александр, что кое-что тебе может не понравиться.

– Не понимаю, из-за чего шум? Я отец многих магов, – сказал Асмодей, – но Магнусом, конечно, горжусь особенно.

– А кто другие? – с подозрением спросила Изабель.

– Они почти все уже умерли, – торопливо ответил Магнус; он встретился взглядом с отцом и отвел глаза. – И еще мой отец забыл сказать, что у каждого правителя ада свое царство. Это царство – его.

– Раз уж это место... Эдом... – *твое* царство, – произнес Джейс, – то ты несешь ответственность за... за то, что в нем происходит.

– Ну, я редко здесь бываю. – Асмодей вздохнул с видом мученика. – А когда-то было потрясающее местечко... Здесь жили нефилимы, и они затеяли драку со мной. Когда они изобрели *скептрон*, я даже подумал, что они победят, но Джонатан Сумеречный Охотник... это не совсем тот Джонатан Сумеречный Охотник, что так популярен в вашем мире, а... как бы это сказать... его зеркальное отражение, вам ведь известно, что зеркала имеют свойство искажать действительность? Та к вот, Джонатан Сумеречный Охотник оказался не объединителем, а, скорее, разделителем, и в конце концов они уничтожили сами себя. Со всеми может случиться... Обычно в этом обвиняют нас, демонов, но мы только открываем дверь, а проходят в нее те, кто считают себя чуть ли не святыми.

– Не оправдывайся, – оборвал его Магнус. – Довольно того, что ты убил мою мать...

– Ах, твоя мать... Она стала добровольной жертвой, уверяю тебя!

Магнус побагровел, и Клэри невольно пожалела его: иметь такого родителя – это действительно несчастье.

– Давайте перейдем к делу, – предложил Магнус. – Ты можешь отправить нас в Идрис?

– Ты сомневаешься в моих способностях? Что ж, могу продемонстрировать. – Асмодей ткнул пальцем в сторону подиума, где стояли Люк и Джослин... и вдруг их не стало; тело Джонатана тоже исчезло. Клэри показалось, что она на миг увидела Зал Соглашений в Гарде, но не была уверена, что это не плод ее воображения.

– *Мамочка!* – крикнула она.

– Не пугайся, детка, я просто отправил их в ваш мир, – объяснил Асмодей; он внимательно разглядывал свои ногти.

Клэри задохнулась от гнева:

– Как вы посмели...

– Ну, ведь вы этого хотели? – усмехнулся Асмодей. – Спокойно, спокойно... Их я отправил бесплатно. Ну, а за остальных придется заплатить. – Он вздохнул. – Я ведь демон, в конце концов.

– Я знаю, чего ты хочешь, – нехотя произнес Магнус. – И ты это получишь. Но сначала ты должен поклясться утренней звездой, что отправишь всех моих друзей в Идрис. Всех. Моих. Друзей. И больше никогда не будешь их трогать. Они тебе *ничего* не должны.

Алек вышел вперед:

– Минутку... Магнус, что ты хочешь этим сказать? Что ты не собираешься возвращаться в Идрис вместе с нами?

– Наступает время, – объяснил Асмодей, – когда мы все должны вернуться к своим отцам. Пришло время Магнуса.

– *В доме Отца Моего обителей много*^[8], – прошептал Джейс; он был бледен, как будто его тошнило. – Маг нус, не имеет ли он в виду... не хочет ли он забрать тебя с собой в...

– В ад? – засмеялся Асмодей. – Ну, не совсем так. Мое царство – Эдом, и я правлю в нем с

Лилит. Так уж случилось, что ее выкормыш захватил его и разорил до основания. Ну а *вы* уничтожили *скептроном* половину населения. – В голосе демона послышалась обида. – Теперь потребуется немало энергии, чтобы все восстановить. А энергию мы можем черпать только из жизни. Я имею в виду – из жизни бессмертных, которая будет возложена на алтарь.

– Вам нужна его *жизнь*? – спросила Клэри. – Но, по-моему, это жестоко даже для демона. Как можно хотеть убить собственное *дитя*...

Асмодей засмеялся:

– Bravo! Магнус, они любят тебя и хотят защитить! Кто бы мог подумать, что ты, колдун, удостоишься такой чести! Когда тебя похоронят, я уверен, на твоей могиле напишут: *Магнус Бейн, любимец Сумеречных*.

– Вы не тронете его. – В голосе Алека звенело железо. – Или вы забыли, чем занимаемся мы, нефилимы? Напомню, мы *убиваем демонов*. Владыки ада – не исключение.

– О, я прекрасно знаю, чем вы занимаетесь. Вы убили моего приятеля Аббадона, и теперь мне не с кем резаться в покер, а Лилит вы отдали на волю сокрушающих ветров, но она вернется, не сомневаюсь, для нее всегда уготовано местечко в Эдоме. Вот почему я позволил ее выкормышу осесть здесь, хотя, конечно, и помыслить не мог, какой бардак он здесь устроит. Но полно, крошка, – он посмотрел на Клэри, – я не собираюсь убивать Магнуса. Это было бы глупо и непорядочно. К тому же я в любой момент могу покончить с ним. Просто... хочу заставить своего сынка немного поработать: с помощью его силы, силы бессмертного, снова раскручу свое царство. Он мой сын, и он останется здесь, со мной.

Алек обернулся к Магнусу; тот стоял, нахмурившись и сунув руки в карманы.

– Не понял, он хочет лишить тебя бессмертия?

– Именно, – подтвердил Магнус.

– Но... разве перестать быть бессмертным так уж плохо? – Щеки Алека загорелись, и Клэри подумала, что Алек не так давно сам хотел лишить Магнуса бессмертия; это и стало причиной их расставания.

– Нет, мой друг, но все годы моей жизни сразу падут на меня. Вряд ли я переживу это. Почти четыреста лет... даже больше... Это слишком много.

– Нет, – растерянно пробормотал Алек. – Скажи ему нет.

Во взгляде Магнуса, обращенном к Алеку, было столько любви и отчаяния, что Клэри вспыхнула и отвернулась.

– Я не могу так сказать, Александр, – ответил колдун. – Иначе вы все останетесь здесь и умрете. Умрете от голода, а ваш прах обратится в пыль.

– Но никто из нас не согласится спастись ценой твоей жизни... – Алек все еще надеялся.

Магнус обвел взглядом измученные лица своих друзей и грустно улыбнулся:

– Я живу очень давно, но все равно этого мало. Не буду лгать, я хочу жить... отчасти из-за тебя, Алек. Я никогда так отчаянно не хотел жить, как в эти месяцы, когда ты был рядом.

– Мы умрем вместе, – прошептал Алек. – Позволь мне остаться с тобой.

– Ты должен вернуться.

– А я не хочу. Мне нужен ты...

Магнус закрыл глаза, как будто слова Алека ранили его. Асмодей наблюдал за ними голодным взглядом, и Клэри вспомнила, что демоны питаются человеческими эмоциями: страхом, радостью, любовью и болью. Особенно болью.

– Тебе нельзя оставаться, – помедлив, произнес Магнус. – Меня *не будет*; демон заберет мою жизненную силу, и мое тело распадется.

– «Демон», – фыркнул Асмодей. – Мог бы назвать меня по имени, никакого почтения к родителю!

Клэри подумала, что ненавидит Асмодея больше остальных демонов.

– Живи, мой мальчик, – обратился Магнус к Алеку. – А я... Я должен спасти тебя, тебя и всех, кого ты любишь, кого я люблю; в конце концов, не высока цена.

– Но я люблю тебя, – прошептал Алек, и Клэри сжала кулаки. *Почему Магнус?! Не герой, не Сумеречный охотник, который в борьбе с демонами мог потерять свою жизнь? Ведь он колдун... и он спасает их.*

– Нет, нет, нет...

Клэри увидела, как Магнус и Алек прижались друг к другу, как Магнус нежно поглаживает Алека по плечу, как целует его – не страстно, а по-отечески, осушая губами слезы.

Потом Магнус повернулся к Асмодею:

– Я готов. – Его голос звучал так, будто он сейчас бросится в погребальный костер. – Я готов отдать тебе мою жизнь. Я...

Саймон... До сих пор молчавший Саймон, о котором Клэри почти забыла, вышел вперед.

– Позвольте мне.

Брови Асмодея взлетели вверх.

– Вы что-то хотели, юноша?

Кажется, первой поняла Изабель. И побледнела:

– Нет, Саймон, нет!

Но Саймон принял решение и не собирался отступать.

– Я тоже обладаю бессмертием, – сказал он. – Магнус не один такой. Если вам нужен бессмертный, я готов остаться.

Глаза Асмодея вдруг засияли.

– Припоминаю, припоминаю, Азазель говорил о тебе. Вообще-то вампирами я не интересуюсь, но ведь ты... *светлюб*. В твоих жилах сила солнца. Добавить к этому вечную жизнь – и получается гремучая смесь.

– Да, – кивнул Саймон. – Если я подхожу вам больше, я готов заменить Магнуса. Я...

– Саймон! – вскрикнула Клэри.

– Нет, Саймон, нет... – Магнус закрыл глаза.

– Мне всего лишь семнадцать, – сказал Саймон, – и груз моих лет меня не раздавит. Я не умру, просто я буду жить здесь. Я вовсе не хотел быть вампиром и уж тем более не претендовал на бессмертие, я в колледж хотел поступить.

– Ты не будешь жить. – Глаза Изабель наполнились слезами. – Если Асмодей заберет тебя, ты станешь трупом, Саймон. Живым мертвецом.

– Замолчи, глупая девчонка, – рявкнул демон. – Я – владыка ада, мне под силу разрушать миры и создавать их. Думаешь, я не могу заставить его сердце биться снова? Сделать из вампира человека? Для меня это пустяки. К твоему сведению, я не собираюсь его умиротворять.

– Но что ты с ним сделаешь? – растерялась Клэри.

– Хм, а почему я должен посвящать вас в свои планы? Хорошо, скажу, нечаянная встреча с сыном сделала меня чувствительным. – Он улыбнулся, и его острые зубы сверкнули, как хрусталь.

– Отец, – воскликнул Магнус, – что ты еще задумал?

– Терпение, мой мальчик, чувствуется, что тебе не хватает мужского воспитания. Но не буду вас томить. Я заберу его воспоминания.

– Почему у вас, демонов, такая страсть к чужим воспоминаниям? – спросил Алек.

– Воспоминания, да еще полученные задаром, – для нас лакомство, – ответил Асмодей. – Когда люди совершают дурные поступки, они все валят на демонов. Бес, мол, попутал. А потом рвут на себе волосы, страдают... не все, конечно, и нас, демонов, число таких толстокожих не

может не радовать. Но как приятно для разнообразия попировать счастливыми воспоминаниями. Ммм, деликатес! – Он посмотрел на Саймона светящимися кошачьими глазами. – А у этого вампирчика немало счастливых воспоминаний. Ведь его любят, правда?

Саймон напрягся:

– Но если вы заберете мои воспоминания, что станет со мной?

– Ты боишься, что превратишься в овощ? – усмехнулся Асмодей. – Не волнуйся, кое-что я тебе оставлю. Кому нужны воспоминания ребенка? Скукотища! Я отберу *самое* волнующее. Такие воспоминания особо вкусны, потому что они почти все приправлены болью. Ну, как перец на кончике ножа. – Он сцепил руки за спиной, и Клэри только сейчас заметила, что пуговицы на его костюме имеют форму мухи.

– Я обещал отдать свое бессмертие, – произнес Саймон. – Не воспоминания. Та к мы не договаривались.

– Все по-честному, мой милый, я мог бы и не предупреждать. – Асмодей схватил Саймона за руку.

Изабель бросилась, чтобы защитить юношу, но, вскрикнув, отпрянула; на щеке у нее набух красный рубец.

– Не прикасайся к ней! – выкрикнул Саймон и вырвал руку.

– Удивляюсь я, – вздохнул демон, – вроде бы и сердце у тебя не бьется, а все равно оно есть. Чего только не бывает в этом мире.

– Отпусти его. – Джейс вытащил меч. – Он – наш, а нефилимы всегда защищают тех, кто близок им...

– Нет! – Саймон весь дрожал. – Не надо, Джейс. Это единственный выход.

– Вампирчик прав, – подтвердил Асмодей, – к тому же ни один из вас не сможет справиться с владыкой ада в его же царстве, даже ты, Джейс Эрондейл, как бы силен ни был, даже ты, хитроумная Кларисса Фэйрчайлд. – Он слегка пошевелил пальцами, и меч выпал из рук Джейса.

Асмодей вскинул руку:

– Вот проход, можете сами убедиться, что я вас не обманываю.

Стена замерцала и стала прозрачной. Клэри увидела смутные очертания Зала Согласия в Гарде. Сумеречные охотники ликовали, одержав победу. Потом она увидела маму и Люка, Люк стоял, а Джослин обнимала тело сына.

Вдруг картинка исчезла.

– Все просто, – сказал Асмодей, – светолуб остается со мной, я забираю его воспоминания, а вы можете убираться. И да, одна маленькая деталь, если кто не понял: его воспоминания *о вас* я тоже заберу себе.

У Клэри оборвалось сердце. Магнуса, казалось, пронзили кинжалом.

– Это ж надо так шельмовать, – прошептал он. – Впрочем, чего еще ждать от демонов.

– Вы что, хотите, чтобы он забыл *нас*? – округлила глаза Клэри.

– А ты как думала, – подтвердил Асмодей. – Скажу больше, сам себя не узнаю, но я готов проявить неслыханную щедрость. Я... отпущу его. Он будет жить как обычный смертный. Как *примитивный*, вы ведь так их называете? У него снова будет семья: мать, любимая сестра. Он поступит в колледж и будет насиловать свою гитару. Но если кто-то из вас пройдет мимо него, он даже головы не повернет.

Клэри с отчаянием смотрела на Саймона. Он сжимал и разжимал кулаки. И молчал.

– Нет, – сказал Джейс.

– Ну, нет так нет. Тогда вы все здесь умрете. Но я бы посоветовал вам одуматься. Воспоминания – мелочь по сравнению с жизнью.

– Это смешно, – произнесла Изабель. – Если он будет жить в нашем мире, что нам помешает

разыскать его и все рассказать?

– Вот именно смешно, – пожал плечами Асмодей. – Он же не будет знать никого из вас. Зачем ему слушать безумных незнакомцев? Кроме того, я позабочусь о защите. Попытавшись рассказать ему о Сумеречном мире, вы поставите его жизнь под угрозу. Вам тоже придется несладко – любые руны, которые вы попытаетесь начертать, не будут иметь действия.

– А воспоминания других? – произнес Джейс. – Что ты сделаешь с ними? Все знают, что Саймон – *вампир*. Знает его семья, его сестра, его мама. Если не мы, так они могут ввести его в курс дела.

– Понятно. – Асмодей был явно недоволен. – Да, это осложняет дело... Пожалуй, я заберу себе сына...

– *Нет!* – Саймон еле держался на ногах, но в голосе его слышалась решимость.

– Замолчи, Саймон. – Магнус был в отчаянии. – Я останусь с тобой, отец.

– Магнус, Магнус... Может, ты и хороший колдун, но ты... не демон. Всегда буду жалеть о том, что не забрал тебя у матери при рождении. Демоны питаются болью. Но что такое боль? Физическая боль – это так скучно, рано или поздно она проходит. Но вот чернить душу, превращать чистые намерения в грязь, любовь – в ненависть, источник радости – в источник мучения – *это то*, ради чего мы существуем! – Его голос зазвенел. – Хоть ты мне и сын, но я выбираю светолюба. Я войду в мир смертных. Я сотру воспоминания близких светолюба – они будут помнить только то, что связано с его обычной, *примитивной* жизнью. И ни они, ни он даже не вспомнят о Клариссе Фрэй.

– Нет! – крикнула Клэри, и Асмодей, запрокинув голову, довольно рассмеялся.

– Не знаю, как насчет людей, но если вы сотрете наши воспоминания – это будет равносильно нападению, – топнула ногой Изабель.

– Твои могу не стирать, – кивнул демон. – Ведь они будут мучить тебя, а это доставит мне двойное удовольствие. – Он ухмыльнулся. – Иди сюда, светолуб. – Асмодей привлек к себе Саймона и положил руку ему на грудь: – Начнем отсюда. Готов, юноша?

– Перестань! – Изабель сделала шаг вперед, разматывая бич. – Думаешь, мне страшно убить тебя? Если ты посмеешь прикоснуться к Саймону, я... я...

Алек крепко сжал плечи сестры.

– Изабель, – шепнул он, – не надо.

– Не надо? – возмутилась Клэри. – Мы не можем этого допустить... Джейс...

– Это выбор Саймона. – Джейс стоял пепельно-бледный. – Не ожидал, что он кажется таким храбрым.

Саймон медленно скользил взглядом по лицам друзей; когда он посмотрел на Изабель, Клэри показалось, что у нее сейчас разорвется сердце.

Но вот он взглянул на нее... В его глазах она увидела годы большой любви, годы надежд, которые так и не сбылись. В его глазах она увидела... себя. Саймон сделал едва уловимое движение рукой, и к ней полетело что-то яркое. Кольцо, золотое кольцо, которое когда-то связывало их. Клэри зажала его в руке, чувствуя, как металл врезается ей в ладонь.

– Ну все, хватит, – сказал Асмодей. – Терпеть не могу этих прощаний. Как в плохой пьесе, право.

Одну руку он завел за спину Саймона, а другой надавил ему на грудь. Саймон стал задыхаться.

– Сердце... – прошептал он, и по выражению его лица Клэри поняла, что сердце ее друга снова забилося.

Сквозь слезы она видела, как вокруг нее клубится белый туман. Саймон закричал, и она сорвалась с места, чтобы спасти его, но натолкнулась на невидимую стену. Кто-то схватил ее...

Джейс, подумала она. В сгустившемся тумане стали вырисовываться тени. Клэри увидела себя и Саймона – они, совсем еще дети, держась за руки, переходят дорогу в Бруклине; у нее заколочки в волосах, а у Саймона круглые очки сползли на кончик носа. Проспект-парк... они играют в снежки. А вот ферма Люка, они висят вниз головой на ветке дерева. Кофейня... они слушают жуткие стихи Эрика. Джейс... Джейс смотрит на них с Саймоном, прикрыв глаза от солнца, в его глазах светится ревность. Изабель... Саймон взял в руки ее лицо и целует; она видела Изабель глазами Саймона: хрупкая и сильная, очень красивая. Корабль Валентина... У Саймона кровь в уголках рта, а у Джейса кровь на горле и на рубашке. Измученное лицо Ходжа, и снова Саймон и Клэри; на лбу Саймона Каинова печать. Морин и ее кровь на полу, нелепое платье с кринолином. Она, Клэри, передает ему через стол золотое кольцо... Ангел поднимается из озера... Саймон целует Изабель... Алек... Изабель... Изабель... Клэри...

Все воспоминания Саймона были скручены в один моток. Вокруг все шумело, словно собирался шторм. Клэри умоляюще протянула руки:

– *Пожалуйста...*

Она почувствовала, как ее обнимают руки Джейса, потом зал завертелся, уменьшаясь в размерах. Клэри подумала, что Асмодей солгал – никакого прохода нет, и сейчас они уплывут в пустоту навсегда.

Вспышка яркого света заставила ее зажмуриться, а когда она открыла глаза, то увидела быстро приближающийся пол с прожилками золота. Она успела сгруппироваться, смягчая падение, и покатилась к фонтану с русалкой.

Зал Соглашений... Демон не обманул. Метрах в пяти от нее был Джейс; юноша присел, словно готовился к схватке. Алек... а рядом с ним Магнус; колдун казался больным и изможденным, но он был жив.

Изабель... В шаге от Клэри. Изабель обвела взглядом зал, раз, другой и – в отчаянии – третий. Вернулись все, *кроме одного*.

Девушка посмотрела на Клэри глазами, полными слез.

– Саймона нет, – прошептала она.

Тишина вдруг взорвалась. К ним бежали нефилимы. Клэри увидела маму и Люка, Роберта, Маризу, Алину и Хелен, малышку Эмму Карстейрз. Они обнимали их, теребили. Клэри крепко сжала кольцо в кулаке и наконец дала волю слезам.

11. Между миром и войной

– Все прекрасно, но кто у нас тут от фейров? – сказала Джия Пенхоллоу.

Зал украшали синие знамена победы с золотыми рунами. Был ясный зимний день, свет, проникающий в окна, разливался по длинным рядам стульев. За столом рядом с Джией сидел Инквизитор. Огромные золотые подсвечники загорали от Эммы других членов Совета: Люка, представлявшего оборотней, Лили – от вампиров, и знаменитого Магнуса Бейна, представителя магов. По понятным причинам ни Королевы фей, ни Мелиорна там не было.

В третьем ряду поднялась молодая женщина. У нее были синие, без белков глаза и острые ушки, как у Хелен.

– Я Келли Уайтллоу, – назвала она свое имя. – И фейров буду представлять я.

Джия кивнула, ее ручка быстро заскользила по бумаге.

По залу пробежал гул, ибо, несмотря на победу, атмосфера была накалена. Перед Блэкторнами сидели Лайтвуды: Мариза, Изабель и Алек; они перешептывались, наклонив головы друг к другу.

Рядом с Маризой сидела Джослин Фэйрчайлд, но ни Клэри, ни Джейса не было.

Закончив писать, Джия взглянула на Келли поверх очков:

– Что вы можете нам сообщить. Фейры принимают наши условия?

Эмма услышала, как на другом конце ряда вздохнула Хелен. Вообще-то дети не допускались на заседания, но для Эммы и Джулиана сделали исключение.

Келли вышла в проход и направилась к столу. Роберт Лайтвуд поднялся.

– Чтобы подойти к президиуму, надо получить разрешение, – мрачно произнес он.

– Я не даю разрешения, – жестко ответила Джия. – Стойте, где стоите, Келли Уайтллоу. Я отлично вас слышу.

Эмме вдруг стало жаль фею – взгляды, устремленные на нее, были острыми, как ножи. Только Алина и Хелен опустили глаза; они сидели, тесно прижавшись друг к другу, и так крепко держались за руки, что у них побелели косточки пальцев.

– Фейры просят вашего милосердия. – Келли сложила перед собой худенькие руки. – Выдвинутые вами условия слишком суровы. Наши короли и королевы всегда обладали суверенитетом. Мы – древний народ. То, о чем вы просите, уничтожит нас.

По залу пробежал гул.

– Возможно, не все собравшиеся знают, о чем идет речь, – сказала Джия и взяла лежавшую перед ней бумагу. – Так вот, мы настаиваем, чтобы фейры взяли на себя всю ответственность за урон, нанесенный Сумеречным охотникам и обитателям Нижнего мира в Темной войне. Фейры должны внести средства на восстановление Гарда, разгромленных Институтов, а также штаб-квартиры волкодлаков на Лонг-Айленде. Кроме того, они должны сделать все, чтобы вернуть...

– Если речь идет о Марке Блэкторне, – перебила ее Келли, – то он во власти Гуина. На Диких охотников наше влияние не распространяется. Вам бы лучше переговорить непосредственно с ними...

– Марк не единственный, кого у нас похитили, – сказала Джия. – И есть нечто непоправимое. Я имею в виду погибших нефилимов, погибших ликантропов, тех, кого отняла у нас Чаша ада...

– Но это дело рук Себастьяна Моргенштерна, – возразила Келли.

– И дело ваших рук, ведь вы помогали Моргенштерну. Мы могли бы пойти на вас войной, но эта война окончится в два счета, и, разумеется, нашей победой, – холодно сказала Джия. – Мы настаиваем, чтобы вы распустили свои войска – у фейров не должно быть армии. Любой фейр,

замеченный с оружием в руках, будет убит на месте.

– Такие условия невыносимы для нас, – возразила Келли. – Оставшись без армии, мы не сможем защищаться, а кругом достаточно врагов, те же демоны...

– Что ж, ставим вопрос на голосование, – сказала Джия. – Кто из присутствующих в зале одобряет наших условий?

Воцарилось молчание. Эмма заметила, как Хелен украдкой обводит глазами зал; Алина по-прежнему крепко держала ее за руку. Наконец тишину нарушил скрип отодвигаемого стула.

Магнус Бейн. Он все еще был бледен после заточения в Эдоме, но его золотисто-зеленые глаза ярко горели.

– Хочу обратиться к земной истории, – произнес он. – Было время, когда Рим сражался с Карфагеном и неизменно побеждал. После одной из таких войн Рим потребовал, чтобы Карфаген заплатил дань и распустил армию, еще он потребовал, чтобы земля Карфагена была засыпана солью. Тацит писал о римлянах, что «они создают пустыню и называют это миром». – Он повернулся к Джии. – Жители Карфагена всегда помнили об этом. Их ненависть к Риму в конце концов привела к новой войне. То, что было у них, нельзя назвать миром. И у нас не мир.

Послышался свист.

– А может быть, нам не нужен мир! – крикнул кто-то.

– А что предлагаете вы? – спросил кто-то еще.

– Будьте снисходительны, – сказал Магнус. – Фейры давно ненавидят нефилимов за их суровость. Подойдите к ним по-другому, и вы получите в ответ не ненависть, а, по крайней мере, нейтралитет.

Зал зашумел еще громче, но Джия подняла руку, и все смолкли.

– Кто еще за фейров? – спросила она.

Садясь, Магнус бросил взгляд на других представителей Нижнего мира. Лили отрешенно улыбалась, а Люк устался в стол. Все знали, что его сестру похитил и обратил Себастьян Моргенштерн, что многие оборотни в «Люпусе» были его близкими друзьями, в том числе Джордан Кайл... и все же его лицо выражало сомнение...

– Люк, – тихо произнес Магнус, но его услышали все. – Прощу тебя.

– Нет. – Люк мрачно покачал головой. – Не проси у меня того, чего я не могу дать, – ответил он. – Весь «Претор Люпус» перебит, Магнус. Как представитель оборотней я не могу поддержать фейров. В противном случае оборотни могут выступить.

– Хорошо, – кивнула Джия. – Говорите, Келли Уайтллоу. Вы принимаете наши условия или объявляете нам войну?

Келли долго молчала.

– Принимаем, – наконец сказала она.

Зал взорвался аплодисментами. Но Магнус, Блэкторны, все Лайтвуды и Эмма от аплодисментов воздержались. Эмма не спускала глаз с Келли – лицо молодой женщины пылало.

– Итак, принято. – Джия была явно довольна. – Переходим к...

– Минуточку. – С места поднялся худощавый темноволосый нефилим; Эмма не знала его. – Мы не обсудили вопрос о Марке и Хелен Блэкторнах.

Хелен закрыла глаза; она напоминала подсудимого, которому сейчас вынесут смертный приговор.

Джия помедлила, держа ручку в руке:

– Что ты хочешь сказать, Балог?

– Еще неизвестно, почему Помраченные Моргенштерна так легко проникли в лос-анджелесский Институт. В Марке и Хелен Блэкторнах течет кровь фейров. Марк присоединился к Дикой охоте, и он вне досягаемости, но Хелен не должна находиться среди Сумеречных

охотников, это просто неприлично.

– Это смешно! – вскочила Алина. – Хелен всегда была с нами. В ней течет и кровь Ангела... вы не можете не принимать это во внимание!

– Ее мать была феей, – сказал Балог. – А значит, гены позволяют ей лгать. К сожалению, нас уже провела одна такая. Я предлагаю лишить Хелен меток Сумеречного охотника.

Люк громко хлопнул рукой по столу; Магнус закрыл лицо длинными пальцами в перстнях и ссутулился.

– Хелен не сделала ничего плохого, – сказал Люк. – Нельзя же ее наказывать за факт рождения!

– От того, кто наши родители, многое зависит, – упорствовал Балог. – Нельзя отрицать, что в ней течет кровь фейров? Нельзя. Нельзя отрицать, что она может лгать? Нельзя. Если снова вспыхнет война, на чьей стороне она окажется?

Хелен встала.

– Я буду там, где и в этот раз, – заявила она. – Я сражалась у Беррена и в Цитадели, я сражалась здесь, в Аликанте, защищая не только мою семью, но и всех нефилимов. Разве можно подвергнуть сомнению мою верность?

– Вот так все и происходит. – Магнус поднял голову. – Вы что, не понимаете, что всё начинается *снова*?

– Хелен права, – согласилась Джия. – Она не совершила ничего дурного.

В последнем ряду поднялась женщина с темными волосами, собранными в пучок:

– Прошу прощения, Консул, но вы не объективны. Всем известно, что ваша дочь дружит с этой девушкой. Вам бы лучше не принимать участия в дискуссии.

– Миссис Седжуик, – встала Диана Рэйбёрн; казалось, она была вне себя. – У Хеллен на руках пятеро младших братьев и сестер...

– Ну и что? – отрезала Седжуик. – Мы снова открываем Академию... детей можно отправить туда или распределить по разным Институтам...

– Нет, – прошептал Джулиан, сжимая кулаки.

– Ни за что! – выкрикнула Хелен. – Джия, вы должны...

Джия встретилась с ней взглядом и неохотно кивнула.

– Артур Блэкторн, – сказала она. – Попрошу вас встать.

Эмма почувствовала, как сидевший рядом с ней Джулиан замер. В противоположном конце зала поднялся мужчина. Он был похож на отца Джулиана, но только бледнее и ниже ростом; глаза скрывались за очками. Он неловко опирался на деревянную трость, и Эмма сделала вывод, что увечье он получил совсем недавно.

– Было бы лучше дождаться окончания собрания, чтобы дети могли встретиться со своим дядей, но придется ускорить события, – сказала Джия. – Разумеется, я вызвала мистера Блэкторна сразу по получении известия о нападении на лос-анджелесский Институт. Вы, однако, знаете, что произошло дальше. Артур был ранен в Лондоне и смог прибыть в Идрис только сегодня утром. Мистер Блэкторн, представьтесь.

У мужчины было круглое, приятное лицо, под многочисленными взглядами он покраснел.

– Я – Артур Блэкторн, брат Эндрю Блэкторна, – сказал он. У него был британский акцент, и Эмма вспомнила, что отец Джулиана когда-то приехал из Лондона. – Я готов перебраться в Лос-Анджелес как можно скорее и воспитывать своих племянников и племянниц. Дети будут под моей опекой.

– Это действительно твой дядя? – спросила Эмма, не сводя с Артура глаз.

– Да, – шепотом ответил Джулиан; он был явно взволнован. – Просто... я надеялся... что он не придет. Лучше... лучше бы нас опекала Хелен.

– Прекрасно, мистер Блэкторн, – сказал Люк. – Но Хелен тоже ваша племянница. Вы согласны, чтобы ее метки были уничтожены?

Артур Блэкторн, казалось, испугался.

– Вовсе нет! Возможно, мой брат был неразборчив в связях, но все записи свидетельствуют, что дети Сумеречных охотников – Сумеречные охотники. Как говорится *ut incepit fi delis sic permanent*.

Джулиан заерзал на стуле.

– Снова латынь, – прошептал он. – Ну, просто как папа.

– А что это значит? – спросила Эмма.

– Верный с самого начала – верный всегда... что-то вроде того.

Джулиан обвел глазами зал: нефилимы перешептывались и переглядывались, члены Совета совещались. Хелен продолжала стоять, но Эмме показалось, что, если бы не Алина, девушка давно бы не просто села – рухнула без сил.

Наконец встал Роберт Лайтвуд:

– Чтобы не было разговоров, что дружба дочери Джии с Хелен Блэкторн каким-то образом повлияла на наше решение, хочу сразу предупредить: Джия не участвовала в дискуссии. Совет постановил отправить Хелен Блэкторн, поскольку ей уже восемнадцать лет, а в этом возрасте многие Сумеречные охотники отправляются учиться в другие Институты на остров Врангеля; она будет там изучать тонкости защиты от демонов.

– Надолго? – пророкотал Балог.

– На неопределенный срок.

– Остров Врангеля... – растерянно пробормотала Хелен, а лицо Алины превратилось в маску горя.

По сути, это был край земли. Расположенный на стыке двух полушарий в студеном Северном Ледовитом океане, он был совсем не обжит, если не считать метеостанции, на которой работали русские.

– Вы довольны? – холодно спросила Джия. – Мистер Балог? Миссис Седжуик? Ставлю вопрос на голосование. Кто за то, чтобы отправить Хелен Блэкторн на остров Врангеля на неопределенное время, до установления ее верности, поднимите руки.

Руки подняли почти все. Эмма и Джулиан в голосовании не участвовали. Хелен тихо всхлипнула, прижавшись к Алине.

– Остается вопрос о Марке Блэкторне, – снова встал Балог.

– Какой еще вопрос? – с раздражением спросил Роберт Лайтвуд. – Юношу похитили, он в Дикой охоте! Вести переговоры о его освобождении мы не можем – во всяком случае, пока. Так стоит ли беспокоиться?

– Именно, – кивнул Балог. – Ни пока, ни сейчас таких переговоров вести не стоит, как и искать его. Мальчишке, думаю, лучше со своими.

Круглое лицо Артура Блэкторна побледнело.

– Нет, – возразил он. – Мой брат не допустил бы такого. Мальчик должен быть дома, со своей семьей. – Он посмотрел на Джулса. – Здесь нет самых маленьких моих племянников, но дети и так всего лишились. Как можно отнимать у них еще?

– Мы не отнимаем, мы защищаем их, – отрезала Седжуик. – Мы обязаны защитить их от таких брата и сестры. Со временем Марк и Хелен еще покажут себя, вот увидите. Кто за то, чтобы прекратить поиски Марка Блэкторна?

Джулиан качнулся на стуле, все его мышцы были напряжены. Хелен наклонилась к нему, что-то шепча, по ее лицу текли слезы. Алина погладила Джулса по голове, и Эмма заметила, что у нее на пальце сверкает кольцо Блэкторнов, как маячок в бурном море.

В зале снова взметнулись руки.

Если победа такова, подумала Эмма, возможно, война все же лучше.

Джейс спрыгнул с лошади и подхватил Клэри.

– Мы на месте, – сказал он.

Они были на пустынном каменистом берегу озера Лин, на другом берегу. Клэри вспомнила окровавленный песок и меч, торчащий из груди Джейса. Песок того, восточного, берега был залит кровью. Меч в Джейса вонзил Валентин.

А здесь... несомненно, место было живописное. Поверхность озера рябила, напоминая кусок фольги, шелестящей под прикосновением ветра. Высоко над ними плыли облака.

Девушка направилась к кромке воды. Она думала, что мама поедет с ними, но в последний момент Джослин отказалась. Она уже попрощалась с сыном и теперь была очередь Клэри.

Тело Джослина сожгли – Конклав не стал противиться этому решению семьи Фэйрчайлд, они даже оставили за скобками, что Джослин уже не была Сумеречной охотницей. Сожжение тела было честью, а умерших в бесчестии хоронили на перекрестках, не сжигая, так в свое время поступили с матерью Джейса, но Джонатан избежал этой участи. Потом уже Клэри поняла, что кремация была для Конклава единственным способом убедиться в том, что *Себастьяна* больше нет. Но пепел ее брата решили не доставлять в обитель Безмолвных братьев, это было бы уже слишком – *Себастьян* не мог занять свое место среди душ нефилимов. Себастьяна Моргенштерна никто не желал помнить. Даже Клэри хотелось бы забыть его, но это было не так-то просто.

У берега вода была с легкими радужными разводами. Клэри открыла плоскую серебряную шкатулку. Внутри – мелкий пепел и горстка обугленных костей. В пепле блеснуло серебряное кольцо Моргенштернов; оно было на Джонатане, когда сжигали его тело, и огонь его не повредил.

– Как странно, я хороню брата, но брата у меня никогда не было, – задумчиво произнесла девушка.

Джейс положил руку ей на плечо.

– Был, – сказал он. – Саймон. Во всем самом важном он был для тебя как брат. Он рос вместе с тобой, дрался с тобой и защищал тебя, он заботился о тебе всю свою жизнь. Даже если... его теперь нет, никто и ничто не лишит тебя этого.

Клэри глубоко вздохнула и с размаху бросила шкатулку в воду. Пепел рассыпался, кольцо упало, крутясь.

– *Ave atque vale in perpetuum, frater*, – процитировала девушка. – Здравствуй же, брат дорогой! Брат мой, навеки прощай!

С озера подул пронизывающий ветер; щеки замерзли, и лишь тогда Клэри поняла, что плачет. В детстве она никогда не понимала, почему мама всегда плакала в день рождения Джонатана. Зачем плакать, если она ненавидит его? Но теперь все встало на свои места. Мама оплакивала ребенка, которого у нее никогда не было, оплакивала свои мечты о сыне, о таком сыне, каким он мог бы стать. Ее ребенок был уничтожен еще до рождения. И теперь Клэри точно так же оплакивала брата, которого у нее никогда не было, брата, которому не выпал шанс жить. Она оплакивала всех погибших в Темной войне, она плакала по маме, которой пришлось пережить все это, она оплакивала Саймона, зная, что ей будет не хватать его каждый день до самой смерти, а вместе с Саймоном она оплакивала себя прежнюю, потому что порой даже перемены к лучшему воспринимаются как маленькая смерть.

Джейс стоял рядом с нею и молчал, пока пепел Джонатана не исчез бесследно.

– Не подслушивай, – сказал Джулиан.

Эмма отмахнулась. Подслушивай не подслушивай – надо быть глухим, чтобы не разобрать громкие голоса, доносившиеся из кабинета Джии. Ну да, она действительно прижала ухо к двери, чтобы не упустить детали: им лучше знать, о чем там говорится, чем строить догадки. Эмма всегда считала, что правила на то и существуют, чтобы нарушать их. Кроме того, ей надоело ждать.

У входа в кабинет висели гобелены, траченные временем. Почти на всех – эпизоды истории Сумеречных охотников: Ангел, поднимающийся из озера с Орудиями смерти, Ангел, вручающий Джонатану Сумеречному Охотнику «Серую книгу», первое Соглашение, битва при Шанхае, совет в Буэнос-Айресе... На гобелене поновее – да что там, совсем новом и, видимо, повешенном недавно – Эмма снова увидела Ангела среди вод, а на берегу – юношу со светлыми вихрами и хрупкую рыжеволосую девушку со стилусом в руке.

– Ты тоже когда-нибудь станешь такой, – сказал Джулс.

Эмма покрутила пальцем у виска:

– Чтобы тебе посвятили гобелен, надо сделать что-то значительное. Например, победить в войне.

– За тобой не заржавеет, – засмеялся Джулиан.

Когда Джулс смеялся, боль от потери родителей немного утихала. Там, за дверью, решалась ее судьба. Они могут разлучить ее с Джулианом Блэкторном: отправить в какой-нибудь Институт, где у нее есть дальние родственники, – в Англию, Китай или Иран. Это было бы катастрофой... Неожиданно запаниковав, она вытащила стилус и нарисовала на руке руну, обостряющую слух, потом снова приложила ухо к двери.

Джия разговаривала с Люком Гэрроуэем.

– ...Захария? У него столько дел, – Джия, видимо, отвечала Люку. – Он уехал сегодня, сказав, что ему надо уладить кое-какие дела, да еще срочная встреча в Лондоне в середине января, которую он не может пропустить.

Захария уехал? Эмме хотелось поблагодарить его за помощь в ночь сражения. И спросить, откуда он знает ее второе имя – Корделия.

Начало фразы Люка она пропустила.

– ...должен сказать сначала вам. Мое место в Совете займет Майя Робертс.

Джия шумно удивилась:

– Но она еще так молода!

– Она очень способная, – ответил Люк, – и вряд ли нуждается в дополнительных рекомендациях.

– Да, – согласилась Джия. – Если бы не ее записка, потери были бы неизмеримо больше.

– В мое отсутствие она возглавила нью-йоркскую стаю, а это еще один аргумент, чтобы ввести ее в Совет. – Он вздохнул. – И еще, Джия. Я потерял сестру. Джослин потеряла сына... снова потеряла. А Клэри подавлена тем, что случилось с Саймоном. Я должен быть там.

Джия вздохнула:

– Как это все ужасно...

– С этим надо научиться жить, – сказал Люк, – и я должен помочь им пройти через все это. Я хочу официально оформить свои отношения с Джослин. Я должен быть там ради моей семьи. Все это говорит о том, что я больше не смогу выполнять обязанности члена Совета.

– Разумеется, ты получишь мое согласие. Но... Но я рассчитывала на твою помощь в открытии новых Институтов. Мы очень многих потеряли, и теперь нам надо найти тех, кто сможет пополнить наши ряды. Найти и обучить их. Предстоит большая работа.

– В этом могут помочь многие, – ответил Люк.

Джия снова вздохнула.

– Не волнуйся, я приму Майю. Бедный Магнус – одни женщины...

– Сомневаюсь, что он будет против. Джия... Я должен сказать, что Магнус был прав. Прекратить поиски Марка Блэкторна, отправить Хелен на остров Врангеля – это немыслимая жестокость.

Наступила пауза, а потом Джия тихо произнесла:

– Я знаю, Люк. Думаешь, я не понимаю, какой удар нанесла собственной дочери? Но оставить Хелен... я видела ненависть в глазах многих и испугалась за эту девушку. Испугалась за Марка. Если мы найдем его... нет, не буду об этом.

– А я видел глубокую печаль в глазах Блэкторнов, – сказал Люк.

– Дети привыкнут.

– Они потеряли отца и брата, а теперь мы вверяем их воспитание какому-то дяде, которого они видели всего ничего...

– Они узнают его, а я об Артуре знаю только хорошее. Диана Рэйбёрн тоже выразила желание стать их наставницей, и я склонна доверить ей эту роль. Храбрость Блэкторнов произвела на нее огромное впечатление...

– Но она не мать им... Моя мать... она покинула меня еще ребенком, став сестрой Клеофой... Больше я ее не видел. Меня воспитала Амалис. Не знаю, что бы я без нее делал. Она была... всем для меня.

Эмма быстро оглянулась на Джулиана – слышал ли он? Ей показалось, что нет; мальчик смотрел не на нее, а с отрешенным видом в пространство. Интересно, подумала она, вспоминает ли он свою мать? И тут же отбросила эту мысль. Конечно, вспоминает, ведь сама она думала о родителях каждую минуту. Жаль, что нельзя повернуть время вспять, как бы ей хотелось, чтобы родители были живы, чтобы не произошло то, что произошло.

– Мне жаль Амалис, – призналась Джия. – И поверь мне, я беспокоюсь о младших Блэкторнах. Но у нас всегда были и есть сироты, ведь мы – воины. Что касается дочери Карстейрзов, то, я думаю, она должна продолжить свое обучение в Идрисе. Боюсь только, девочка немного упряма...

Что-о?.. Эмма навалилась на дверь и неожиданно для себя влетела в кабинет. Джулс испуганно вскрикнул, а потом ухватил ее сзади за ремень.

– Эмма, нет!

– Эмма Карстейрз, – начала Джия, вставая. – Как ты смеешь...

– Как смеете *вы*. – Эмма очень удивилась, услышав голос Джулиана. Его глаза горели. За пять секунд он превратился из скромного мальчика в разгневанного юношу; каштановые волосы встали дыбом, как у ирокеза. – Вы обещали, что Конклав и Совет помогут Марку, пока он жив... *вы обещали!* А теперь вы хотите...

– Теперь он принадлежит к Дикой охоте, – перебила она его. – Они не мертвые, но и не живые.

– Значит, вы знали... – На щеках Джулса выступили пунцовые пятна. – Когда вы давали обещание, вы знали, что это просто пустые слова.

– Нет, не пустые, – смутилась Джия. – За моим обещанием стояло спасение Идриса. Мне жаль... – Слова застревали у нее в горле. – Я бы выполнила обещание, если б могла. Если бы я знала способ... если бы это было возможно... я бы... я бы...

– Получается, вы наша должница, – решительно произнесла Эмма. – Вы не выполнили обещание, и это придется восполнить.

– Восполнить как? – растерялась Джия.

– Я не хочу учиться в Идрисе. Я из Лос-Анджелеса и хочу туда вернуться.

Джулиан встал рядом с ней и взял ее за руку:

– Разумеется, тебя не отвезут в Идрис, Эмма. Об этом и речи не идет.

– Но *она* так сказала. – Девочка непочтительно кивнула на Джию.

– А давай еще раз скажем *ей*, что твой дом в Лос-Анджелесе. Ты имеешь полное право остаться в Институте. Для Сумеречных охотников Институт – убежище.

– Да уж, с воспитанием у современных детей... – покачала головой Джия. – Выпустили пар? Теперь послушайте меня. Джулиан Блэкторн, Институтом отныне будет руководить твой дядя, и я говорила с ним об Эмме Карстейрз.

– И что он сказал? – в смятении спросил Джулиан.

Эмма знала, что, когда ее друг любил кого-то, любовь была навек, а когда ненавидел, то и ненависть была навек. И вот именно сейчас решится вопрос, как он будет относиться к своему дяде.

– Артур сказал, что примет ее, – ответила Джия. – Сама я, правда, считаю, что место Эммы – в Академии Сумеречных охотников в Идрисе. Она на редкость талантлива, и в Идрисе ее будут окружать лучшие наставники. К тому же там много студентов, которые тоже понесли утраты, они помогут ей справиться с ее горем.

Ее горе. Перед мысленным взором Эммы пронеслись картинки: растерзанные тела родителей на берегу, отец, наклонившийся поцеловать ее, перед тем как пойти к машине, где ждала мама...

– Я тоже понес утраты, – потрянул головой Джулиан. – И я тоже могу ей помочь.

– Тебе двенадцать лет, – казалось, Джия все объяснила этими словами.

– Но не навсегда же! – запальчиво крикнул Джулиан. – Мы с Эммой знаем друг друга всю жизнь. Она как... она как...

– Мы станем *парабатаями*, – перебила его девочка; ей почему-то не хотелось услышать, что она Джулсу «как сестра».

Все широко раскрыли глаза, в том числе и сам Джулиан.

– Джулиан спросил у меня, и я согласилась, – подтвердила Эмма. – Папа говорил, что в двенадцать лет мы уже можем принимать решения.

– Нельзя разлучать *парабатаев*. Это противоречит нашему Закону, – кивнул Люк.

– Мы должны учиться вместе, – продолжила Эмма. – Вместе сдавать экзамены, вместе пройти ри туал...

– Да, да, понимаю, – кивнула Джия. – Повторю, Джулиан, твой дядя не возражает, если Эмма будет жить в Институте, но то, что вы хотите стать *парабатаями*, конечно, превосходит все остальные соображения. – Увидев, как засияли глаза Эммы и Джулиана, она не смогла сдержать улыбки. – Но я должна предупредить вас, стать *парабатаями* – серьезное дело. Вы должны заботиться друг о друге, защищать друг друга, уделять другому больше внимания, чем себе.

– Мы уже так поступаем, – заверил Джулиан, а Эмма промолчала, подумав о том, что в Лос-Анджелесе она сможет разобраться, что случилось с родителями. Если никто не отомстит за их смерть, то получится, что они вообще не жили.

Стать *парабатаем* Джулса... Мысль о том, что она всю жизнь будет неразлучна с ним, перебивал голос, шептавший где-то в подсознании: «Подожди...»

Вопреки ему она решительно произнесла:

– Я хочу быть *парабатаем* Джулиана Блэкторна.

Идрис был единственным на Земле местом, где нефилимы чувствовали себя в безопасности. Ни демоны, ни люди не могли проникнуть сюда, и здесь можно было отдохнуть и душой, и телом.

Когда Клэри впервые побывала в Идрисе, была осень и деревья были все в золоте. Теперь стояла зима, но Идрис был не менее красив. Вдали вздымались горы с заснеженными вершинами, ветки могучих дубов по обеим сторонам дороги, ведущей в Аликанте, казались кружевом на фоне ясного неба.

Они ехали не спеша. Клэри сидела позади Джейса, обхватив его руками. Иногда он придерживал лошадь, чтобы показать загородные виллы богатых нефилимов; летом и осенью они были скрыты за деревьями, а теперь открылись взору.

– Посмотри туда, – сказал Джейс, указывая на виллу, которой было лет двести, не меньше. – Поместье Блэкторнов... А значит... Впрочем, ты сейчас сама увидишь. – Он замолчал.

Дорога вела на холм; они взобрались на него, и Клэри увидела внизу большой дом из красивого золотистого камня, окруженный низкой стеной.

– Это дом Эрондейлов, – сказал Джейс.

Поднялся ветер, и волосы Джейса взлохматились; Клэри надела капюшон.

– Хочешь взглянуть на него? – спросила она.

– Не знаю, не уверен...

Она, дрожа, прижалась к нему.

– Джейс, мы пропустили Конклав... тебя это не волнует?

Сама Клэри сожалела, что не смогла присутствовать, но выбора не было. Завтра они возвращаются в Нью-Йорк, и надо было развеять пепел брата.

Джейс пожал плечами:

– По возрасту мы еще не можем голосовать. Кроме того, думаю, они без нас обойдутся. – Он нахмурился. – Джейс Эрондейл... Меня иногда называют так, но по бумагам я Лайтвуд, Лайтвуды усыновили меня. Джия сказала, что восстановить родовое имя сложно. У меня даже нет кольца Эрондейлов. Его не существует, Железным сестрам пришлось бы сделать новое. А когда мне исполнится восемнадцать лет, я навсегда потеряю право на это имя.

Клэри потерлась щекой о его плечо. Порой Джейса надо было подстегивать, задавать наводящие вопросы, но сейчас был не тот случай. Если захочет, расскажет сам.

Джейс прищипорил коня и натянул поводья, заставляя Пилигрима повернуть к дому. Низкие железные ворота, украшенные узором летящих птиц, были открыты. Они проскакали мимо каменного фонтана и остановились у парадного входа. Джейс взглянул на безжизненные окна.

– Здесь я родился... Здесь умерла мама. Ходж спрятал меня. Тогда тоже была зима.

– Джейс...

– Я хочу быть Эрондейлом, Клэри.

– Ну и будь им.

– Мне больно сказать об этом Лайтвудам, – вздохнул он. – Лайтвуды – моя семья. Но если я не верну имя, род Эрондейлов прекратит свое существование.

– Ты не ответстен...

– Знаю, – кивнул он. – Аमतис передала мне шкатулку, там было письмо моего отца ко мне. Моего настоящего отца... Он написал это письмо еще до моего рождения. Когда я начал читать, я просто кипел от ненависти, хотя он писал, что любит меня. Но прошло время, и я обнаружил, что некоторые предложения застряли у меня в голове. *Я хочу, чтобы ты стал лучше меня. Не позволяй никому диктовать тебе, кем ты должен быть...* – Джейс поднял голову, как будто мог прочесть ответ на мучившие его вопросы в завитушках карниза. – Изменить имя не значит изменить карму. Я хотел отказаться от родовой фамилии, потому что считал, что ненавижу отца, но если разобраться... Мой отец был слаб и принимал неверные решения, и он страдал от этого. У меня нет причин ненавидеть его. А до него были целые поколения Эрондейлов – они совершили немало благих дел, и дать угаснуть роду в отместку отцу было бы роковым решением.

– Впервые слышу, что ты говоришь об отце... о родном отце, – заметила Клэри. – Как правило, отцом ты называл Валентина.

Он накрыл руками ее руки на своей груди. Пальцы были холодные.

– Когда-нибудь мы будем здесь жить, – промолвил он. – Вместе.

Зная, что он ее не видит, Клэри улыбнулась.

– Думаешь заманить меня красивым домом? – спросила она. – Не спеши, Джейс. Джейс Эрондейл, – добавила она и крепче обняла его.

Свесив ноги, Алек сидел на краю крыши, ему нравилось здесь сидеть. Если Мариза или Роберт увидят его, то сразу окликнут, но было сомнительно, что они скоро вернутся. Джия пригласила их к себе, и не просто так, а по делу. Через неделю должны утвердить новый договор с Дивным народцем, а окончательного текста еще не было. Все шло к тому, что старшие Лайтвуды задержатся в Идрисе, тогда как их дети вернутся в Нью-Йорк. Алек подумал, что в отсутствие родителей фактически будет руководить Институтом, и эта идея пришла ему по вкусу. *Хоть отвлекусь немного*, подумал он.

Потери и лишения были неотделимой частью жизни любого Сумеречного охотника, но Алеку от этого было не легче. Он никак не мог забыть выражение лица Хелен, когда Конклав приговорил ее к ссылке на остров Врангеля.

– Не кори себя, ты не смог бы ничего сделать, – послышался за спиной знакомый голос.

Алек даже глаза зажмурил от неожиданности.

– Как ты сюда забрался? – спросил он.

Магнус усаживался рядом, как будто был мальчишкой. С тех пор как они вернулись из Эдома, Алек видел колдуна дважды, да и то мельком. Первый раз, когда Безмолвные братья выпускали их из карантина, а второй – сегодня, когда собрался Конклав, но им не удалось даже словом переброситься. Алек окинул друга взглядом. К Магнусу вернулся здоровый цвет лица, синяки под глазами исчезли, он выглядел, как всегда, ухоженным.

Алек вспомнил, как обнимал Магнуса там, в Царстве демонов. Странно, но почему-то это сделать всегда легче, когда думаешь, что твой друг вот-вот умрет.

– Я голосовал против ее ссылки, – сказал он.

– Знаю, – кивнул Магнус. – Ты и еще десять нефилимов. Преобладали те, кто проголосовал «за». – Он покачал головой. – Нефилимы запуганы и вымещают свой страх на тех, кто на них не похож. Я видел такое тысячи раз.

– Я почувствовал себя бесполезным, это неприятное чувство.

– Бесполезным? – Магнус устремил глаза к небу, на котором уже загорались звезды. – Ты спас мне жизнь.

– В Эдоме-то? Я только помог тебе, но на самом деле... ты сам себя спас.

– Не только в Эдоме. Мне почти четыреста лет, Александр. Солидный возраст, да? В этом возрасте многие маги теряют способность волноваться, удивляться... Теряют способность чувствовать. Я всегда убеждал себя в том, что со мной такого не случится. Я воображал себя эдаким Питером Пэном, вечным мальчишкой. Но за последние двадцать лет мой пыл поубавился. Долгое время до встречи с тобой у меня никого не было. Я никого не любил, Алек, никого. Просто не встретил такого или такую, кто заставил бы мое сердце биться быстрее. Когда появился ты, я почувствовал себя окрыленным. Скажу более: я никогда не испытывал такого сильного чувства.

Алек затаил дыхание.

– Ты хочешь, чтобы мы опять были вместе?

– Если ты этого хочешь, – Магнус ответил так робко, с такой надеждой, что Алек посмотрел

на него с удивлением. Его друг казался совсем молодым.

Если ты этого хочешь.

Неделями Алек мечтал о том, чтобы Магнус произнес эти слова, но теперь, когда они прозвучали, в груди не было фейерверка, лишь холод и пустота.

– Не знаю, – ответил он.

Свет в глазах Магнуса погас.

– Я понимаю, что ты... По отношению к тебе я был не очень добр.

– Да, – буркнул Алек. – Но в этом нет ничего такого. Трудно рвать с кем-то по-доброму. Магнус, мне жаль, что я так поступил. Я был не прав, прости. Но... Но если копнуть глубже, я не могу прожить свою жизнь с ощущением, что совсем не знаю тебя. Ты любишь говорить, что прошлое в прошлом, но именно прошлое сделало тебя тем, кто ты есть. Я хочу знать все про твою жизнь, и, если ты не желаешь рассказать мне о ней, я не останусь с тобой. Потому что я знаю себя и знаю, что мне будет плохо от неведения. Я не хочу, чтобы мы оба снова прошли через это.

Магнус подтянул колени к груди и обхватил их. В сумерках он казался нескладным и долговязым – длинные ноги, длинные руки, тонкие пальцы со сверкающими кольцами.

– Я люблю тебя, – спокойно произнес он.

– Не надо... – отозвался Алек. – Не надо. Это нечестно. Кроме того... – Он отвернулся. – Сомневаюсь, что я первый, кто разбил тебе сердце.

– Мое сердце разбивалось чаще, чем нарушался Закон, не позволяющий Сумеречным крутить романы с обитателями Нижнего мира. – В голосе Магнуса прозвучало раздражение. – Алек... ты прав.

Алек старался не смотреть на него. Неужели обиделся?

– Хочу быть честным перед тобой, – продолжил Магнус. – Я всегда убеждал себя, что буду открыт для нового жизненного опыта, но когда я встретил тебя, я... испугался. Ты прав, между любящими не должно быть прошлого. Если не говорить правду о себе, то ты и сам со временем забудешь то, что на самом деле забывать не стоит. Биение сердца, радость, отчаяние, добрые дела, постыдные поступки... если не держать все это в памяти, ты исчезнешь.

– Я... – Алек не знал, что сказать.

– Я многое передумал с тех пор, как мы расстались, и наконец решился. – Из внутреннего кармана Магнус вытащил блокнот. Самый обычный блокнот на спирали, но когда ветер раскрыл его, Алек увидел, что страницы исписаны тонким, витиеватым почерком. – Я описал мою жизнь...

Алек округлил глаза.

– *Всю жизнь?*

– Не всю, на всю бумаги бы не хватило. Лишь те ее эпизоды, которые важны для меня. Например, как я встретил совсем еще юного Рафаэля, как влюбился в Камиллу Белькур. Описал историю отеля «Дюмор», правда тут мне помогла Катарина. Я описал мой первый любовный опыт и кое-какие из последних увлечений. Имена тебе, наверное, известны... Эрондейл...

– Уилл Эрондейл, – кивнул Алек. – Камилла говорила о нем. – Он взял блокнот; тонкие страницы казались шероховатыми: Магнус сильно надавливал ручкой на бумагу. – Ты был... с ним?

Магнус засмеялся и покачал головой:

– Нет... это другое. Вообще, на этих страницах много Эрондейлов. Сын Уилла, Джеймс Эрондейл, он тоже был замечательный, и сестра Джеймса, Люси... Но должен сказать, что к Стивену Эрондейлу я не испытывал симпатии. А Джейс... – Он заметил, что Алек смотрит на него, и быстро добавил: – Никаких Эрондейлов, никаких Сумеречных охотников!

– Никаких Сумеречных охотников?

– Никого, кроме тебя, – произнес Магнус. – Считаю это первой порцией из того, о чем я должен тебе рассказать. Я не был уверен, когда начал писать, но я надеялся... если ты хочешь быть со мной так же, как я хочу быть с тобой, то воспримешь мои записи как свидетельство. Свидетельство того, что я готов доверить тебе нечто такое, чего никому и никогда не доверял: мое прошлое, правду обо мне. Я хочу разделить с тобой мою жизнь, а значит, прошлое, настоящее и будущее.

Алек опустил блокнот. На первой странице было написано: *Милый Алек...*

Он мог отдать блокнот, окончательно порвать с Магнусом, найти себе друга среди Сумеречных и любить его, делить с ним дни и ночи, вести будничную, рутинную жизнь.

А мог выбрать Магнуса и впустить в жизнь захватывающую магию его любви.

Да есть ли выбор вообще? Алек глубоко вздохнул, как будто собирался прыгнуть с вышки.

– Ладно, – сказал он.

Магнус всем корпусом повернулся к нему:

– Правда?

– Правда, – подтвердил Алек. Он протянул руку, и их пальцы переплелись. Магнус взял Алека за подбородок и поцеловал: долгий, нежный поцелуй, поцелуй, обещавший многое на «потом», когда они не будут сидеть на крыше на глазах прохожих.

– Так, значит, я твой первый Сумеречный охотник? – спросил Алек, когда они наконец кончили целоваться.

– Ты много в чем *мой первый*, Алек Лайтвуд, – ответил Магнус.

Когда Джейс оставил Клэри у дома Ааматис, солнце уже садилось. Девушка посмотрела ему вслед; она радовалась, что на следующий день они покинут Идрис, но в то же время не могла избавиться от грусти.

Кое-что в Идрисе ей нравилось, и в первую очередь Аликанте. Ряды домов вдоль канала в сумерках обрели расплывчатые очертания, башни мягко светились. Она подумала, что Аликанте – провинциальный город, никакого сравнения с шумным Нью-Йорком, но здесь тоже можно жить.

В доме было тепло. Люк сидел на софе и читал книгу. Джослин дремала рядом, поджав ноги. Увидев Клэри, Люк улыбнулся и, прижав палец к губам, указал на кухню.

Девушка помотала головой и на цыпочках поднялась к себе, стараясь не разбудить маму. Снимая куртку, она поняла, что в комнате кто-то есть.

Холодный воздух вливался через полуоткрытое окно. На подоконнике сидела Изабель. На ней были джинсы, заправленные в сапоги, и облегающий свитер, короткая дубленка лежала на коленях. Она посмотрела на Клэри и натянуто улыбнулась.

Клэри подошла и села рядом.

– Прости, – сказала Изабель. – Вероятно, мне следовало войти через дверь, но мне не хотелось попадаться на глаза твоим родителям.

– Как прошел Конклав? – спросила Клэри. – Что-то случилось...

Изабель грустно улыбнулась:

– Фейры приняли условия.

– Но ведь это хорошо, да?

– Может быть. Но Магнус так не думает. Просто... Отовсюду вылезали мерзкие язвительные языки. Как будто это и не победа. Хелен Блэкторн отправляют на остров Врангеля. Нет, ну ты представляешь! Ее сослали только за то, что в ней есть кровь фейров.

– Какой ужас! А что Алина?

– Алина собралась с ней, она сказала об этом Алеку, – продолжала выкладывать новости Изабель. – За младшими Блэкторнами и за девочкой... ну, за той, которой нравитесь вы с Джейсом, приехал присматривать какой-то дядюшка. Впрочем, это я так думаю, что он возьмет девочку, а вообще не знаю.

– Ее зовут Эмма. Могла бы и запомнить.

– Я ничего сейчас не могу запомнить. – Изабель глубоко вздохнула. – Я вообще ни о чем не могу думать. Я понимаю, что мы должны были выбраться из Эдома – иначе мы бы все там погибли, – но мне так *не хватает Саймона*. Я пришла сюда, потому что ты единственная, кому его не хватает так же, как и мне.

Замолчав, Изабель стала теребить красный камень на шее, устремив в окно неподвижный взгляд. Этот взгляд говорил: *я стараюсь не заплакать*.

– Я тоже по нему все время скучаю, – сказала Клэри, – но, наверное, по-другому. Это все равно что проснуться и увидеть, что у тебя нет руки или ноги.

Изабель продолжала смотреть в окно.

– Расскажи мне про телефонный звонок, – попросила она.

– Не знаю, – засомневалась Клэри. – Не думаю, что тебе действительно надо...

– *Расскажи мне*. – Тон Изабель был таким, что Клэри не могла отказать.

Это было через три дня после их возвращения – до этого они находились на карантине. Раньше ни один Сумеречный охотник не возвращался из Царства демонов, и Безмолвные братья хотели убедиться, что они не притащили с собой никакой заразы. Каждому из них отвели отдельную келью, и Клэри все эти дни пыталась доказать Безмолвным братьям, что ей нужен стилус; с помощью стилуса она хотела открыть Портал и увидеть Саймона. Она ни на что не рассчитывала – ей просто надо было знать, что с ним все в порядке.

Когда карантин закончился, один из братьев отвел ее в кабинет Консула, не в домашний кабинет, а в тот, что в Гарде: там был единственный в Аликанте телефон. Работал он благодаря стараниям Рагнора Фелла, приятеля Магнуса, такого же, как и он, колдуна.

Джия Пенхоллоу жестом пригласила Клэри сесть.

– Магнус Бейн рассказал мне о том, что случилось с Саймоном Льюисом, – сообщила она. – Хочу выразить свои соболезнования в связи с потерей.

– Он не умер, – прохрипела Клэри. – По крайней мере, не должен был умереть. Кто-нибудь пытался проверить, все ли с ним в порядке?

– Да, – неожиданно ответила Джия. – С ним все в порядке. Он снова живет с мамой и сестрой и, похоже, хорошо себя чувствует. Он теперь не вампир, а обычный человек. Судя по всему, он действительно ничего не помнит о Сумеречном мире.

Клэри вздрогнула:

– Мне надо с ним поговорить.

– Ты знаешь Закон, дорогая. – Джия поджала губы. – С *примитивными* о Сумеречном мире можно говорить, только если возникает опасность. Ты не должна напоминать ему о том, что было. К тому же освободивший вас демон лишил Саймона *таких* воспоминаний. Об этом я знаю от Магнуса.

Освободивший вас демон. Значит, Магнус не признался, что это был его отец...

– Я ничего не скажу Саймону. Просто хочу услышать его голос. Мне надо знать, что с ним все в порядке.

Джия со вздохом пододвинула к ней телефон. Клэри схватила его, и пальцы сами набрали номер в Бруклине.

К ее удивлению, соединение произошло, и трубку сняли почти сразу; раздался знакомый голос мамы Саймона.

– Алло?

– Алло... – Трубка чуть не выскользнула из мгновенно вспотевшей руки Клэри. – Саймон дома?

– Что, что? А, да, он у себя в комнате. А кто его спрашивает?

Девушка закрыла глаза, мама Саймона всегда узнавала ее.

– Клэри...

После короткой заминки женщина переспросила:

– Простите, кто?

– Клэри Фрэй. – Она ощутила привкус металла на языке. – Я... я учусь в Сен-Ксавье. Звоню по поводу лекций по английской литературе.

– О, конечно, сейчас позову.

Клэри вздрогнула. Эта женщина называла Саймона чудовищем, выгнала его из своего дома, а теперь спокойно пошла узнавать, ответит ли он на телефонный звонок «какой-то» тинейджерки из Сен-Ксавье.

Она слышала удаляющиеся шаги Элен, тихие голоса, снова шаги...

– Алло?

Когда прозвучал голос Саймона, Клэри чуть не выронила трубку, сердце бешено колотилось. Она ясно представила его: худощавый, темноволосый, стоит, опираясь на стол в тесной прихожей.

– Саймон, – сказала она. – Саймон, это я, Клэри.

Молчание.

– Я... Мы знакомы? – В его голосе звучало недоумение.

– Мы вместе слушали лекции по английской литературе у мистера Прайса, – объяснила она; отчасти это было правдой – они действительно посещали лекции. – Скажи, у тебя сохранились записи? Мистер Прайс рассказывал нам о Диккенсе. «Повесть о двух городах»...

– О, прости... – Голос звучал вполне приветливо, но озадаченно. – У меня ужасная память на имена и лица. «Повесть о двух городах»? Разве мистер Прайс рекомендовал нам ее прочесть? – *Он даже это забыл*, ужаснулась Клэри, *мы же вместе читали эту книгу*, а Саймон продолжил: – Мне нравятся более современные вещи: «Над пропастью во ржи», «Уловка-22»... – Ей показалось, что он немного кокетничает. Наверное, подумал, что какая-то девчонка позвонила ему от нечего делать, он даже имени ее не знал.

– Кто твой лучший друг? – спросила она прямо. – Лучше всех на свете?

Он минуту помолчал и рассмеялся:

– Тебя, наверное, интересуется Эрик? Знаешь, если тебе нужен номер его телефона, он тебе и так скажет...

Клэри положила трубку и уставилась на аппарат, как на гадюку. И поскорее выбежала – ей категорически не хотелось расплакаться перед Консулом.

– Ты не думаешь, что он просто прикидывался? – спросила Изабель. – Может, он понял, кто ты, а признаться в этом было бы опасно?

Нет... Голос Саймона был веселым, *вполне обычным*. Такое невозможно сыграть.

– Я совершенно уверена, – грустно сказала она, – он нас не помнит.

Иззи отвернулась, но Клэри успела заметить слезы в ее глазах.

– Мне надо кое-что сказать тебе. – Спустя минуту Изабель справилась со своими чувствами. – Я не хочу, чтобы ты ненавидела меня.

– Ты о чем вообще? – искренне воскликнула Клэри.

– Знаешь, то, что сделал этот демон, даже хуже, чем если бы Саймон умер. Если бы он умер,

я бы горевала, но сейчас... Я совсем запуталась. Он жив, и я должна радоваться, но я не могу радоваться. Он больше не вампир, а он *терпеть не мог* быть вампиром. Мне опять надо радоваться, а я не могу. Он сказал, что любит меня, а теперь он даже не знает, кто я. Если бы я стояла перед ним, он бы не узнал меня. Как будто меня и не было. Как будто ничего не было, как будто он меня никогда не любил. – Она со злостью ударила себя по лицу. – *Ненавижу!* – вырвалось у нее. – Ненавижу это ощущение, когда вздохнуть невозможно полной грудью. Я и подумать не могла, что буду так терзаться о каком-то *мальчишке*.

– Не о каком-то, – поправила ее Клэри, – а о Саймоне. Он любил тебя, в этом все дело. Может быть, он не помнит, но помнишь ты. Помню я. Ты еще не забыла, каким был Саймон, когда вы познакомились? Он, кстати, тогда еще жил в Бруклине. Немного недотепа, да, но он был чудесен. Потом, когда все завертелось, он стал и сильнее и уязвимее одновременно, и вообще он стал другим. Ты страдаешь потому, что того Саймона, которого ты полюбила и который полюбил тебя, больше нет, но он может жить в твоей памяти. В твоей и моей.

Изабель всхлипнула:

– *Терпеть не могу терять*. – В ее голосе слышалось отчаяние.

Клэри взяла девушку за руку.

– Знаю, – сказала она. – Но мы рядом с тобой, Иззи. Я рядом с тобой.

Сплета пальцы, они молча сидели на подоконнике.

Майя сидела на диване в квартире... теперь это была ее квартира. Она была вожаком стаи, ей платили скромную зарплату, и она решила арендовать жилище, некогда принадлежавшее Джордану и Саймону, чтобы сберечь их вещи. Со временем она разберется с ними... разберется с воспоминаниями. Изгонит призраки.

Она сидела и перечитывала письмо от Джии Пенхоллоу. Консул не поблагодарила ее за предупреждение, но поздравила с назначением постоянным вожаком нью-йоркской стаи. Тон письма был холодным. К письму прилагалась бронзовая печать – печать главы «Претора Люпуса», не одно поколение Скоттов скрепляло ею свои письма. Эту печать нашли среди развалин на Лонг-Айленде. В конверте лежала также записочка: всего два слова, написанные ровным почерком Джии.

Начни сначала.

– С вами ничего не случится, обещаю.

Эмма подумала, что Хелен повторяет одно и то же, вероятно, в шестьсот девяносто седьмой раз. Кажется, она старается уговорить саму себя.

Хелен почти закончила складывать вещи, которые брала с собой в Идрис. Дядя Артур (он попросил Эмму называть его так) обещал передать остальное. Он ждал внизу с Алиной, чтобы сопровождать Хелен в Гард, откуда через Портал она перенесется на остров Врангеля. Алина собиралась отправиться следом за ней на следующей неделе, когда закончатся голосования в Конклаве.

Эмма сожалела, что когда-то считала Хелен и Алину плаксами. Теперь Хелен вообще не казалась ей плаксой, несмотря на красные глаза.

Трясущимися руками девушка закрыла на «молнию» свою сумку и повернулась к кровати. Кровать была огромная, на ней вполне могли уместиться все Блэкторны. Джулиан сидел в изголовье, Эмма с другой стороны. Близнецы, Дрю и Тэйви спали в своих комнатах.

Тиберий воспринял новость об отъезде Хелен, широко раскрыв глаза от удивления, но, похоже, он не знал, как ему на это реагировать. В конце концов он пожал сестре руку и торжественно пожелал ей удачи, как будто та ненадолго уезжала по делам.

– Ах, Тай, – сказала Хелен и разрыдалась, чем вынудила мальчика бежать.

Девочки отреагировали по-другому, они прижались к старшей сестре и дали волю слезам.

– Помни, что я сказала, ладно? – Хелен опустилась перед Джулсом на колени и посмотрела ему в глаза.

– С нами ничего не случится, – послушно повторил он.

– Мне не хочется оставлять вас... Если бы не это решение, я бы заботилась о вас. Ты знаешь это, да? Я бы взяла на себя Институт. Я вас всех люблю.

При слове «люблю» Джулиан скривился, как скривился бы любой двенадцатилетний мальчишка.

– Знаю, – выдавил он.

– Я уверена, что малыши останутся в надежных руках.

– Ты имеешь в виду дядю Артура?

– Я имею в виду тебя, – ответила девушка, и Джулс открыл рот от удивления. – Я знаю, что могу положиться на тебя. Я знаю, что ты успокоишь Дрю, если ей приснится страшный сон, ты найдешь подход к Таю, ты позаботишься о Ливви и Тэйви... А дядя Артур... Он довольно приятный... Забывчивый, но, кажется, он будет стараться. – Она замолчала, а потом начала снова: – Тай... Наш Тай не такой, как все. Он воспринимает мир иначе, чем мы. Не все могут говорить на его языке, но ты можешь. Позаботься о нем, ладно? Конклаву не нравятся те, кто выпадает из общего ряда... Пожалуйста, защити от них нашего Тая.

На лице Джулиана отразилось беспокойство.

– Тай ненавидит меня, – сказал он. – Все время со мной дерется.

– Он *любит* тебя, – печально улыбнулась Хелен. – Он спит с той пчелкой, что ты ему подарил. Он не спускает с тебя глаз. Он хочет быть похожим на тебя, но он не знает, как этого добиться. – Она могла бы добавить, что Тай завидовал умению брата легко общаться с миром, но не стала этого говорить.

Между бровями Джулиана пролегла складка смущения, он взглянул на Хелен и коротко кивнул:

– Я позабочусь о Тиберии, обещаю.

– Вот и хорошо. – Хелен поднялась и быстро поцеловала Джулиана в макушку. – Наш Тай не такой, как все, но мы все немножко не такие. – Потом она повернулась к Эмме: – Эмма... – Но тут самообладание изменило ей, и Хелен вылетела из комнаты, схватив на бегу сумку. Через минуту Эмма услышала, как хлопнула входная дверь.

Джулиан застыл. Девочка подвинулась к нему, раскрыла его ладонь и написала:

– Ч-Т-О-Н-Е-Т-А-К?

– Ты ведь слышала, что сказала Хелен? – прошептал Джулс. – Она доверяет мне заботу о младших. О Тэйви, Дрю, Ливви и Тае. В общем, обо всей моей семье. Мне двенадцать лет, а у меня будет четверо детей!

Она начала писать:

– Н-Е-Т-Т-Ы-Н-Е...

– Не надо, – остановил он ее. – Нас уже некому подслушивать. – Джулс произнес это с горечью, и Эмма едва не заплакала.

– Да, некому, – прошептала она. – Но мне нравится разговаривать с тобой на нашем секретном языке.

– Эмма, я видел дядю Артура только на каникулах. Хелен считает его замечательным... и все такое, но ведь речь идет о *моих* братьях и сестрах. Я знаю их, а он – нет. – Мальчик сжал кулаки. – Я буду заботиться о них. У них будет все необходимое, чего их уже никто не лишит. Я все сделаю для этого.

Эмма снова взяла его за руку и написала:

– Я-П-О-М-О-Г-У-Т-Е-Б-Е.

Он улыбнулся:

– Я и не сомневаюсь. – Он сжал ее руку. – Марк... он хотел, чтобы мы держались друг друга.

Но дело даже не в его одобрении, хотя для меня важно все, что связано со старшим братом. Просто... просто так всегда поступают *парабатаи*.

У Эммы перехватило дыхание. *Так всегда поступают парабатаи*. Когда она подтвердила, что они с Джулсом хотят стать *парабатаями*, внутренний голос шептал и шептал: *скажи ему, что ты готова на все, чтобы остаться в Лос-Анджелесе; скажи ему, что ты хочешь выяснить, что случилось с твоими родителями, что ты хочешь отомстить; разве не это в первую очередь движет тобой?*

– Джулиан, – тихо произнесла она, но он даже не шелохнулся, позволив себе задремать.

Тени от длинных ресниц ложились ему на щеки, лунный свет, пробивавшийся в окно, серебрил волосы. Она вдруг представила, каким он будет, когда повзрослеет. Он будет красивым, девушки таких любят, и одна из них уведет его от нее навсегда, потому что она, Эмма, его *парабай*, а значит, уже не сможет быть той самой девушкой.

Рукав Джулса был закатан до локтя. Она протянула руку и осторожно написала на нежной коже предплечья, еще не покрытой шрамами:

– М-Н-Е-Т-А-К-Ж-А-Л-Ь-Д-Ж-У-Л-С.

Она затаила дыхание, но он не проснулся.

Эпилог. Звезды над озером

Май 2008 года

Солнце ярко освещало угол Кэрролл-стрит и Шестой авеню, деревья были покрыты еще не запылившейся молодой листвой.

Выходя из подземки, Клэри, скинула с себя куртку и осталась в майке – жарко. Она спешила к колледжу Сен-Ксавье, зная, что сейчас там закончатся занятия.

Ее уже поджидали Изабель и Магнус. Магнус – на вид лет двадцать пять, не больше, – был в стильном бархатном пиджаке и джинсах, а Изабель – в коротком серебряном вечернем платье, не скрывавшем ее меток, которые *примитивные* принимали за татуировки, да и то видели не все. Одни метки были постоянные, другие – временные; те, что были доступны взору, смотрелись пикантно.

Клэри улыбнулась – в данную минуту ни ее, ни Магнуса, ни Изабель не видел никто. По улице шла пожилая женщина и вела на поводке той-пуделя. Пуделек остановился у дерева, где стояли ее друзья, и задрал лапу. Магнус свирепо взглянул на него, и собака, поскуливая, потащила свою хозяйку дальше, передумав справлять нужду.

– Роскошь быть невидимками имеет свои издержки, – вздохнул колдун.

– Вот он, – вдруг вскрикнула Изабель.

По ступенькам, разговаривая о чем-то, спускались трое юношей, Клэри сразу узнала их: Кирк, Эрик и Саймон. Кирк и Эрик не изменились, а Саймон...

Когда она видела его последний раз, он был бледный и грязный, в пятнах запекшейся крови. Теперь на его щеках играл румянец, волосы подросли и закрывали ему лоб. Не сказать, чтобы он поправился, но все же прибавил пару фунтов. На нем была полинявшая синяя рубашка. Болтая, Саймон оживленно жестикулировал и то и дело поправлял сползающие на кончик носа очки.

Не сводя с него глаз, Клэри стерла руну-невидимку. Магнус пробормотал, что надо быть осторожнее: ее внезапное появление под деревом могло хоть кого ввести в ступор, но никто даже не посмотрел в ее сторону.

– Удачи, – шепнула Изабель.

Иззи никогда бы не заговорила с Саймоном, подумала Клэри. Для ее подруги сам факт того, что ее забыли, был непереносим, притом что сама она не забывала Саймона ни на минуту.

Клэри направилась к колледжу. Кирк отошел, а Эрик, болтая с Саймоном, бросил на нее оценивающий взгляд. *Он не узнает меня*, поняла девушка. Она покачала головой и указала подбородком на Саймона. Эрик понимающе кивнул и, прежде чем ретироваться, хлопнул приятеля по плечу:

– Пока, старик.

Саймон повернулся, и у Клэри все сжалось внутри.

– Привет. – Она остановилась перед ним. – Привет, Саймон.

В темно-карих глазах промелькнуло смущение, он пятерней откинул волосы со лба:

– Я... Мы знакомы?

Она вдруг ощутила горьковатый привкус во рту:

– Когда-то мы дружили... Давно. В детском саду.

Саймон недоуменно поднял брови:

– Наверное, я был очаровашкой, если ты до сих пор меня помнишь.

– Да, я помню тебя, – кивнула она. – Я помню твою маму и твою сестру Ребекку. Ребекка разрешала нам поиграть в «голодного-голодного бегемота», и ты съедал все конфеты.

Саймон немного побледнел:

– Так ты... – Удивление в его голосе сменилось чем-то другим.

Она искала его взгляд, желая, чтобы он вспомнил хоть *что-то*.

– Говорю ж тебе, мы дружили.

– Но я не... помню, ничего не помню, – растерянно произнес он, и ее удивила темнота в его и без того темных глазах.

– Моя мама выходит замуж, – сообщила Клэри. – Сегодня. Вообще-то я туда иду.

Он потер висок:

– Тебе нужен жених напрокат?

– Нет. У меня уже есть. – Клэри не поняла, разочаровался он или еще больше смутился. Она чувствовала, что щеки у нее горят. – Просто... ты и моя мама когда-то были близки. Мне показалось, тебе надо знать о ее свадьбе. Это важный день, и было бы правильно, если бы ты был там.

– Я... – Саймон осекся. – Прости.

– Ты не виноват, – сказала она, привстала на цыпочки и быстро поцеловала его в щеку. – Будь счастлив.

Клэри повернулась и зашагала прочь. Она неясно видела фигуры Изабель и Магнуса, ждавших ее на другой стороне улицы.

– погоди!

Саймон догнал ее и протянул какой-то листок.

– Моя группа... – извиняющимся тоном произнес он. – Может быть, придешь... как-нибудь.

Она взяла самодельную рекламку, молча кивнула и пошла дальше, потом не удержалась и оглянулась. Он стоял и смотрел ей вслед, на его лице читались смущение и... сожаление.

Увидев спешившую к ним Клэри, Изабель оторвалась от дерева. Клэри притормозила, вынула стилус и наскоро набросала Руну невидимости. Если Саймона удивит ее внезапное исчезновение – пусть.

– Ты был прав, – обратилась она к Магнусу. – Это бесполезно.

– Я не сказал, что бесполезно, – покачал головой Магнус. – Я сказал, что он не вспомнит тебя. А еще я сказал, что тебе надо совладать с собой и начать все сначала.

– *Никогда* не совладаю, – отрезала Клэри и глубоко вздохнула. – Извини, – сказала она, смягчив тон. – Извини. Ты не виноват, Магнус. Иззи... для тебя это тоже было невесело. Спасибо, что вы пришли со мной.

Магнус пожал плечами:

– Нечего извиняться, конфетка.

Изабель молчала. Клэри отдала ей листок.

– Что это?

– О его группе... приглашение на концерт. – Клэри вздохнула. – Когда-то я помогала ему ксерокопировать и распространять такие флаерсы... Ладно, ничего. Просто надо пережить все это. – Она натянула куртку и махнула им рукой. – Всем пока.

Изабель провожала глазами Клэри – неприметная фигурка среди других пешеходов. Потом перевела взгляд на флаерс.

САЙМОН ЛЬЮИС, ЭРИК ХИЛЛЧЁРЧ, КИРК ДЮПЛЕСС И МЭТТ ЧАРЛТОН

«ОРУДИЯ СМЕРТИ»

ПРИ ПРЕДЪЯВЛЕНИИ СКИДКА НА ВХОДНУЮ ПЛАТУ 5 ДОЛЛАРОВ!

У Изабель перехватило дыхание.

– Магнус.

Он тоже смотрел вслед Клэри, но возглас Изабель заставил его повернуться.

– Вот, читай! – Иззи сунула ему листок.

– «Орудия смерти»...

– Да, это название его группы. Магнус, ты говорил, если он что-нибудь вспомнит, если будет какая-то зацепка, можно попробовать...

Магнус попытался отыскать глазами Клэри, но ее уже и след простыл.

– Хорошо, – кивнул он, – попробую. Но если это не сработает, *если он не захочет*, Клэри мы ничего не скажем.

Изабель уже доставала стилус:

– Магнус, это шанс.

– Сказал же, попробую.

Сплошные вопросы, подумал Саймон. Вчера он заходил в кофейню, и женщина за стойкой спросила, где его подружка. «Какая?» – удивился он. «Ну, миленькая такая, она еще всегда заказывала эспрессо». На самом деле у него не было никакой подружки. Когда он сказал барменше, что она, вероятно, его с кем-то перепутала, та посмотрела на него как на ненормального.

Потом к нему подошла эта рыженькая девушка...

У входа в колледж было пусто. Эрик куда-то исчез, хотя вроде бы предлагал подкинуть его домой на своем мотороллере. Будет теперь подкалывать, что он, Саймон, девчонок клеит только так. *Мачо*.

Но у Саймона даже в мыслях не было клеить ее. Девушка казалась такой хрупкой, несмотря на потрясные татуировки, украшавшие ее плечи. Может быть, она сумасшедшая? Нет, не похоже. В смотревших на него больших зеленых глазах гнездилась печаль; она не заигрывала с ним. Она искренне полагала, что когда-то они действительно что-то значили друг для друга.

Может быть, он и знал эту девушку, подумал Саймон. Может быть, он что-то забыл... кто же помнит друзей по детскому саду? Он попытался представить ее, сделать это было не сложно. Девушка в его воображении не грустила, а улыбалась и что-то держала в руке... рисунок? Образ исчез, как сорвавшаяся с крючка серебристая рыбка.

Саймон напряг память, в последнее время он часто этим занимался. Мелькали какие-то ничего не значащие картинки, обрывки стихов, вероятно выученных в школе, мамины наставления... Ребекка играет на пианино... И еще ему снились сны, от которых он просыпался весь в поту. Выжженная пустыня, чьи-то тревожные голоса, вкус крови... кто-то стреляет в кого-то из лука. Может, он сам? Стрелять из лука он научился в лагере скаутов, но как же давно это было... Утром он чувствовал себя разбитым, мучился ощущением чего-то забытого, какой-то утраты... какой, черт возьми? Свое состояние он объяснял усталостью – учебной нагрузкой в колледже и репетициями. Да еще мама вчера сказала невпопад: «Едва начинаешь думать о будущем, как тебя одолевает прошлое». Он полдня гадал – к чему это она?

Саймон уже собрался идти к метро, когда его окликнул какой-то парень лет двадцати пяти, с немного раскосыми глазами и черными короткими волосами. На нем был стильный бархатный

пиджак; на кармане блестящей нитью вышит герб какого-то учебного заведения.

Еще один, подумал Саймон и спросил:

– Вы меня?

– Именно, – кивнул незнакомец. – Я – Магнус. – Сверкнула белозубая улыбка. – Магнус Бейн.

– А мы случайно не были друзьями в прошлом? – Саймон задал этот вопрос просто так, по инерции.

– Ну, до этого дело не дошло, но моему коту ты нравился.

Приехали...

– Коту? У кого из нас шизофрения – у меня или у вас?

– Мы оба в полном порядке, и, надеюсь, ты нормально воспримешь всё, что я тебе сейчас скажу. – Парень позвал: – Изабель!

Вдруг из ниоткуда появилась девушка. Возможно, самая красивая из всех, кого он, Саймон, видел. Длинные черные волосы рассыпались по плечам, как и у той самой, рыженькой, покрытым татуировками. На девушке было короткое серебристое платье, не скрывавшее точеные ножки. Саймону захотелось немедленно сочинить плохие стихи о соловьиных трелях, которые он, кстати, никогда не слышал. *Или все-таки слышал?*

– Привет, Саймон, – сказала красотка.

Это было невероятно... такая девушка запросто называет его по имени. Да еще с такой интонацией. *Интонация... интонация... интонация...* Мозг снова забуксовал, как старый автомобиль.

Парень протянул руку (длинные пальцы унизаны кольцами... ммм?), и девушка неизвестно откуда вытащила книгу в белом кожаном переплете с золотым тиснением. Что написано на обложке, Саймон не понял.

– Это книга заклинаний, – пояснил парень, как его... Магнус? Магнус Бейн?

Заклинаний, что за чушь? – одновременно мелькнула мысль.

– Мир пронизан магией. – Парень кивнул, словно услышал. – Ангелы и демоны, вампиры, оборотни, феи... Тебе, вероятно, кажется, что это сказочные персонажи, но когда-то ты сам был среди них. Более того, ты был одним из них. Ущипни себя, ты ведь вполне реальный, да? Но потом тебя отлучили от этого мира – кстати, по твоему желанию, – но я не буду сейчас рассказывать подробности. Идея заключалась в том, что ты проживешь оставшуюся жизнь без всего этого волшебства, обычным человеком. А значит, забудешь тех, кого любил, если они были связаны с Сумеречным миром. – Парень провел рукой по обложке, и затейливая вязь букв вдруг превратилась в латиницу. Саймона словно током ударило. – Ты был дневным вампиром, Саймон, светоллюбом. Ты сражался с демонами, и, знаешь, у тебя получалось. – Парень усмехнулся. – Это просто садизм, отнять у тебя все это.

Девушка откинула темные волосы, и у нее на шее что-то блеснуло. *Рубин... Красный рубин.* Саймон снова ощутил удар током, но на этот раз куда более сильный.

А парень продолжал:

– Если Клэри родилась необычной, то ты стал необычным, Саймон. Но ты приспособился. С высоты своих лет могу сказать тебе, что мир не делится на обычный и необычный, и необычным может стать каждый. Вам ведь наверняка говорили в колледже о свободе выбора? Так вот, ты можешь сделать свой выбор.

У Саймона пересохло в горле.

– Простите, но я не понимаю... О чем весь этот разговор?

Парень постучал пальцем по книге:

– В своих снах ты искал выход из наложенного на тебя проклятия. – Саймон хотел

возразить, что он не был проклят, но промолчал, так как превратился в слух. – Ты мог бы стать Сумеречным охотником, как Изабель. – Парень взглянул на девушку. – Вообще-то надо было предложить это гораздо раньше, но я колебался. К Вознесению, или, иначе, посвящению в нефилимы, Сумеречные относятся трепетно. Со всей строгостью, я бы сказал. Но, как заметил мой друг Алек, они теперь «отчаянно нуждаются» в пополнении. Нефилимы понесли невосполнимые потери в Темной войне, и это упрощает дело. За тебя многие готовы поручиться. А я кое-что могу сделать с помощью этой книги. Не обещаю наверняка, что ты все вспомнишь, но я могу подготовить тебя к Вознесению, а как только ты станешь Сумеречным охотником, он не сможет навредить тебе. Ты будешь под защитой, и не исключено, что твоя память вернется.

Саймон посмотрел на девушку. На нее смотреть – все равно что на солнце, запросто можно ослепнуть, но сама она... Она смотрела на него так, как если бы соскучилась по нему, хотя он знал, что это невозможно.

– Действительно магия? – спросил он. – Вампиры, оборотни, волшебники...

– Маги, – поправил его парень. – Или, если хочешь, колдуны. Но «маги» мне нравится больше.

– И всё это... правда существует?

– Существует. – Голос девушки был приятным, чуть с хрипотцой от волнения и... знакомым. Ему вдруг припомнился запах солнца и цветов... и привкус крови во рту. Вместо тихой улицы он увидел город с башнями, светящимися, словно они были сделаны из стекла.

– Это не сказка, Саймон. Быть Сумеречным охотником – значит быть воином. Это нелегко, но если тебе это подходит, я буду только рада. Для себя я и не хотела бы иной судьбы.

– Решать тебе, Саймон Льюис, – произнес парень. – Ты можешь учиться в колледже, заниматься музыкой, ты можешь жениться, родить детей, ты можешь быть таким, как все. Или... ты можешь выбрать жизнь, полную опасностей. Если уж совсем просто, ты можешь получать удовольствие, читая книги о невероятных приключениях, а можешь сам стать героем одной из таких книг. – Он подошел на шаг ближе, и Саймон понял, почему его глаза показались ему необычными. Они были золотисто-зелеными, с кошачьими зрачками. Нечеловеческие глаза. – Выбор за тобой, мой мальчик.

Клэри была удивлена тем, насколько шикарные букеты умеют составлять оборотни, она таких не видела даже в магазинах флористики. Свадьбу мама с Люком собирались отпраздновать на ферме, и стоя с Майей во главе целую неделю потратила на то, чтобы привести в порядок и дом, и территорию вокруг. Парни помоложе натаскали песок с озера и посыпали дорожки, на деревьях развесили электрические гирлянды, девчонки бегали по магазинам, закупая все необходимое к празднику.

Клэри прекрасно помнила, как они с Саймоном играли в амбаре, когда им было лет по десять; уже тогда он грозил обвалиться, но теперь выглядел как новенький. Именно в нем должна была пройти церемония. Внутри поставили ряды стульев, как в театре, а в центре – пюпитр для книги регистраций. Кто-то проявил чувство юмора: стропила увивали роскошные гирлянды из люпина. В больших деревянных вазонах стояли композиции из лилий, рогоза и золотарника. Когда молодые шли по проходу, их осыпали дождем полевых цветов.

Сама церемония прошла суматошно, Клэри почему-то очень волновалась, как будто сама была невестой, и запомнила только мамино счастливое лицо да блеск в глазах Люка. Когда официальная часть подошла к концу, Джослин переоделась: сняла вечернее платье, надела простой белый сарафан, собрала волосы в пучок и скрепила его длинным цветным карандашом. А Люк так и остался в костюме светло-серого цвета, который ему очень шел.

К свадьбе Клэри нарисовала портрет мамы и Люка, и теперь он висел на стене. Она

рисовала его с удовольствием – трудно было поверить, что наконец-то, после всех передрыг, можно снова взять в руки кисть – самую обычную, беличью – и изобразить не руну, а то, к чему лежала душа.

Клэри посмотрела на Джослин, которая о чем-то болтала с Майей, затем бросила взгляд на Люка – он стоял, заложив руки за пройму жилетки, словно мечтал о чем-то, – и выскользнула на улицу.

Вся ферма сияла, хотя до полнолуния было еще далеко. Гирлянды светились, а конкуренцию им составляли переливающиеся кристаллы – подарок Магнуса. Почему-то Клэри не видела его на церемонии, хотя там были все ее друзья: Джейс, который оставил где-то, вероятно в ближайшем кустарнике, положенный галстук, Алек в строгом черном костюме (не только при галстук, но даже с платочком в нагрудном кармане пиджака – вот оно, влияние Магнуса), Изабель в серебристом платье, Майя и Бэт, державшиеся за руку. Были также Роберт и Мариза, прекрасно смотревшиеся вместе (Клэри знала, что в их отношениях что-то изменилось, но не хотела об этом расспрашивать подругу).

В поисках Магнуса она направилась к большому белому шатру, где соорудили пульт для диджея (им вызвался быть Бэт), отметив про себя, что скоро начнутся танцы, но колдуна там не было. Не было его и у столов, покрытых белыми скатертями. Посуда на столах была разнокалиберная: тончайший китайский фарфор, который Люк покупал на блошиных рынках, соседствовал с простыми бумажными тарелками, винных бокалов на всех не хватило, и кому-то пришлось довольствоваться баночками из-под джема, но разве это имело какое-то значение?

Зато Джейс урвал для себя не просто бокал, а хрустальный фужер с шампанским. Увидев Клэри, он подмигнул ей. Весеннее солнце успело позолотить его кожу, и он был так красив, что у Клэри защемило сердце.

– Посмотри-ка туда. – К ней подошла Изабель и глазами показала на молодую пару.

Клэри обернулась. Красивая девушка лет девятнадцати – двадцати. Одета в зеленое винтажное платье, каштановые волосы распущены по плечам, на шее – ожерелье из нефрита. Девушку держал за руку худощавый юноша в элегантном черном костюме и белой рубашке, оттенявшей скуластое лицо. Он наклонился и прошептал что-то ей на ухо, и девушка звонко расхохоталась.

– Это же брат Захария, – сказала Изабель. – Что он здесь делает?

– То же, что и мы, – ответил вместо сестры подошедший Алек.

– Алек, где Магнус? – спросила Клэри.

Теперь вместо брата ответила Изабель:

– Он выполняет поручение. – В ее голосе слышалась улыбка.

Клэри снова бросила взгляд в сторону брата Захарии и незнакомой ей девушки, но те уже смешались с толпой.

Она почувствовала, как чья-то рука легла ей на талию. *Джейс...*

– Потанцуй со мной, – пригласил он.

Бэт уже занял место за пультом, но пока еще не врубил музыку. Впрочем, тихая мелодия все же звучала: Катарина Лосс, кожа которой отливала нежной голубизной, тихонько перебирала клавиши рояля.

– Ну, нам пора. – Изабель ухватила Алека за локоть и утащила его в толпу.

– Джейс, я не пойду с тобой танцевать, я стесняюсь, – сказала Клэри. – Давай потом, не люблю привлекать к себе внимание.

– Тогда пойдем туда, где нас никто не увидит... А хочешь, пойдем в дом, – шепнул он, касаясь губами ее шеи. – Там есть спальни.

Она шутливо толкнула его в грудь:

– Это мамина свадьба, и мы не будем заниматься любовью.

– Почему?

– В доме полно вампиров, – вздохнула она. – Здесь для них слишком светло.

– Люк пригласил *вампиров*?

– Не Люк, а Майя – с позволения Люка, конечно. Так, жест дружбы. Они пытаются жить в мире.

– Уверен, вампиры не нарушат нашего уединения.

– Не нарушат, но все равно... Давай потом.

Беседуя, они дошли до небольшой рощицы; ноги утопали в траве с белыми, напоминающими звездочки цветами.

Джейс снова притянул Клэри к себе и поцеловал.

– Я люблю тебя, – прошептала она.

Он улыбнулся:

– Мне кажется, незабвенная мадам Доротея, ну, та самая гадалка, ваша соседка, была совершенно права, предрекая, что я влюблюсь не в ту девушку. Вот другая девушка, она бы не отказалась пойти в дом.

Нет, ну это невозможно! Клэри захотелось макнуть Джейса в озеро, чтобы он хоть немного охладил свои дурные мозги.

Но глаза Джейса уже были серьезными.

– Ты первая, кто заставил меня сомневаться в себе, – сказал он. – Мне с детства внушали, что я должен быть совершенством. Во всем. И я старался. Даже когда я попал к Лайтвудам, я старался из всех сил... потому что боялся, что от меня откажутся. Мне и в голову не приходило, что любовь начинается с прощения. И вот пришла ты и разнесла в клочья все мои умопостроения. В тебе было... столько любви, столько прощения и столько веры. Столько, что я перестал гнаться за совершенством, ведь в жизни есть много других вещей, которые раньше проходили мимо меня. – Он опустил глаза; Клэри видела, как бьется пульс на его виске, чувствовала его волнение. – Ты помогла мне стать другим, Клэри, вот этого Доротея не предвидела. И между прочим, этот другой Джейс мне самому нравится гораздо больше. Даже если по каким-то причинам мы с тобой расстанемся, прежним я не хочу быть. – Он помолчал, а потом воскликнул: – Но мы не должны с тобой расставаться, Клэри, никогда и ни при каких обстоятельствах! – Руки на ее плечах задрожали.

Клэри вспомнила тяжелый, даже пугающий взгляд, каким он частенько награждал ее в первые дни знакомства. Она уже давно поняла, что это было самозащитой, а теперь Джейс фактически подтвердил это.

– Можно, я скажу тебе кое-что банальное? – прошептала она.

– Банальное? Пожалуй, ты выбрала не самый лучший момент. Скажи лучше, что любишь меня.

– Джейс... В теле человека сто триллионов клеток, ну, или что-то вроде того. Та к вот, каждая клетка моего тела любит тебя. Клетки отмирают, появляются новые, и эти новые клетки любят тебя даже больше старых. А когда я умру и мое тело сожгут, ведь я, как и ты, Сумеречная охотница, пепел, оставшийся после меня, станет частью земли и воздуха, а значит, все вокруг пропитается моей любовью к тебе... – Она не выдержала и рассмеялась: – Ну, как тебе мой спич? Может, мне дамские романы писать?

Не дождавшись ответа, она потянулась и поцеловала его... от Джейса пахло шампанским; может, надо было пойти в дом, пусть даже в нем полно вампиров?

– Кхм, – раздался чей-то кашель, и Клэри быстро отпрянула.

Магнус.

– Магнус, что ты здесь делаешь? – сказал Джейс.

– Пришел за вами – ответил колдун. – Мне кажется, вам кое-что следует увидеть.

– Магнус, МЫ ЗАНЯТЫ. – Джейс недовольно закатил глаза.

– Вижу, как же. Но вы, вероятно, всю жизнь проведете вместе, так что еще успеете *этим* заняться. – О выделил слово «этим», и Клэри покраснела. – А сейчас я предлагаю вам пойти со мной, потому что если не пойдете – пожалеете.

– Ладно, – сказал Джейс, и Клэри кивнула.

– Я верю Магнусу, – сказала она. – Если он так говорит, значит, это действительно важно.

– А если нет, я утоплю его в озере, – предупредил Джейс.

Алек стоял и смотрел на танцующих. Вампиры тоже присоединились к гостям; о них позаботились – Люк распорядился выставить на стол бутылки с кровью – праздник, в конце концов.

Когда отгремела какая-то фантастическая рок-композиция, Лили под села к роялю и на пару с Катариной выдала джаз. *Ничего себе!* – восхищенно подумал Алек.

Заглушая музыку, чей-то голос прошептал ему на ухо:

– Полагаю, церемония была прекрасна.

Юноша обернулся и увидел отца; его большая рука сжимала бокал с шампанским, а сам он разглядывал гостей. Роберт был крупный мужчина, и костюмы ему не шли; он выглядел как школьник-переросток, которого родители в честь свадьбы заставили одеться «прилично».

– Привет, – поздоровался Алек и бросил взгляд на маму: она разговаривала с Джослин чуть поодаль. Темные волосы Маризы еще больше подернула седина, но, как всегда, она была элегантна. – Мило, что ты пришел, – буркнул он. Мариза вернулась из Идриса уже давно, а Роберт – буквально пару дней назад. Мать знала, что он, Алек, живет в Бруклине, у Магнуса, но никак это не комментировала; с отцом он даже не собирался говорить на эту тему, да и, признаться, с некоторых пор мнение отца его не интересовало. – Ты так вежлив с мамой, это... действительно мило.

Роберт вздрогнул:

– Я не притворяюсь, Алек. Я все еще люблю твою маму. – Алек криво усмехнулся, а Роберт продолжил: – Ты еще слишком молод, сынок. В юности я тоже был максималистом и считал, что в жизни все должно быть разложено по полочкам. Но, как оказалось, бывают и отклонения...

– Отклонения? – зло перебил его Алек. – Если это намек на меня и Магнуса, можешь не продолжать, я и так уже слышал: «Сумеречный охотник-гей это не Сумеречный охотник»!

– Алек... – Голос Роберта был не сердитым, а удрученным. – Я говорил... непростительные вещи. Но я всегда гордился тобой... и горжусь сейчас.

– Я не верю тебе.

– В твоём возрасте у меня был *парабат*...

– Да, я знаю, настоящий отец Джейса, – снова перебил его Алек. – Это объясняет, почему ты принял Джейса. Но я всегда думал, что вы, вероятно, не были особенно близки. Что-то я не помню, чтобы ты скорбел о нем.

– Я не верил, что Майкл умер, – покачал головой Роберт. – Но поверь, мы были лучшими друзьями, и было время, когда он признался мне в любви.

– Что?! Майкл Вейланд любил тебя? – У Алека отвисла челюсть.

– Я... не поддержал его в этом. И попросил никогда больше не говорить мне таких слов. После этого мы отдалились друг от друга. Я взял Джейса, чтобы в какой-то мере облегчить свою вину перед Майклом, но я знаю: облегчить невозможно. – Он в упор посмотрел на Алека. – Ты решил, что мне стыдно за тебя, но на самом деле я стыжусь самого себя. Я смотрю на тебя и, как

в зеркале, вижу свои ошибки. Ты во много раз лучше меня, сынок.

Алек застыл. Он вспомнил свое видение: отец перед всеми говорит о его храбрости, о том, что он, Алек, умеет сражаться, но то, что он сказал сейчас, было совсем иным: отец признал его право на собственную жизнь, и не только признал, но и отнесся к его выбору с уважением.

Алек увидел морщины вокруг его глаз и понял, как трудно было Роберту рассказать о своей тайне.

Он нежно коснулся руки отца, впервые за многие месяцы.

– Спасибо, что сказал мне правду.

* * *

Трава была влажной, и Клэри было зябко в босоножках. Они с Джейсом шли за Магнусом к белому шатру. Из шатра доносился джаз – кто-то играл на рояле, и явно в четыре руки. Клэри увидела Алека, он стоял со своим отцом, и они о чем-то мирно беседовали. Майя рядом с Бэтом, Изабель и...

Саймон.

Сердце у Клэри подпрыгнуло, и она едва не упала в обморок. Не может быть... Да нет же, это не Саймон, наверное, кто-то другой. Очень похожий худощавый юноша с взлохмаченными волосами и в очках, но на нем была та же полинявшая рубашка, которую она видела утром... и он немного неуверенно улыбнулся ей сквозь толпу. Это был Саймон, кто же еще.

Прежде чем она сорвалась с места, Магнус положил руку ей на плечо.

– Будь *осторожна*, Клэри, – предостерег он. – Он помнит не всё. Я вернул ему некоторые воспоминания, но немного. С остальным надо подождать, но... не ожидай всего сразу.

Кивнув, она рванула через лужайку и врезалась в Саймона с такой силой, что тот чуть не упал. *Он больше не вампир*, мелькнуло в голове, но это только радовало.

Справившись со слезами, Клэри заглянула юноше в лицо. *Действительно Саймон.* Она видела веснушки на его щеках, маленький шрам на губе, который он получил, играя в футбол в восьмом классе, и эти его волосы, его глаза.

– Саймон, – прошептала она, – ты... знаешь меня? Знаешь, кто я?

Он поправил очки на переносице, рука слегка дрожала.

– Я... – Он огляделся. – Похоже, я попал на праздник, где почти никого не знаю, но все знают меня. Это...

– Ошеломляет? – спросила Клэри, пряча разочарование. – Ничего, – сказала она. – Ты все вспомнишь, просто время еще не пришло.

Саймон удивленно посмотрел на нее, потом он улыбнулся:

– Да, я помню не всё. Но тебя я помню. Ты – Клэри... Ты – мой лучший друг.

Засунув руки в карманы, Магнус стоял у дерева и наблюдал всю эту картину чуть ли не со слезами на глазах. *Становлюсь сентиментальным*, подумал он, *старею*. В окружении друзей: Клэри, Джейса, Майи, Люка и Джослин – Саймон напоминал только что вылупившегося утенка; Изабель держалась в стороне с каменным лицом.

– Можно подумать, ей все равно, – сказал, подходя, Алек. Магнус протянул руку, чтобы поправить ему галстук в тонкую синюю полоску, в цвет глаз. – Но я-то уверен, что она переживает.

– Твоя сестра пытается совладать с собой, поэтому и стоит в стороне.

– Мне следовало бы спросить, что ты сделал, но я не уверен, что мне надо это знать.

Магнус кивнул:

– Весь фокус в том, что все надо делать вовремя.

– А твой отец? Он ведь может рассердиться?

– Ну, у него и помимо меня полно забот. Он потешил свое самолюбие и на этом, надеюсь, успокоился. В конце концов, что для него горстка нефилимов, которых он отпустил. А я... Пусть он считает меня плохим сыном. Кстати, я видел, что ты разговаривал с Робертом.

Алек передал Магнусу сказанное отцом, и тот напрягся.

– Вот как... Знаешь, а я и не догадывался, – произнес он. – Последний раз я встречал Майкла Вейланда на мюзикле «Сердце всегда новичок». Актуальное название, да?

– Как ты думаешь, мне простить отца?

– Да ты и так его простил. А потом, мой друг, прощать надо ради себя, а не ради кого-то. Злиться – пустая трата времени.

– А меня? Ты простил меня ради себя? – спросил Алек. – Чтобы тебе было спокойнее?

– Я простил, потому что люблю тебя, потому что жизнь без тебя мне невыносима. Невыносима мне, невыносима моему коту. И потому, что Катарина убедила меня, что я с возрастом глупею.

– О, она мне нравится, – засмеялся Алек, и Магнус обнял его.

– И ты прости меня, – сказал он. – Прости за мои глюки, прости за то, что я не могу сделать тебя бессмертным, за то, что покончить с собственным бессмертием тоже не могу. Был шанс, но я им не воспользовался.

– Мне не за что тебя прощать, – отозвался Алек. – И я не хочу жить вечно. Возможно, у нас не так много времени, ведь как Охотник я могу погибнуть в любой момент, но даже при лучшем раскладе я состарюсь и умру. Но обещаю: я не покину тебя до самой смерти. Сколько бы мне ни осталось, может, считанные дни, может, побольше, я хочу быть только с тобой. Это о чем-нибудь говорит?

– Да, – ответил колдун. – Это говорит о том, что теперь для нас дорог каждый день.

Все танцевали. Клэри плыла в объятиях Джейса. Ей нравилось танцевать именно так: без особых премудростей, просто следуя за партнером.

Она прижалась щекой к груди Джейса, а он касался губами ее кудряшек. Ей вспомнились его слова. *Ты помогла мне стать другим, Клэри... И этот другой Джейс мне самому нравится гораздо больше.* Да, он стал другим, но изменился не только он – изменилась и она, и другая Клэри тоже нравилась ей гораздо больше. Она собралась сказать ему об этом, но кто-то коснулся ее плеча. Она обернулась и увидела улыбающуюся маму.

– Джейс, можно тебя кое о чем попросить? – сказала Джослин.

Клэри знала, что ее мать относится к Джейсу с легким недоверием, но в этом не было ничего криминального – редкая мама так уж сразу отнесется с любовью к бойфренду своей дочери.

Джейс кивнул.

– Ты ведь классно играешь? – продолжила Джослин. Клэри рассказывала мне о твоих талантах. Может, поиграешь для нас?

Джейс бросил на Клэри быстрый взгляд, в котором мелькнула тень осуждения – *зачем?* – но потом улыбнулся Джослин ангельской улыбкой и пошел к роялю. Через мгновение над поляной полились звуки классической музыки.

Тесса Грей и Захария стояли в углу и смотрели, как легкие пальцы Джейса Эрондейла касаются клавиш. Джейс был без галстука, ворот рубашки расстегнут; он весь был во власти

музыки.

– Шопен, – улыбнулась Тесса. – Интересно, малышка Эмма Карстейрз когда-нибудь будет играть на скрипке?

– Не спеши, – насмешливо произнес Захария. – Нельзя форсировать такое.

Она бросила на него серьезный взгляд.

– Жаль, что ты не можешь сказать о связи между вами, ей было бы не так одиноко.

– Пока это невозможно, Тесса. Я намекнул, вот и всё.

– Что ж, будем присматривать за ней. – Она притронулась к меткам на его лице, оставшимся от того времени, когда он был Безмолвным братом. – Все войны на моей памяти так или иначе связаны с теми, кто мне дорог, кого я знала. С Эрондейлами, Фэйрчайлдами, Лайтвудами, Карстейрзами, Блэкторнами... Вот сейчас я смотрю на играющего Джейса Эрондейла и вижу призраков, которые стоят за его спиной. А ты?

– Смотря что понимать под призраками. Если призраки – это воспоминания, которые мы носим, чтобы не забыть тех, кого мы любили когда-то, то да, я вижу их.

– Да, – кивнула она. – И знаешь, мне бы очень хотелось, чтобы Уилл Эрондейл был здесь с нами и видел все это.

Она ощутила шелк его черных волос, когда он наклонился, чтобы поцеловать ей пальцы... трогательный, старомодный жест.

– Он с нами, Тесса. Он видит нас. Я верю в это. А иногда мне кажется, что и я вижу его, угадываю его настроение.

– И что он чувствует теперь? – прошептала она. – Он счастлив или грустен?

– Он счастлив, Тесса. Уилл радуется, видя нас вместе, как и мне всегда доставляло радость видеть вас вместе. – Он заметил приближающихся к ним Джослин и Клэри. – А что касается прошлого, думаю, кто-то хочет поговорить с тобой, и о нем в том числе.

Клэри с умилением наблюдала за Чёрчем, когда к ней неслышно подошла мама. В честь свадьбы на кота нацепили ошейник с маленькими серебряными колокольчиками, понятно, что его это раздражало, и в отместку он с остервенением вгрызался в ножку рояля.

– Хочу тебя кое с кем познакомить, – с загадочным видом сказала Джослин и взяла дочь за руку. – Идем-ка.

Клэри вздохнула, ей не хотелось отходить от Джейса, но все же пошла за матерью. И не пожалела. Джослин подвела ее к той самой красивой девушке в винтажном платье, что привлекла ее внимание раньше. Девушка приветливо улыбнулась, а брат Захария, кивнув Клэри и сказав, что ему надо переговорить с Магнусом, деликатно удалился.

– Клэри, – торжественно произнесла Джослин. – Это Тесса, Тереза Грей.

– Изабель...

Девушка стояла у рояля и слушала игру Джейса; хруст дерева под зубами Чёрча ей нисколько не мешал. Музыка напомнила о детстве, о том, как Джейс часами упражнялся в комнате для музыкальных занятий. У Алека это вызывало насмешки, но ей самой нравилось и тогда, и сейчас.

– Изабель...

Это был Саймон; он раскраснелся от жары и смущения. Как странно... Она привыкла, что Саймон-вампиры всегда были белым как смерть. Но он ведь не всегда был вампиром.

Взгляд его темных глаз светился интересом к ней, но она так и не могла понять: это интерес или все-таки узнавание? Раньше Саймон никогда *так* на нее не смотрел, и от этого она испытывала томление. Прежде Саймон был для нее одним из немногих, но теперь... Теперь он

многое значил для нее.

– Изабель, – в третий раз повторил он, и она поймала смеющийся взгляд Джейса. – Потанцуешь со мной? – наконец выдавил Саймон.

Она со вздохом кивнула, и он повел ее в круг. На каблуках она была одного с ним роста, что позволяло им смотреть в глаза друг другу. Глаза Саймона за большими стеклами очков были темно-кофейного цвета.

– Мне сказали... – он кашлянул, – то есть мне кажется, мы с тобой...

– Не надо, – перебила она. – Не говори ничего. Если ты не помнишь, то я и слышать не хочу объяснений.

Саймон положил одну руку ей на плечо, а другой обнял за талию. Его кожа была не холодной, как раньше, а теплой. И он казался таким хрупким.

– Но я хочу вспомнить, – сказал он, и Изабель подумала, что он всегда был настойчив; что ж, по крайней мере, в этом не изменился. – Я кое-что помню... но, вероятно, не всё. Я помню, что ты – Иза бель.

– Ты называл меня Иззи. – Она вдруг ощутила страшную усталость. – Не Изабель, а Иззи.

– Иззи, – повторил он. – Иззи, я помню, как целовал тебя.

Она вздрогнула:

– Нет, не помнишь.

– Помню. – Его пальцы скользнули вдоль позвоночника, отчего ей всегда бывало щекотно. – Иззи... моя жизнь текла как обычно: дом, колледж, репетиции нашей группы, но всё было как-то не так. Словно мне не хватало чего-то. А теперь я знаю, чего именно: *тебя*. Ты мне снишься ночами, Иззи.

– Мы все тебе снятся?

– Ты чаще других. Девушка с темными-претемными глазами. – Он ласково подергал ее за кончики волос. – Магнус сказал, что я поступил как герой, но я так и не понял, в чем суть моего геройства. Но... когда ты смотришь на меня, мне кажется, ты ищешь того парня... ну, героя. И мне бы хотелось стать тем парнем. Тем парнем, который целует тебя, потому что имеет на это полное право. Если ты наберешься терпения, я снова стану таким.

Та к мог говорить только *Саймон*. Она взглянула на него, и в ее груди проснулась надежда, которую не хотелось отгонять.

– Попробуй, – сказала она. – Но я ничего не могу обещать.

– Другого я от тебя и не ждал, – просиял Саймон. – Ты разбила мне сердце, Изабель Лайтвуд. По крайней мере, это я помню.

– Тесса – колдунья, – сказала Джослин, – но если бы только это... Когда ты родилась, я не знала, как наложить на тебя защиту. Я была в панике. Тогда мне на помощь пришел брат Захария. Он призвал Тессу, и она совершила этот обряд. Ты была ребенком и не можешь помнить этого, – продолжила Джослин, но Клэри подумала, что с самого начала эта девушка показалась ей удивительно знакомой.

– Но почему мы не встречались раньше? – спросила Клэри, глядя на мать, крутившую на пальце обручальное кольцо.

– Потому что я давно уже не встречалась ни с кем из Сумеречных охотников, – ответила вместо нее Тесса. – Как маг Спирального лабиринта, я помогала им, но личные связи – все это осталось в прошлом. Вернее оставалось – до сегодняшнего дня. К тому же я просила твою маму не говорить тебе об этом без меня. – Голос у Тессы был музыкальный, с легким британским акцентом.

Джослин чмокнула дочь в макушку:

– Почему бы вам не поговорить наедине?

Тесса кивнула, а Клэри хотела возразить, но не успела – мама ушла.

– Ты колдунья, маг, а дружишь с Безмолвным братом... Вы больше, чем друзья... правда? – Вопрос сам слетел с губ, хотя и был бестактный.

Тесса коснулась жемчужного браслета на левой руке:

– В моей жизни все очень необычно, но ведь и о тебе можно сказать то же самое. – Ее глаза сверкнули. – А Джейс Эрондейл очень хорошо играет.

– Да, он умеет играть. Но... откуда ты знаешь, что он Эрондейл? Официально он Лайтвуд – пока.

– Я же колдунья, Клэри, – засмеялась Тесса. – И Эрондейлы, Лайтвуды – славные семейства, но так уж сложилось, что моя судьба тесно переплелась с судьбой Эрондейлов. Последние годы, вернее даже сказать – десятилетия, я провела в Спиральном лабиринте. Это был мой выбор. Мне казалось, что там я найду успокоение... Нет, – покачала она головой, – ничего не получилось, успокоения я не нашла. Однажды я спросила Магнуса, можно ли мне поговорить с Джейсом о прошлом Эрондейлов, но он посоветовал подождать. «Пока еще не время», – сказал он. – Тесса затеребила браслет. – Этот год был очень тяжелый для Сумеречных охотников, да и не только для них. Столько потерь, столько горя... Маги Спирального лабиринта вместе с Безмолвными братьями пытались найти средство, которое помогло бы вернуть Помраченным разум, но у нас ничего не вышло. Зато... – Она бросила взгляд в сторону Захарии. – Зато Захария снова стал смертным, и это чудо произошло благодаря Джейсу. – Она снова посмотрела на Захарию – тот гладил Чёрча; кот запрыгнул на стол с шампанским, проявляя явный интерес к напитку. – Ты даже представить не можешь, что это значит для меня, как я благодарна вам за то, что вы сделали для моего... для Захарии.

Захария взял Чёрча на руки, и Клэри буквально разинула рот от удивления: кот был на седьмом небе от счастья.

– Вот это да... Чёрч никому не дается...

Тесса улыбнулась:

– Я бы так не сказала.

– Но Захария... он и правда теперь смертен? – спросила Клэри. – Просто... обычный нефилим?

– Да, – кивнула Тесса. – Мы с ним знаем друг друга очень давно. У нас с ним была встреча в Лондоне... Он пришел, и тут выяснилось, что он смертный.

– И ты ничего не знала? – ахнула Клэри. – Да я бы его убила на месте.

– Ну, теперь на эту меру так просто не пойдешь, – рассмеялась Тесса. – По-моему, он боялся... Его беспокоило, как я, бессмертная, восприму эту новость. – В глазах ее мелькнула печаль. – Да, что делать, он постареет и умрет, а я останусь такой, как всегда. Но он, до того как снова стал смертным, немало пожил, и это нас с ним сближает. По крайней мере, он понимает, что это такое – терять близких, когда сам живешь. Но мы любим друг друга, и у нас еще много впереди, вот что самое важное.

Тесса закрыла глаза, и на миг показалось, что она полностью поглощена музыкой.

– У меня есть для тебя кое-что, – сказала она чуть позже. – Вернее, для вас обоих, для тебя и Джейса. – Она вынула из кармана кольцо и протянула Клэри. На серебре были выгравированы летящие птицы. – Это кольцо когда-то принадлежало Джеймсу Эрондейлу, ему много лет. Если Джейс хочет быть Эрондейлом, он должен носить его.

– Спасибо, – поблагодарила Клэри, – но ты могла бы сама передать его? Ты не хочешь поговорить с Джейсом?

– Нет, – покачала головой Тесса. – Посмотри на него. Мне кажется, он счастлив. Он сам

принимает решения, и сам отвечает за них. Не хочу вмешиваться. Но у меня есть еще кое-что. – Она протянула Клэри книгу в синем бархатном переплете; та и не заметила, откуда эта книга взялась. – Это *Кодекс*, и я хочу подарить его тебе. Не сомневаюсь, что у тебя есть свой экземпляр, но этот мне дорог. На задней стороне обложки есть надпись... видишь? – Она перевернула книгу, и Клэри увидела слова, написанные золотом.

– *Свободно служим Богу из любви свободной*, – прочитала Клэри и взглянула на Тессу. – Спасибо... но мне как-то неловко. Ты уверена, что хочешь расстаться с этой книгой?

Тесса мягко улыбнулась.

– Фэйрчайлды мне безразличны, – призналась она, – а твои рыжие волосы и твое упорство напоминают мне о тех, кого я любила. Я знаю, тебе пришлось нелегко. За твоей спиной шипели и еще будут шипеть, что ты – дочь Валентина Моргенштерна, что ты – сестра Себастьяна. Но кровное родство не всегда имеет значение. Ты доказала, что умеешь решать сама, и уже не отступишь от этого принципа. – Она перевела взгляд на Джейса, пальцы которого быстро бегали по клавишам. – Свобода – не дар, это право, которое надо отстаивать, и вы с Джейсом понимаете это.

– Ты так серьезна, Тесса. Смотри, напугаешь девочку, – сказал подошедший к ним Захария.

– Ну уж нет, – засмеялась Тесса, – эту девочку не напугаешь. Я просто давала ей советы.

Захария положил руку Тессе на плечо.

– Боюсь, пора прощаться, – сказал он. – Нам предстоит долгий путь.

– Прощаться? Жаль... А куда вы направляетесь? – Клэри прижала *Кодекс* к груди.

– В Лос-Анджелес, – ответила Тесса, и Клэри обрадовалась. Ей было известно, что Эмма и младшие Блэкторны живут в лос-анджелесском Институте, который перешел под начало дяди Джулиана. Она не стала спрашивать, зачем Тесса и Захария собираются именно в этот Институт, но была уверена в том, что у несчастных детей наконец-то появится ангел-хранитель. Тесса как нельзя лучше подходила для этой роли.

– Приятно было с тобой познакомиться, – взволнованно произнесла она. – И спасибо тебе. За всё.

Тесса поцеловала ее в щеку и, сказав, что пойдет попрощаться с Джослин, исчезла в толпе.

Клэри с любопытством посмотрела на Захарию:

– Помнится, ты однажды признался, что в твоей жизни была большая любовь. Это Тесса, да?

– Да, – кивнул он, – но не только она. Я не перестал любить ее и моего *парабатая*; любовь не заканчивается со смертью.

– Твоего *парабатая*? Ты потерял своего *парабатая*? – Клэри стало больно за него – она знала, что это означает для нефилимов.

– Он в моем сердце, ведь я его не забыл. Наша душа соткана из воспоминаний. Мы сами живем воспоминаниями, и те, кто ушел, живут благодаря нашим воспоминаниям. Немного сложно для тебя, да?

Клэри подумала о Максе, Аматис, о Рафаэле и Джордане и... о Джонатане. В горле у нее запершило от подступающих слез.

– Ладно. – Захария шутливо щелкнул ее по носу. – Передай Джейсу Эрондейлу, что он прекрасно исполняет Шопена.

Клэри проводила его взглядом, сжимая в руках кольцо и книгу.

– Никто не видел Чёрча? – раздался чей-то голос у нее над ухом. Изабель. А рядом с ней Саймон. И Майя, а чуть поодаль Бэт. – Клянусь, я видела, как Захария запихивает кота в багажник своего автомобиля.

– Быть того не может, – сказал подошедший Джейс; он раскраснелся, рукава его рубашки

были закатаны по локоть. – Чёрч живым никому не дастся.

– Ну, кого-то он, похоже, обожает, – засмеялась Клэри.

Саймон посмотрел на Джейса с плохо скрываемым ужасом:

– Я что... укусил тебя?

Джейс притронулся к едва заметному шраму на шее:

– Офигеть можно, при полной потере памяти *это* ты помнишь.

– Да перестань смеяться. Какой-то корабль...

– Ты гляди-ка, а! Ладно, ладно, попил ты мой крови, но давай не будем об этом, – ответил

Джейс. – Ты уже не вампир. Ап, фокус-покус.

– Могу добавить, что ты и у Алека крови попил, – сообщила Изабель.

– Вау, а я и не знала ничего, – хлопнула себя по бокам Майя; Бэт наконец осмелился подойти к ней, и Майя в его обществе просто светилась.

– Сказал, хватит. – Джейс на секунду нахмурился. – То, что было в Царстве демонов, пусть там и остается. – Потом он повернулся к Клэри: – Хочешь прогуляться?

– Хочешь или хотите? – пропела Изабель. – Ты, наверное, намекаешь, чтобы мы оставили вас одних?

– Иззи, – одернул ее Саймон.

– Пойдемте к озеру, – не обращая внимания на подколы подруги, сказала Клэри. – Там так красиво. Особенно ночью.

– О, это я помню, – улыбнулся Саймон, и она почувствовала, как подпрыгнуло сердце. Они с Саймоном приезжали сюда каждое лето, мама его отпускала. Сколько же здесь пережито!

Девушка взяла Джейса за руку и позвала Майю и Бэта, они не решались присоединиться к компании. Изабель побежала звать брата и Магнуса. Им всем хотелось быть вместе.

Когда они спускались по тропинке, Клэри оглянулась и увидела, что мама и Люк смотрят им вслед. Джослин махнула рукой, а Люк конечно же улыбался. Улыбки издали не было видно, но разве может быть по-другому?

Магнус стоял и смотрел на поглощенных беседой Клэри и Тессу, когда к нему подошла Катарина Лосс. В волосах колдуньи были синие цветы в цвет ее кожи.

– Тебя что-то беспокоит? – участливо спросила Катарина. – Но что? Я видела, как ты целовал этого юношу. У вас все в порядке. Значит, что-то другое.

– Да, – кивнул Магнус. – С Алеком у нас все в порядке.

– Еще я видела, как ты разговаривал с Тессой... Странно, что она здесь. Может, тебя это напрягло? Прошое, настоящее и будущее сошлись в одной точке, такое нечасто бывает.

– Может быть, – на всякий случай согласился Магнус, хотя и не думал об этом. – Тебе-то я могу сказать, что мне всегда нравилась Тесса и ее мальчишки.

– Согласна, сын Тессы был шедевром, – кивнула Катарина.

– Как и дочь, – засмеялся Магнус, но смех вышел невеселым. – Последнее время я чувствую, как прошое давит на меня, Катарина. Я повторяю старые ошибки, наступаю на одни и те же грабли. Но это не самое страшное. Нижний мир штормит, слухи о грядущей войне ходят все чаще. Хотел бы я, чтобы они так и остались слухами, но, боюсь, фейры будут мстить за унижение.

– А их никто не унижал, они сами унизили себя, нарушив Соглашение. Но ты прав, – заметила Катарина. – Они упрямые как ослы. Это маленьким детям можно сказки рассказывать: ах, прекрасные феи. Нет, фейры способны долго, поколениями, выжидать момента для мести. Та к что переведи дух, это случится не сейчас.

Магнус задумчиво покачал головой. Клэри и Тесса все еще разговаривали, Алек болтал с

Майей и Бэтом, Изабель и Саймон танцевали, а Джейс играл Шопена. *Как же хрупок этот мир...*

– Ах, – вздохнула Катарина. – Ты волнуешься за них, ты их любишь.

– Я волнуюсь и за них, и за их детей.

– И хорошо, что волнуешься. Лучше волноваться, чем ничего не чувствовать. Это только камни бесчувственны. – Катарина промокнула уголки глаз, и Магнус удивился: он никогда не видел, чтобы она плакала. – Между прочим, мне жаль Рафаэля. Мне не представлялось случая сказать об этом, но вот говорю. Я знаю, что однажды ты спас его.

– А потом он спас меня.

К ним подошел Алек и вежливо кивнул Катарине:

– Магнус, мы идем на озеро. Ты с нами?

– На озеро? Зачем? – спросил колдун.

Алек пожал плечами:

– Клэри говорит, что там красиво. Ну да, когда из него поднимался большущий ангел, это было клёво. – Он протянул руку. – Пойдем. Все идут.

Катарина улыбнулась.

– *Carpe diem*. Лови момент, – сказала она Магнусу. – Не трать времени на беспокойство.

Она подобрала юбки и пошла к шатру; ноги ее мелькали, как синие цветы.

Озеро напоминало серебряную монету, в нем отражались небо и звезды. Клэри, сидевшая на расстеленной куртке, слышала, как Алек называет Магнусу созвездия: Лев, Стрелец, Лебедь... Майя, скинув туфли, брела вдоль берега. Бэт шел рядом, Клэри увидела, как он робко взял ее за руку.

Саймон и Изабель о чем-то перешептывались. Иззи то и дело смеялась. Неужели Саймон научился рассказывать анекдоты?

Джейс привлек к себе Клэри и спросил, увидев лежавший у нее на коленях *Кодекс*:

– Что это?

– Мне подарили. А вот подарок для тебя. – Она взяла его руку, один за другим разогнула пальцы и положила на ладонь серебряное кольцо.

– Кольцо Эрондейлов? – изумился он. – Где ты...

– Это кольцо принадлежало Джеймсу Эрондейлу. Я не знаю точно, кто он, но это один из твоих предков. Ты говорил, что Железным сестрам пришлось бы сделать новое кольцо, но в этом нет необходимости. Это настоящее кольцо Эрондейлов, Джейс.

Он надел кольцо на безымянный палец правой руки.

– Каждый раз, – прошептал он. – Каждый раз, когда я думаю, что я потерял что-то важное, ты возвращаешь мне это с лихвой.

Клэри промолчала – иногда слова не нужны; она просто повернулась и поцеловала его в щеку. Он был прекрасен. Звездный свет лился на него, озаряя лицо, а кольцо Эрондейлов на его пальце напоминало о том, что прошлое, настоящее и будущее тесно связаны.

Любовь не заканчивается со смертью.

– Тебе нравится имя Эрондейл? – спросил он.

– Это твое имя, как оно может мне не нравиться?

– Я мог бы быть Бладстиком, или Рейвенхейвеном, или...

– Ну, ну, не выдумывай, нет такого имени – Бладстик, – засмеялась Клэри.

– Да? Ну, значит, вышло из употребления. А что, Эрондейл неплохо звучит. Можно сказать, сладостно. Подумай, как звучит – Клэри Эрондейл...

– *Ужасно!*

– Что ж, любовь иногда требует жертв. – Он улыбнулся и взял в руки *Кодекс*: – Старое издание. О, да здесь цитата из Мильтона.

– А ты знаток, – обрадовалась она и прижалась к нему.

Магнус развел костер, и искры от него весело полетели ввысь. В неровном свете пламени надпись полыхнула золотом:

*Свободно служим Богу из любви
Свободной. Мы вольны Его любить
Иль не любить, сберечься или пасть*^{[\[9\]](#)}.

Благодарности

Тем, кого я люблю: на сей раз хочу сказать спасибо моим читателям, кто продержался со мной на головокружительном аттракционе, в который превратилась вся эта сага. Я не променяю вас и на золото Магнуса.

notes

Примечания

Цитата из «Энеиды» Вергилия.

Исход, 13:21.

Себастьян самонадеянно цитирует слова Евангелия от Луки (1:32–33), искажая истинный смысл.

Левит, 6:9.

Снова искаженная цитата из Библии. См.: Апокалипсис, 2:26–27.

Апокалипсис, 1:18.

Перевод Б. Пастернака.

Евангелие от Иоанна, 14:2.

Строки из «Потерянного рая» в переводе А. Штейнберга.